

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (44)
2014

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Деятельность представителей православной церкви от губерний Северо-Западного края в III Государственной думе Российской империи	4
ПУШКІН І.А. Асаблівасці фарміравання і развіцця нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі БССР у 1920-я гг.	10
КРЫВУЦЬ В.І. Культ асобы Ю. Пілсудскага як элемент дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі ў 2-й Рэчы Паспалітай	16
КУЗЬМИН А.Д. История изучения социокультурного облика чиновничества белорусских губерний второй половины XIX – начала XX вв. в белорусской и российской историографии	21
ЦУМАРЕВА Е.П. “Цензурный труд невыносим”. О деятельности Виленского Временного комитета по делам печати (1907–1914 гг.)	28
СОЛОВЬЕВ Р.В. Взгляды М.О. Кояловича в кругу идей российской историографии второй половины XIX в. и проблема изучения белорусских земель	34
КУЛАБУХОВА Е.В. Деятельность белорусских православных священнослужителей в годы революции 1905–1907 гг.	39
ВИШНЕВСКИЙ М.И. Философское образование как поиск смыслов бытия	46
СТАРОСТЕНКО В.В. Истоки религиозной толерантности в Беларуси	52
FADZEYEVA IRINA. Über die innersprachlichen Bemühungen der Sprachforscher um die Reinigung der deutschen Sprache von Fremdwörtern im kulturhistorischen und linguistischen Kontext	58
ГРАДЮШКО А.А. Стратегии новостных интернет-изданий Беларуси в социальных сетях	67
КОСТЮК О.П. Мифологическая инициация как способ идентификации индивида в социуме	73
ДАНИЛОВИЧ Т.В. Идея автономии искусства в литературной критике Н.И. Ульянова	79
РУБАНОВА Е.В. Компьютерный подъязык: нерешенные вопросы	84
ПРЫНА А.В. Сучасная візуальная паэзія: графічныя формы адлюстравання зместу	92
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	100
SUMMARIES	101

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 329.12(=161.1)(476)“1907/1912”

Д.С. ЛАВРИНОВИЧ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ОТ ГУБЕРНИЙ СЕВЕРО- ЗАПАДНОГО КРАЯ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена исследованию деятельности православных священнослужителей, избранных депутатами III Государственной думы от Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. Автор дает характеристику социального, образовательного, профессионального, имущественного положения депутатов-священнослужителей; показывает их работу в комиссиях, разработку законопроектов, направленных на улучшение положения церкви и населения. Особое внимание обращается на политическую деятельность представителей православной церкви в Думе, их участия в кампании за расширение “русского” представительства в Государственном совете от губерний Северо-Западного края и съездах западнорусских братств.

Введение

Учреждение Государственной думы в начале XX в. открыло возможность легальной политической и законотворческой деятельности представителям православной церкви. Третий созыв “народного представительства” в 1907–1912 гг. смог продемонстрировать положительный опыт конструктивной работы по решению многих актуальных задач, стоявших тогда перед российской властью. III Дума просуществовала весь отведенный ей законом срок, подав пример движения, хотя и едва заметного, по пути прогресса. Важную роль в этом, впервые в истории российского парламентаризма, сыграло и православное духовенство.

Основная часть

В III Государственной думе представительство священников было наибольшим за всю дореволюционную историю. В рядах депутатов было 49 священнослужителей, из них 7 православных священников и 1 епископ происходили из губерний Северо-Западного края. Для сравнения: в I Государственной думе среди депутатов не было ни одного православного священника – представителя белорусских земель, во II Думе – таких представителей было всего 2, а в IV составе нижней законодательной палаты – 5 [1, с. 37–40].

По итогам избирательной кампании осенью 1907 г. депутатами Государственной думы стали священники: от Виленской губернии – А.С. Вераксин, от Витебской губернии – Ф.И. Никонович, от Гродненской губернии – В.М. Кузьминский, от Минской губернии – С.И. Соловьевич, В.А. Якубович, от Могилевской губернии – В.Ф. Голынец. Членом “народного представительства” стал также епископ Гомельский Митрофан. В сентябре 1908 г. в Минске на дополнительных выборах депутатом был избран священник А.Д. Юрашкевич, заменивший исключенного из Думы лидера местных октябристов Г.К. Шмидта.

В.А. Якубович был избран в нижнюю палату уже во второй раз (до этого был депутатом II Государственной думы от Минской губернии).

Принадлежавшие к священническому званию депутаты отличались происхождением, уровнем образования, стажем и родом церковной деятельности, имущественным положением. Трое из них достигли уже пожилого возраста (старше 50 лет – В.Ф. Гольнец, Ф.И. Никонович, А.Д. Юрашкевич), остальные находились на середине жизненного пути. Самым молодым (в 1907 г. – 35 лет) и деятельным был А.С. Вераксин. Все священнослужители окончили духовные семинарии, 2-е – духовные академии (Митрофан и А.Д. Юрашкевич). На момент избрания депутатом А.С. Вераксин был священником Березвечского женского одноклассного общежительного монастыря, Ф.И. Никонович – благочинным Люцинского округа и настоятелем городского собора, В.М. Кузьминский – протиреем в Слониме, С.И. Соловьевич – приходским священником в Новогрудском уезде, В.А. Якубович – благочинным 2-го округа Минской губернии, настоятелем Николаевской церкви в Петрикове, В.Ф. Гольнец – настоятелем Георгиевской церкви в с. Болоново-Седлец Быховского уезда, А.Д. Юрашкевич – ректором Минской духовной семинарии. Источником дохода для священнослужителей были церковные земли и жалование, получаемое за преподавательскую или иную деятельность. Так, С.И. Соловьевич жил на годовое жалование в 400 руб., В.Ф. Гольнец имел 92 десятины церковной земли и получал жалования 500 руб. в год, В.М. Кузьминский зарабатывал 600 руб. в год, В.А. Якубович имел собственный дом, 62 десятины церковной земли и жалования 2,5 тыс. руб. в год, но ему приходилось содержать семерых детей. А.С. Вераксин владел 300 десятин церковной земли и как заведующий женской учительской школой получал 1260 руб. годового жалования. Ф.И. Никонович распоряжался 66 десятинами земли, но как законоучитель городского училища в Люцине получал 1800 руб. в год. А.Д. Юрашкевич как ректором духовной семинарии получал годового жалования 2150 руб. [2].

Православные священнослужители, представлявшие белорусские губернии в Государственной думе, вошли и в многочисленные комиссии, как постоянные, так и временные. С.И. Соловьевич, Ф.И. Никонович и А.Д. Юрашкевич были активными членами комиссии по делам православной церкви. Кроме того С.И. Соловьевич и А.Д. Юрашкевич входили в комиссию по вероисповедальным вопросам. В комиссии по народному образованию работал А.Д. Юрашкевич, а также А.С. Вераксин, в чиншевой комиссии – С.И. Соловьевич и Ф.И. Никонович. А.С. Вераксин дополнительно входил в комиссии по местному самоуправлению и распорядительную, А.Д. Юрашкевич – в библиотечную комиссию и комиссию по гимназиях и подготовительных училищах, Ф.И. Никонович – в комиссию по городским делам. В.М. Кузьминский числился в земельной комиссии, В.А. Якубович – в комиссии по переселенческому делу, и оба вместе – в комиссии по разбору корреспонденции. Епископ Митрофан возглавлял комиссию о мерах борьбы с пьянством [2].

Депутаты-священнослужители активно участвовали в законотворческой работе Думы, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с деятельностью православной церкви, народным образованием или проблемы, затрагивавшие население Северо-Западного края. Используя Государственную думу, они пытались улучшить положение простых людей. Особое внимание было обращено на чиншевой вопрос. Чиншевики – вечные и потомственные арендаторы помещичьих, церковных и государственных земель, платившие владельцу земли ус-

ловленную арендную плату – чинш. После отмены крепостного права с чиншеви́ками, как правило, были заключены краткосрочные письменные договоры об аренде земель, оставшихся у их прежних собственников. Подобные договоры позволяли последним регулярно поднимать арендную плату и закабалить чиншеви́ков, как в сельской местности, так и местечках и городах, где многие дома и церкви были построены на частных землях. По инициативе белорусских депутатов 4 декабря 1907 г. в III Государственную думу был внесен законопроект “Об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения”. Среди 35 подписей под законопроектом стояли подписи А.С. Вераксина, В.М. Кузьминского и Ф.И. Никоновича [3, с. 95]. Предполагалась полная отмена чиншевого права. Арендные чиншеви́ками земли должны были выкупаться государством у владельцев и предоставляться в собственность арендаторам. Последние обязаны были в течение 30 лет возместить правительству затраченные на выкуп денежные средства. Законопроект более трех лет находился на рассмотрении думской комиссии по упразднению чиншевого права. Только 4 июня 1911 г. он получил одобрение общего собрания депутатов, но из-за позиции Государственного совета, к сожалению, законом так и не стал [3, с. 96].

Священнослужители поддержали и приняли участие в лоббировании ряда законопроектов, направленных на улучшение положения крестьянского населения: А.С. Вераксин – “Об улучшении и увеличении крестьянского землевладения и землепользования”, “О выдаче пособий крестьянам при переселении на отрубные участки”; Ф.И. Никонович – “Об изменении закона о взимании и отправлении земельных и натуральных повинностей крестьян” и др. В.М. Кузьминский был одним из инициаторов законопроекта, предусматривавшего введение пенсий учителям церковно-приходских училищ. В дискуссии по вопросу о судьбе церковно-приходской школы деятельное участие принимали А.С. Вераксин, Ф.И. Никонович, А.Д. Юрашкевич и епископ Митрофан.

По своим политическим воззрениям все депутаты-священнослужители от Северо-Западного края были консерваторами. Так, епископ Митрофан, А.С. Вераксин, Ф.И. Никонович и А.Д. Юрашкевич вошли во фракцию правых, В.Ф. Гольнец, С.И. Соловьевич и В.А. Якубович стали членами фракции умеренно-правых, В.Ф. Гольнец примкнул к группе беспартийных. В.М. Кузьминский вошел в русскую национальную фракцию, в которую затем перешли С.И. Соловьевич и В.А. Якубович.

Наиболее активную политическую деятельность осуществлял А.С. Вераксин. Он был председателем Глубокского отдела Союза русского народа, автором черносотенной газеты “Русское знамя”, членом “Русского собрания”, некоторое время сотрудничал с Русским народным союзом имени Михаила Архангела. В 1910 г. Вераксина избрали кандидатом в члены Главного совета Союза русского народа, в 1912 г. он участвовал в работе IV съезда союза и V съезда русских людей.

Ф.И. Никонович являлся активным членом ряда правых партий и общественных организаций: “Русского собрания”, Русского народного союза имени Михаила Архангела, Русского окраинного союза, Славянского благотворительного общества, Русского национального клуба, Общества религиозно-нравственного просвещения в память об Иоанне Кронштадском. Ф.И. Никонович, впервые оказавшийся в горниле “большой политики”, решил описывать думскую жизнь в своем дневнике. День за днем он вел подробную запись событий, оче-

видцем которых являлся. Причем священник не просто фиксировал происшедшее, но и анализировал его, давал свою оценку. Дневниковые записи регулярно печатались в “Полоцких епархиальных ведомостях”, а впоследствии в 1912 г. были изданы отдельной книгой [4].

Ф.И. Никонович подробно описывает деятельность тех объединений, в которые он сам входил – пастырской группы и фракции правых. Последний выбор он объясняет тем, что фракция правых: “...ставит девизом – православие, царское самодержавие и русскую народность. Интересы православной церкви и духовенства, церковной школы и всего того, что близко и дорого духовенству, понимаются и защищаются в этой фракции так, как понимать и защищать их может и должно только само духовенство” [4, с. 88]. В дневнике показывается численность, организация, особенности программы и тактики правых в III Государственной думе. Кроме того имеются сведения об образовании фракции русских националистов и умеренно-правых. Витебский депутат приводит сведения и о т. н. “черном блоке” правых депутатов Думы и членов Государственного совета. К сожалению, осветить до конца деятельность III Государственной думы и связанных с ней политических партий и общественных организаций витебский депутат не смог. 14 февраля 1911 г. он умер от рака желудка после операции в клинике Юрьевского университета. Был похоронен в Люцине [2, с. 431].

А.Д. Юрашкевич входил в Минский отдел “Союза 17 октября”, был активным членом минских православных братств, борцом с “польским засильем” и католической церковью, публицистом и значительным церковным полемическим писателем. Он являлся автором таких работ как “Общий взгляд на западно-русскую униатскую церковь до и во время воссоединения униатов с православной церковью в 1839 году”, “Пространство папских притязаний: (Ответ на вопрос: обязан ли католик папист повиноваться государственным законам?)”, “Отказалось ли папство от инквизиции?” и др.

Епископ Митрофан был одним из создателей Союза русских людей при Могилевском Богоявленском братстве в 1905 г., почетным членом Союза русского народа, кандидатом в члены его Главного совета, членом “Русского собрания”. Уже будучи депутатом, он стал одним из учредителей созданного в 1908 г. Русского окраинного общества.

Ярким проявлением монархических позиций депутатов-священнослужителей стало их участие в кампании за расширение “русского” представительства в Государственном совете от губерний Северо-Западного края. Почин ей дал Витебский русский предвыборный комитет, который непосредственно после выборов в III Государственную думу возбудил соответствующее ходатайство [4, с. 99]. Затем с подобной же идеей выступил Минский отдел Русского окраинного общества (РОО), который также потребовал разделения на национальные курии (русскую, польскую и еврейскую) на выборах органов городского самоуправления [5, с. 15–16]. Один из руководителей РОО, член Государственного совета Д.И. Пихно написал записку на имя Николая II об организации выборов членов Госсовета на основе пропорционального представительства от русских (православных) и польских землевладельцев в Северо-Западном и Юго-Западном краях. Записку подписали 32 члена Государственного совета [6, с. 2].

В марте 1909 г. в Санкт-Петербурге в клубе умеренно-правых общественных деятелей (*позднее Всероссийский национальный клуб. – Д.Л.*) состоялось совещание по данному вопросу, собранное по инициативе Д.И. Пихно и себежского уездного предводителя дворянства Я.Н. Офросимова. Последний составил особую за-

писку, в которой на основании цифровых данных пытался доказать несостоятельность избирательного закона в Государственный совет, т. к. по нему от Северо-Западного края в верхнюю палату проходили преимущественно польские помещики [7]. Собрание постановило учредить в Санкт-Петербурге Союз русских общественных деятелей западных губерний для обсуждения мер к изменению избирательного закона в Государственный совет. В союз вошли и депутаты-священнослужители от белорусских губерний, входившие в правые фракции Думы [4, с. 96].

В апреле того же года соответствующий законопроект был внесен в Государственную думу. Тогда же во Всероссийском национальном клубе состоялась встреча представителей губерний Северо-Западного края с правыми и консервативными депутатами нижней палаты. На собрании председательствовал виленский православный архиепископ Никандр. Было решено составить на местах петиции о том, чтобы законопроект об изменении выборов в Государственный совет был рассмотрен в законодательных учреждениях в текущую сессию. Собравшиеся указали на необходимость введения в верхнюю палату хотя бы по 1 русскому представителю от каждой западной губернии. Также было решено, чтобы от каждой белорусской губернии было избрано по 3–4 уполномоченных от русского населения, готовых по первому призыву прибыть в Санкт-Петербург для дальнейших ходатайств по возбужденному вопросу [4, с. 100].

26 апреля 1909 г. уполномоченные от Северо-Западного края прибыли в столицу. Делегация состояла наполовину из духовных лиц: виленского архиепископа Никандра, гродненского епископа Михаила, настоятеля гродненского кафедрального собора протоиерея Д. Корчинского, минского епархиального наблюдателя священника Д. Павского, 3-х священников из Ковенской и Виленской епархий. Светскими уполномоченными от Витебской губернии были националисты Я.Н. Офросимов, барон А.Ф. Розен, октябристы А.Е. Жуковский и В.К. Стукалич [4, с. 110], от Минской губернии в состав делегации входили 2 генерал-лейтенанта – Н.А. Кованько и С.Н. Мезенцев, П.М. Якимович [8]. Делегаты имели полномочия на выражение Николаю II верноподданнических чувств, благодарности за изменение 3 июня 1907 г. избирательного закона в Государственную думу и передачу ходатайства об изменении порядка выборов в Государственный совет [4, с. 110]. В Санкт-Петербурге к ним присоединились депутаты-монархисты III Думы от Северо-Западного края. На собраниях во Всероссийском национальном клубе были выработаны тексты петиции к Николаю II и речи архиепископа Никандра, который должен был от лица делегации обратиться к императору. В их редактировании принимал участие известный консервативный публицист М.О. Меньшиков [4, с. 114]. Там же был составлен окончательный список делегатов, включивший в себя, кроме губернских уполномоченных, также депутатов Государственной думы.

1 мая 1909 г. националисты получили разрешение на аудиенцию и на следующий день, после молебна в Казанском соборе, делегация выехала в Царское Село. Ф.И. Никонович, участник представления царю, описал прием в своем дневнике. Аудиенция состоялась в комнате-библиотеке, расположенной рядом с кабинетом Николая II. Делегатов расставили по губерниям квадратом вдоль стен. Всего присутствовало 37 человек. В половине третьего пополудни к ним вышел император. Архиепископ Никандр обратился к нему с речью, а затем преподнес особую петицию от имени депутации. Обойдя уполномоченных и членов Государственной думы, Николай II получил благословение у епископов, обменявшись с каждым из них несколькими словами, причем более продолжительный разговор

состоялся с Никандром. В заключение царь поблагодарил делегацию и русское население Северо-Западного края за выражение верноподданнических чувств и пообещал, что “справедливое желание русского представительства в Государственном совете будет удовлетворено в полной мере” [4, с. 118].

В 4 часа пополудни депутация вернулась в Санкт-Петербург и направилась к П.А. Столыпину. Архиепископ Никандр в общих чертах доложил председателю Совета министров о результатах аудиенции у Николая II. Затем состоялся обмен мнениями относительно “неудовлетворительного для русского населения Северо-Западного края закона по выборам в Государственный совет” [4, с. 119].

В результате предпринятых мер в июне 1909 г. был издан закон об избрании в 1909 г. членов Государственного совета от губерний Северо-Западного и Юго-Западного краев сроком на 1 год. Предполагалось, что затем, после введения выборных земств, польские помещики в верхней палате будут заменены русскими землевладельцами.

Активное участие депутаты-священнослужители приняли в работе съездов западнорусских православных братств. Первый съезд состоялся в Минске в помещении Свято-Духовского монастыря 29–31 августа 1908 г. На него прибыло около 150 делегатов из всех губерний Северо-Западного края. Активную роль в подготовке и проведении съезда играли минские октябристы Д.В. Скрынченко, А.Н. Беляев, С.А. Некрасов, Г.К. Шмидт, а также А.Д. Юрашкевич [9]. Главной составляющей их выступлений были призывы к борьбе с католической пропагандой и ополячиванием белорусов. Именно на этом съезде Д.В. Скрынченко предложил программу борьбы с “польским засильем” в крае, изданную впоследствии отдельной брошюрой под названием “Трагедия белорусского народа” [10]. Со 2 по 5 августа 1909 г. в Вильно прошел второй братский съезд [11]. В виду разгоревшихся накануне в законодательных палатах дебатов о судьбе церковно-приходских школ (предполагалось передать их из-под контроля Синода в систему Министерства народного просвещения), делегаты постановили ходатайствовать перед Николаем II об изъятии из ведения Государственной думы и Государственного совета вероисповедальных вопросов. Д.В. Скрынченко предложил создать Западно-Русское противокатолическое общество. Делегаты одобрили идею минчанина, но отложили детальное обсуждение данного проекта на будущее. Тогда, по инициативе Д.В. Скрынченко, съезд постановил обратиться с ходатайством в Синод об установлении однодневного сбора по всей России на дело развития православной миссионерской деятельности в Северо-Западном крае для противодействия костелу и ополячиванию белорусов [12].

Заключение

Таким образом, депутаты-священнослужители от губерний Северо-Западного края принимали активное участие в политической и законотворческой деятельности, оказывая влияние на развитие общественно-политической и социально-экономической ситуации, как на территории Беларуси, так и в целом Российской империи. Несмотря на то, что среди депутатов-священнослужителей было не много высших иерархов, и, в основном, они представляли средние церковные круги, благодаря их поддержке был изменен порядок формирования представительства в Государственный совет, активизировались православные братства, были приняты меры по улучшению положения православной церкви, развитию школьного дела, разработаны законопроекты, направленные на улучшение положения крестьянского населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Демин, В.А.** Государственная Дума России: механизм функционирования / В.А. Демин. – М. : РОССПЭН, 1996. – 216 с.
2. Сводные сведения по: Государственная дума России. Энциклопедия в 2 томах. – М., 2006. – Т. 1 : Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917 / отв. ред.: В.В. Шелохаев; А.Н. Аринин, В.В. Журавлев, Н.И. Канищева. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.
3. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. : документы и материалы / под ред. П.А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.
4. **Никонович, Ф.И.** Из дневника члена Государственной Думы от Витебской губернии протоирея о. Федора Никоновича / Ф.И. Никонович. – Витебск, 1912. – 272 с.
5. Обзор деятельности Русского окраинного общества за 1908 г. (Первый год существования). – СПб. : Тип. Импер. Академии наук, 1909. – 54 с.
6. Обзор деятельности Русского окраинного общества за 1909 г. (Второй год существования). – СПб. : Тип. Импер. Академии наук, 1910. – 52 с.
7. [**Офросимов Я.Н.**] VI Съезд уполномоченных объединенных дворянских обществ. Записка о дворянских выборах и представительстве в Государственном Совете западно-русского дворянства 9-ти губерний Западного Края. – б.м., б.г. – 8 с.
8. **Колмаков, В.** “Поставить на своем знамени мирное преобразование отечества” (Политическая деятельность Д.В. Скрынченко в Минске в период 1905–1912 гг. Глава из книги... / В. Колмаков // Русская линия. Информационно-аналитическое агентство [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : http://ruskline.ru/analitika/2007/07/06/postavit_na_svoem_znamenii_mirnoe_preobrazovanie_otechestva – Дата доступа : 12.05.2008.
9. Труды первого съезда представителей западно-русских православных братств в г. Минске, 29–31 августа 1908 г. // Минские епархиальные ведомости. – 1908. – 1 октября. – С. 594–713.
10. **Скрынченко, Д.В.** Трагедия белорусского народа / Д.В. Скрынченко. – Минск : Тип. С.А. Некрасова, 1908. – 18 с.
11. О съезде представителей западно-русских православных братств в г. Вильно // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1284. – Оп. 187. – 1909 г. – Д. 118.
12. 2-й Братский съезд в Вильне, его значение и недостатки // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – 15 августа. – С. 217–371.

Поступила в редакцию 24.04.2014 г.

УДК 94(476) + 323.15 (476)

І.А. ПУШКІН

АСАБЛІВАСЦІ ФАРМІРАВАННЯ І РАЗВІЦЦЯ НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ БССР У 1920-я гг.

У артыкуле на падставе дакументальнага матэрыяла з архіваў Беларусі, Літоўскай Рэспублікі і Расійскай Федэрацыі аналізуецца фарміраванне нацыянальнай палітыкі БССР у 1920-я гг. Сфармуляваны яе асаблівасці і асноўныя накірункі дзейнасці дзяржаўных органаў кіравання па рэгуляванні працэсаў грамадскага і культурнага развіцця нацыянальных супольнасцей. Ахарактэрызаваны этапы нацыянальнай палітыкі савецкай Беларусі ў міжваенны перыяд.

Уводзіны

Актуальнасць артыкула абумоўлена нацыянальнай і рэлігійнай разнастайнасцю Беларусі. Без аналізу палітыка-прававых асноў і кірункаў удзелу нацыянальных меншасцей у грамадскім і культурным жыцці Беларусі, адносін афіцыйных уладаў да іх немагчыма выпрацаваць глыбока прадуманую, адпаведную інтарэсам краіны, сучасную нацыянальна-дзяржаўную палітыку. У гэтым сэнсе зварот да вопыту 1920-х гг., калі адбываўся працэс фарміравання і стварэння органаў кіравання нацыянальна-дзяржаўнай палітыкай ва ўмовах станаўлення савецкай дзяржаўнасці Беларусі, з'яўляецца крайне неабходным.

Нацыянальную палітыку камуністычнай партыі бальшавікоў (КП(б)) у міжваенны час разглядалі ў сваіх публікацыях Н. Васілеўская [1], А. Глагоўская [2], М. Касцюк [3], А. Лейзераў [4], У. Навіцкі [5], І. Пушкін [6], І. Раманава [7], М. Тэры [8]. У той жа час асаблівасці яе фарміравання і дзейнасць спецыяльных органаў кіравання, якія займаліся рэалізацыяй асноўных кірункаў нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі на практыцы, даследаваны не ў поўным аб'ёме. У артыкуле выкарыстаны матэрыялы з дзяржаўных архіваў Беларусі, Літоўскай Рэспублікі і Расійскай Федэрацыі.

Асноўная частка

Нацыянальная палітыка КП(б) была сфармулявана на яе X (1921 г.) і XII (1923 г.) з'ездах. Прадугледжваліся наступныя мерапрыемствы ў галіне нацыянальных адносін: ліквідацыя эканамічнай адсталасці раней прыгнечаных народаў, паскоранае развіццё іх культуры і мовы, стварэнне на нацыянальных мовах кніжных выдавецтваў, сродкаў масавай інфармацыі, школ, хат-чытальні, вылучэнне на адказную работу прадстаўнікоў мясцовага карэннага насельніцтва, перавод на нацыянальную мову справаводства і інш.

Можна вылучыць тры перыяды ў міжваеннай палітыцы савецкага кіраўніцтва ў дачыненні да нацыянальных меншасцей [9, с. 217].

1) 1920–1928 гг. – перыяд рашучага пашырэння правоў усіх без выключэння нацыянальных супольнасцей, найбольш спрыяльны для развіцця нацыянальных меншасцей у Беларусі. Галоўнай небяспекаю ў гэты час лічыўся велікарускі шавінізм, і з ім камуністычная партыя вяла рашучую барацьбу.

2) 1929–1935 гг. – перыяд значнага абмежавання правоў меншасцей, калі кіраўніцтва УКП(б) адмовілася ад супрацоўніцтва з прадстаўнікамі меншасцей, якія не з'яўляліся прыхільнікамі ідэй класовай барацьбы і пралетарскай ідэалогіі. Наступіў час барацьбы з “мясцовым нацыяналізмам”.

3) 1936–1939 гг. – перыяд панавання цэнтрысцкіх тэндэнцый у нацыянальнай палітыцы. Гэта – перыяд узмацнення рэпрэсій у дачыненні да ўсіх сацыяльных пластоў і груп нацыянальных меншасцей.

У 1920-я гг. канцэпцыю шматнацыянальнай і цэнтралізаванай дзяржавы КП(б) рэалізоўвала не з дапамогаю прымусовага захавання цэласнасці былой імперыі, а праз усталяванне фармальна незалежнай улады мясцовых камуністаў у нацыянальных раёнах на прынцыпах захавання ўсёй паўнаты кантролю над сітуацыяй у руках савецкай улады. На гэта паўплывала і тое, што паводле Рыжскай мірнай дамовы шэраг народнасцей (беларусы, румыны, украінцы, фіны і інш.) апынуліся па розныя бакі дзяржаўнай мяжы СССР. Камуністычнае кіраўніцтва разлічвала, што добрае стаўленне да той часткі народаў, якія апынуліся ў Савецкім Саюзе, прыцягне другую іх частку ў Польшчы, Фінляндыі, Румыніі да барацьбы гэтых народаў за ўз'яднанне з СССР. Увага надавалася развіццю культур не толькі прадстаўнікоў тытульных нацый рэспублік саюза, але і нацыяналь-

ных меншасцей. Для іх таксама прадугледжвалася шырокая нацыянальная і культурная аўтаномія пад кіраўніцтвам камуністычнай партыі. У параўнанні з палітыкай, якую праводзілі ўлады Расійскай імперыі да 1917 г., дзеянні бальшавікоў насілі прагрэсіўны характар [8].

Раскрываючы асаблівасці нацыянальнай палітыкі ў Беларусі, варта адзначыць некалькі важных момантаў.

Пэўная частка жыхароў, пераважна інтэлігенцыі, брала ўдзел у стварэнні Беларускай Народнай Рэспублікі. Значна больш насельніцтва выступала за Савецкую Беларусь (БССР). Прычым у праграмных дакументах абедзвюх рэспублік гарантавалася роўнасць усіх народаў, якія жылі на тэрыторыі Беларусі [10, арк. 1; 11, арк. 34].

На палітыку дзяржаўнага кіраўніцтва ў адносінах да нацыянальных меншасцей паўплывалі тэрытарыяльныя змяненні межаў БССР. Мяняліся адносіны як у цэлым, так і па асобных рэгіёнах. На вярнутых у склад БССР усходнебеларускіх землях да 1924 і 1926 гг. дзейнічала заканадаўства РСФСР, у тым ліку ў адносінах да нацменшасцей, якімі лічыліся беларусы, а рускія – карэнным насельніцтвам. Затым усё стала наадварот, і ўлады БССР сталі адносіць рускіх да меншасці.

З першых гадоў савецкай улады частка прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей была выключана з грамадска-палітычнага жыцця. Яна была пазбаўлена выбарчых ці іншых праў з-за свайго сацыяльнага паходжання (былі гандляры, святары і г. д.). Але аказвала значны ўплыў на насельніцтва праз асабісты аўтарытэт.

Найбольш удалай у сферы нацыянальнага будаўніцтва ў БССР стала палітыка беларусізацыі, якая паспрыяла культурнаму росквіту ўсіх нацыянальных супольнасцей. Ад палітыкі беларусізацыі найбольшую карысць атрымалі яўрэі, латышы, літоўцы, палякі і нават рускія.

Кіруючыя колы БССР, якія дзейнічалі ў напрамку выканання пастаноў і рэзалюцый цэнтральных органаў улады, з першых дзён у адпаведных пастановах з'ездаў КП(б)Б і саветаў, рашэннях выканаўчых органаў улады рэспублікі дэкларавалі роўнасць моў і магчымасцей для прадстаўнікоў усіх нацыянальных супольнасцей. Аб чым сведчаць матэрыялы лютаўскай сесіі ЦВК саветаў Беларусі (1920 г.), 2-га Усебеларускага з'езда Саветаў (1920 г.), змест “Дэкларацыі аб абвешчэнні незалежнасці Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь” (31.07.1920 г.). Вялікую ролю ў правядзенні нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі БССР адыгралі рашэнні VII з'езда КП(б)Б (1923 г.) [12, арк. 16; 13, арк. 14–15; 14, с. 204–205, 208; 15, с. 159].

Напачатку ў БССР, па прыкладу РСФСР, быў утвораны Народны камісарыят па справах нацыянальнасцей, але ён праіснаваў менш за месяц і рашэннем ЦВК КП(б)Б быў ліквідаваны. Далей у Савецкай Беларусі арганізавалі і кіравалі працай сярод меншасцей нацыянальнае бюро пры КП(б)Б, Нацыянальная камісія пры Прэзідыуме ЦВК БССР, а з 1934 г. Аддзел нацыянальнасцей.

22–25.11.1920 г. адбыўся III з'езд КП(б)Б. На ім было вырашана, каб у дзяржаўныя ўстановы і органы ўлады рэспублікі ўваходзілі прадстаўнікі ўсіх нацыянальнасцей, якія жывуць на яе тэрыторыі. Пачалася праца па арганізацыі органаў кіравання справамі нацыянальных меншасцей. З'езд выказаўся за стварэнне нацыянальных бюро пры ЦБ, а пазней ЦК КП(б)Б. Ва ўсходняй частцы Беларусі, якая на той час уваходзіла ў склад РСФСР, існавалі падобныя структуры як на рэспубліканскім (на прэзідыуме Белбюро ЦК РКП(б) 19.03.1920 г. быў зацверджаны склад польскага і яўрэйскага бюро), так і рэгіянальных узроўнях РКП(б) [16, арк. 38–41; 17, арк. 3–Задв., 4–5, 10–14]. На бюро ЦК КП(б)Б

15.12.1925 г. былі зацверджаны адзіныя назвы для мясцовых секцый: “еўбюро”, “латбюро”, “польбюро”, якія ўтвараліся пры акруговых камітэтах КП(б)Б. Яны праіснавалі да пачатку 1930 г.

Яўрэйскае бюро ЦК КП(б)Б існавала са снежня 1920 г. З 1922 г. называлася Галоўнае бюро яўрэйскай секцыі. Кіравала дзейнасцю яўрэйскіх секцый пры мясцовых арганізацыях КП(б)Б. Узначальваў бюро А. Бейлін. Польскае бюро пры ЦК КП(б)Б дзейнічала з 6.01.1922 г. да 1929 г. Сакратарамі польбюро ў розны час былі Цесьляк, В. Шаля, В. Внароўскі і інш. Латышкае бюро ЦК КП(б)Б працавала ў 2-й палове 1920-х гг. У розны час ў кіраўніцтва ўваходзілі А. Думс, Клявін, Кулен. З 1927 г. латышкае бюро ЦК КП(б)Б складалася з 11 членаў і 5 кандыдатаў. Літоўскае бюро ЦК КП(б)Б узнікла ў 2-й палове 1920-х гг. З 1926 г. сакратар А. Недварас (псеўданім Ёнас Бучукас). У 1929 г. у Літоўскае бюро ЦК КП(б)Б уваходзіў С. Матулайціс [18, арк. 1–37; 19, арк. 38].

Нацыянальныя бюро пры ЦК КП(б)Б выконвалі наступныя асноўныя задачы: вядзенне агітацый і прапаганды сярод рабочых і беднаты адпаведнай нацыянальнасці, палітычнае выхаванне членаў партыі з ліку нацыянальнай меншасці, барацьба супраць уплыву буржуазіі і дробнабуржуазных груп на працоўныя масы і інш. А таксама кіравалі дзейнасцю латышскіх, літоўскіх, польскіх, яўрэйскіх секцый пры мясцовых арганізацыях КП(б)Б. Польбюро намагалася ўзаконіць палітаванае атаясамліванне часткі беларускага этнасу каталіцкага веравызнання з польскай нацыянальнай прыналежнасцю. Нацыянальныя бюро, сярод іншага, кантралявалі і дзейнасць Народнага камісарыята асветы ў сферы дзейнасці нацыянальных школ, падрыхтоўкі настаўнікаў і г.д. Выдавалі свае перыядычныя выданні: на польскай мове – газеты “Млот” (“Молат”) і “Орка” (“Ворыва”), на літоўскай “Raudonasis Artojas” (“Чырвоны араты”). У верасні – кастрычніку 1927 г. латышкае бюро выдала газету-аднадзёнку, прысвечаную 10-годдзю Кастрычніцкай рэвалюцыі. Іншыя спробы бюро арганізаваць выданне латышкай перыядыкі ў БССР поспеху не мелі.

У 1920-я гг. польскія бюро існавалі пры Бабруйскім, Барысаўскім, Віцебскім, Калінінскім і Мінскім, латышскія пры Полацкім, Віцебскім, Барысаўскім, Магілёўскім і Бабруйскім, літоўскія пры Віцебскім і Аршанскім акруговых камітэтах КП(б)Б. Сярод гарадской і вясковай моладзі працавалі латышкае і польскае бюро пры ЦК ЛКСМБ, а таксама мясцовыя польбюро ЛКСМБ у некаторых акругах. У Віцебскай акрузе меўся штатны работнік па працы сярод латышоў у АК ЛКСМБ [20, арк. 1–6; 21, арк. 42–44; 22, арк. 50–72; 23, арк. 38].

Нацыянальныя бюро правялі беспартыйныя канферэнцыі польскіх працоўных і губернскі з’езд польскіх работнікаў асветы ў Віцебску (1920, 1921 гг.), Полацку (1921 г.), агульны сход настаўнікаў польскіх школ у Магілёве (1921 г.). Сумесна з Нацкамсіяй ЦВК БССР: 1-ы Усебеларускі з’езд палякаў-сялян БССР (1926 г.), 2-і Усебеларускі з’езд працоўных палякаў (1929 г.), выбары дэлегатаў на Сусветны з’езд палякаў (1929 г.), 1-ы Усебеларускі з’езд сялян-латышоў (1926 г.), 1-ы Усебеларускі з’езд сялян-літоўцаў (1928 г.). У канцы 1929 г. пад кіраўніцтвам латышкага бюро адбыліся 3-я Усебеларуская нарада латышоў-партработнікаў і 2-і Усебеларускі з’езд рабочых і сялян латышоў [24, арк. 258; 25, арк. 17–18 адв.; 26, арк. 1–55; 27, арк. 59].

У 1920-я гг. на тэрыторыі БССР ствараліся нацыянальныя мясцовыя саветы, дзейнічалі на мовах нацыянальных меншасцей школы і аддзяленні пры сярэд-неспецыяльных і вышэйшых навучальных установах, культурна-асветныя ўстановы, друкаваліся перыядычныя выданні і літаратура [6]. Варта адзначыць, што ў другой палове 1920-х гг. арганізацыйная праца савецкага (АВК, РВК) і партыйна-

га (АК, РК КП(б)Б) апаратаў у асноўным вялася па-беларуску і на мовах нацыянальных меншасцей у месцах іх кампактнага пражывання. Адукацыя і асвета на нацыянальных мовах з'яўлялася сродкам саветызацыі нацыянальных меншасцей.

11.04.1927 г. VIII Усебеларускі з'езд саветаў прыняў новую Канстытуцыю БССР, у якой дэкларавалася забеспячэнне свабоднага эканамічнага і культурнага развіцця, павышэнне дабрабыту працоўных і раўнапраўе ўсіх нацыянальнасцей, стварэнне нацыянальных саветаў, была замацавана роўнасць беларускай, рускай, яўрэйскай (ідэш) і польскай моў і г. д. Аднак у канцы 1920-х гг. пачынаецца працэс паступовай ліквідацыі нацыянальна-моўнай разнастайнасці, асіміляцыі і акультурацыі прадстаўнікоў усіх нацыянальнасцей. Стаўка рабілася на інтэрнацыяналізм шляхам адміністрацыйных мер. У 1930-я гг. адбыўся паварот у нацыянальнай палітыцы краіны, змест якой патрабуе асобнага даследавання.

Заклучэнне

Аналіз асаблівасцей фарміравання нацыянальнай палітыкі БССР у 1920-я гг. і асноўных кірункаў дзейнасці органаў партыйна-дзяржаўнай улады дазваляе канстатаваць, што змест, формы і накіраванасць працы ў асяроддзі нацыянальных меншасцей з самага пачатку браліся пад строгі кантроль КП(б). Нацыянальная палітыка партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР фарміравалася не ў Беларусі, за выключэннем асобных, самастойных дзеянняў у сярэдзіне 1920-х гг. У яе кірунках прасочваюцца тэндэнцыі на прадастаўленне нацыянальна-культурнай аўтаноміі нацыянальным меншасцям. У той жа час нацыянальна-дзяржаўная палітыка насіла ў большасці несістэмны характар, нягледзячы на пэўныя поспехі ў забеспячэнні насельніцтва ўстановамі, якія працавалі на роднай мове. Улады не ставілі мэтай адраджэнне ці замацаванне традыцыйных укладаў нацыянальных меншасцей. Асноўнай задачай нацыянальнай палітыкі з'яўлялася іх саветызацыя. Дзяржаўнае кіраўніцтва БССР выкарыстоўвала патэнцыял нацыянальных меншасцей толькі для дасягнення канчатковай мэты – пабудовы камуністычнага грамадства.

У 1920-я гг. былі створаны і дзейнічалі спецыяльныя органы (нацыянальных бюро) па кантролю і кіраванню працэсамі этна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей. У выніку быў назапашаны станоўчы вопыт дзяржаўнага кіравання ў сферы міжнацыянальных адносін і грамадскай дзейнасці супольнасцей. Дзякуючы чаму, прадстаўнікі нацыянальных меншасцей БССР праявілі сваю актыўнасць ва ўсіх сферах тагачаснай палітычнай сістэмы. Значная частка з іх актыўна ўдзельнічала ў справе будаўніцтва сацыялістычнага грамадства.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Васілеўская, Н.У.** Захадны савецкай улады па забяспячэнні культурных патрэбаў этнічных меншасцяў БССР у першай палове 1920-х гадоў / Н.У. Васілеўская // Беларусь-Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 18–19 сакавіка 2003г.) / рэдкал. У.І. Навіцкі (гал. рэд.), М.П. Касцюк (нам. гал. рэд.) і інш. – Мінск : Інстытут гісторыі НАНБ, 2004. – С. 231–234.
2. **Глогowska, Helena.** Białorus 1914–1929. Kultura pod presja polityki / Helena Głogowska. – Białyostok, 1996. – 238 s.
3. **Касцюк, М.П.** Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 2000. – 308 с.
4. **Лейзеров, А.** Нацыянальная палітыка в Беларусі в первые годы советской власти (1920–1939) / А. Лейзеров // Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1. – Мінск : Водолей, 2002. – С. 104–109.

5. **Навіцкі, У.І.** Савецкая палітыка ў адносінах да этнічных супольнасцей Беларусі / У.І. Навіцкі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы навук. канф., (Мінск, 6–7 снежня 2001 г.) / У.І. Навіцкі, М.С. Сташкевіч. – Мінск : Дэполіс, 2001. – С. 15–24.
6. **Пушкін, І.** Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.) : манаграфія / І. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 168 с.
7. **Романова, І.** Політыка большевиков в отношении национальных меньшинств в Беларуси в межвоенный период / И. Романова // Ethnic Culture: Traditions and Innovations. – Kaunas, 2004. – С. 340–347.
8. **Терри, Мартин.** Империя “положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Мартин Терри. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд “Президентский центр Б.Н. Ельцина”, 2011. – 666 с.
9. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П.Касцюк [і інш.]; рэдкал.: А.А.Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус.навука, 2008. – 615 с.
10. Доклад міністра па справах нацыянальных меншасцей БНР Жыблৌскага // Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў г. Вільнюс (LCVA). – Фонд 582. – Воп. 1. – Спр. 26.
11. Хроніка для газет // LCVA. – Фонд 582. – Воп. 1. – Спр. 1.
12. Матэрыялы сесіі ЦВК. 1920 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 701. – Воп. 1. – Спр. 10.
13. Матэрыялы II Усебеларускага з’езда саветаў // НАРБ. – Фонд 701. – Воп. 1. – Спр. 10.
14. Матэрыялы Пленума ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4 п. – Воп. 1. – Спр. 2479.
15. **Пурышева, Н.М.** “Фактор БНР” в культурной политике БССР (начало 1920-х гг.) / Н.М. Пурышева // Романовские чтения – 5 : сб. трудов Международной науч. конференции. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2009. – С. 158–159.
16. Пратакол пасяджэння літоўскай секцыі пры Гомельскім губкоме РКП(б). 16.08.1921 г. // Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. 17. – Воп. 63. – Спр. 30.
17. Справаздача польбюро пры ЦК КП(б)Б па паведах за 1921 г. // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 253.
18. Пратаколы пасяджэнняў польбюро пры ЦК КП(б)Б за 1928 г. // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 380.
19. Справаздача // НАРБ. – Фонд 4 п. – Воп. 1. – Спр. 3637.
20. Анкеты аб працы польскіх секцый пры мясцовых партыйных арганізацыях БССР // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 255.
21. Пратакол пасяджэння літоўскай секцыі пры Мінскім губкоме КП(б)Б // РДАСПГ. – Фонд 17. – Воп. 63. – Спр. 30.
22. Справаздачы аб працы польскіх школ, хат-чытален і г. д. у БССР // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 253.
23. Інфармацыя аб працы сярод латышкага насельніцтва // НАРБ. – Фонд 4 п. – Воп. 12. – Спр. 36.
24. Пратаколы I беспартыйнай канферэнцыі польскіх працоўных, з’езда польскіх работнікаў асветы // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 258.
25. Пратакол агульнага сходу настаўнікаў польскіх школ у Магілёве // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 260.
26. Пратаколы I-га Усебеларускага з’езда сялян палякаў у Мінску 28.02.–3.03.1926 г. // РДАСПГ. – Фонд 63. – Воп. 1. – Спр. 381.
27. Справаздачы аб працы Латбюро ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4 п. – Воп. 1. – Спр. 2987.

Паступіў у рэдакцыю 07.05.2014 г.

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

В.І. КРЫВУЦЬ

КУЛЬТ АСОБЫ Ю. ПІЛСУДСКАГА ЯК ЭЛЕМЕНТ ДЗЯРЖАЎНАЙ МАЛАДЗЁЖНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў 2-й РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

Артыкул прысвечаны фарміраванню і развіццю культуры маршала Юзефа Пілсудскага як часткі афіцыйнай маладзёжнай палітыкі ў міжваеннай польскай дзяржаве. Падрабязна характарызуюцца падыходы кіраўніцтва сістэмы адукацыі 2-й Рэчы Паспалітай да асобы лідэра “санацыі”, а таксама фарміраванне яго культуры ў польскай школе, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Асобна асвятляецца тое месца, якое займала “лягенда маршала” ў ідэалогіі вядучых праўрадавых маладзёжных саюзаў і аб’яднанняў. У артыкуле выкарыстоўваюцца разнастайныя дакументальныя матэрыялы.

Уводзіны

Культ асобы лідэра “санацыі” маршала Ю. Пілсудскага з’яўляўся неад’емнай часткай грамадска-палітычнага жыцця 2-й Рэчы Паспалітай, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая ў міжваенны перыяд знаходзілася ў складзе польскай дзяржавы. Розныя аспекты гэтай праблематыкі ў той ці іншай меры знайшлі адлюстраванне ў сучаснай польскай гістарыяграфіі. Што тычыцца айчыннай гістарычнай навукі, то, на жаль, дадзенае пытанне яшчэ не знайшло належнага асвятлення. Мэтай артыкула з’яўляецца хаця б часткова запоўніць гэты прабел, разглядаючы культ Ю. Пілсудскага як элемент дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі, які аказваў значны ўплыў на фарміраванне “санацыйнай” мадэлі выхавання маладога пакалення заходнебеларускага рэгіёна. На нашу думку, гэта дазволіць класіфікаваць больш аб’ектыўнае ўяўленне не толькі аб маладзёжнай палітыцы польскіх улад у міжваенны перыяд, але і аб грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі ў цэлым.

Асноўная частка

Пасля таго, як у маі 1926 г. да ўлады ў 2-й Рэчы Паспалітай прыйшоў лагер “санацыі”, у сферы маладзёжнай палітыкі стала ажыццяўляцца канцэпцыя так званага “дзяржаўнага выхавання”. Неабходна адзначыць, што на працягу міжваеннага перыяду дадзеная канцэпцыя прайшла даволі складаную эвалюцыю, але пашырэнне культуры асобы маршала Ю. Пілсудскага заўсёды заставалася важным яе элементам. Фактычна гэты культ стаў неад’емнай часткай “санацыйнай” мадэлі выхавання. Стваральнікі мадэлі нават лічылі маршала ідэальным прыкладам выхавацеля. Так, А. Скварчынскі, адзін з вядучых “санацыйных” ідэолагаў, адзначаў, што “Пілсудскі не з’яўляецца ні тэарэтыкам, які вылушчвае паняцці насуперак жыццю, ні дактрынёрам, што шукае мёртвыя прынцыпы. Ён менавіта выхавацель. Ён, як ніхто іншы, бачыць і чуе жыццё і яго законы” [1, с. 14]. Ужо пасля смерці маршала адзначалася, што яго ідэйная спадчына – гэта поўная выхаваўчая сістэма, аўтар якой сам прэзентаваў “выхаваўчы ідэал, вызначыў ідэйныя шляхі польскай педагагічнай думкі і паказаў метады выхаваўчай работы, якія адпавядаюць нашай нацыянальнай псіхіцы”. Таксама лічылася, што моладзь не зможа стаць ідэйнай, быць гераічнай і вялікай, калі яе фарміраваць у духу нянавісці ці прыхільнай паблажлівасці да тых, хто даў Польшчы незалежнасць. У першую чаргу да такіх людзей адносіўся маршал Ю. Пілсудскі, з якога неабходна было стварыць “сімвал грамадзянскасці” [2, с. 305-306].

Прыхільнікамі культуры асобы польскага дыктатара з'яўляліся кіраўнікі сістэмы адукацыі 2-й Рэчы Паспалітай. Так, К. Свігальскі, міністр рэлігійных веравызнанняў і публічнай асветы, лічыў, што ўвядзенне ў выхаваўчую практыку культуры асобы Ю. Пілсудскага з'яўляецца адным з прыярытэтаў. Яго пераемнікі былі цалкам з ім згодны і актыўна насаджалі гэты культ. Так, у лютым 1931 г. міністр С. Чэрвінскі заяўляў, што толькі сляная ад палітычнай нянавісці партыйнасць можа патрабаваць выкрэсліць з праграмы грамадзянскага выхавання асобу, “якая, дзякуючы сваёй ахвярнай службе дзяржаве, стала лепшым сімвалам і прыкладам”. Таксама ён сцвярджаў, што немагчыма выхоўваць моладзь на прыкладзе чужых герояў і замоўчваць фігуру “самага вялікага героя нашай уласнай вызваленчай вайны” [3, с. 78].

Наступны міністр, Я. Енджэвіч, таксама ў час дэбатаў у сейме, заявіў: “Наш суд аб гісторыі аднаўлення нашай незалежнасці вызначаны; у тых падзеях мы добра адрозніваем людзей, якія не шкадавалі свайго жыцця і крыві, людзей дзеяння, рашэння, барацьбы і адказнасці і людзей баязлівасці, пагаднення. І будзем – напэўна будзем пашыраць культ адных і пагарду да другіх. І ўлічваючы, што асоба маршала Пілсудскага з'яўляецца жывым сімвалам таго ўзнёслага, таго, што ёсць адным з самых лепшых выхаваўчых узораў у нашай традыцыі, польская школа павінна пашыраць і культываваць любоў і павагу да яго” [2, с. 307]. Неабходна адзначыць, што гэты культ сапраўды актыўна пашыраўся і насаджаўся да верасня 1939 г.

Гэта можна добра прасачыць на прыкладзе вывучэння гісторыі ў школе. З эпизодамі жыцця Ю. Пілсудскага вучні пачыналі знаёміцца яшчэ ў пачатковых класах. У праграмах і падручніках па гісторыі, якія выйшлі пасля школьнай рэформы 1932 г., асоба маршала актыўна выстаўлялася ў якасці асабістага ўзору для кожнага грамадзяніна польскай дзяржавы. Яго біяграфія падрабязна асвятлялася на ўроках гісторыі і старонках падручнікаў. Асабліва падкрэслівалася рашаючая роля Ю. Пілсудскага, якую той адыграў у аднаўленні незалежнасці Польшчы. У праграме для ўсеагульнай школы першай ступені навучання абавязковымі тэмамі былі наступныя: “Ю. Пілсудскі – Начальнік адроджанай польскай дзяржавы” і “Пераход улады ў адроджанай польскай дзяржаве да Ю. Пілсудскага”; у праграме для школы другой ступені – “11 лістапада, пераход улады да Ю. Пілсудскага” і “3 барацьбы за вызваленне частак дзяржавы, Начальнік дзяржавы і Галоўнакамандуючы Ю. Пілсудскі”; у праграме школы трэцяй ступені – “Начальнік дзяржавы Ю. Пілсудскі” [4, с. 31]. Праграмы рэкамендавалі, каб у выпадку вывучэння гісторыі войнаў за ўсталяванне межаў 2-й Рэчы Паспалітай асоба маршала паказвалася “манаграфічна” [2, с. 313]. Такім чынам, асвятляючы ход польска-савецкай вайны, аўтары падручнікаў пры кожным зручным выпадку праслаўлялі асобу польскага дыктатара. Стваралася ўражанне, што іншых ваеначальнікаў быццам бы і не існавала, а Ю. Пілсудскі сам кіраваў усімі ваеннымі дзеяннямі. Гэта быў яскравы прыклад “дзяржаўнага выхавання”, у якім моцны націск рабіўся на падкрэсліванне значэння ў жыцці дзяржавы выдатных гістарычных асоб, увасабленнем якой лічыўся Ю. Пілсудскі [4, с. 33].

Што да Заходняй Беларусі, то мясцовае кіраўніцтва сістэмы адукацыі не засталася ў баку ад пашырэння культуры Ю. Пілсудскага. Асабліва актыўна дзейнічала кіраўніцтва Віленскай школьнай акругі, паколькі маршал быў ураджэнцам менавіта Віленшчыны, а школьныя праграмы прадугледжвалі ўлічваць пры навучанні рэгіянальны аспект. У сувязі з гэтым па ініцыятыве кіраўніцтва Віленскай школьнай акругі пачалося выданне спецыяльных дыдактычных дапамож-

нікаў для настаўнікаў усеагульных школ, прысвечаных сувязям маршала з “усходнімі крэсамі”. Ва ўступе да аднаго са зборнікаў адзначалася, што асоба Ю. Пілсудскага “звязвае наш рэгіён з Польшчай мацней, чым многія гістарычныя акты, пакрытыя патынай стагоддзяў” [2, с. 132]. У іншым выданні падкрэсліваліся “глыбока асабістыя, сыноўскія” адносіны маршала з роднай Віленшчынай. З замілаваннем былі апісаны яго візіты на радзіму пасля замацавання Віленскага края ў складзе 2-й Рэчы Паспалітай. Асабліва падкрэсліваліся прязныя адносіны мясцовага насельніцтва са сваім земляком, які «ахвотна размаўляў з сялянамі, якія, што цікава, былі нават смялейшымі ў адносінах з Ім, чым самае бліжэйшае атачэнне. Люд Віленскай зямлі моцна верыў у апеку і ўсемагутнасць маршала. Усё, што лічылася несправядлівасцю ці крыўдай, зараз жа атрымлівала каментар: “Мусіць маршал Пілсудскі аб гэтым не ведае, бо каб ведаў, то такога б не было» [5, с. 18].

Культ Ю. Пілсудскага ў школе не абмяжоўваўся толькі непасрэдна школьнымі заняткамі. Важнай часткай школьнага жыцця і дзейнасці розных праўрадавых арганізацый было святкаванне 19 сакавіка імянін маршала Ю. Пілсудскага. З 1931 г. гэты дзень быў зроблены вольным ад заняткаў ва ўсіх установах адукацыі 2-й РП. Зразумела, што нагодай да дэманстрацыі вернападданніцкіх пачуццяў у адносінах да дыктатара з’яўляліся і іншыя святы – Дзень незалежнасці, гадавіна бітвы пад Варшавай, юбілеі нацыянальна-вызваленчых паўстанняў.

Спецыфічнай формай культу Ю. Пілсудскага стала наданне яго імя ўстановам адукацыі. Акрамя ўсяго іншага, гэта давала магчымасць правесці адпаведныя ўрачыстасці, у час якіх асоба маршала ставілася ў прыклад маладому пакаленню. Моладзі даводзілася, што яна павінна ганарыцца такім патронам, дзякуючы якому ў іх існавала магчымасць вучыцца ў польскай школе. Трэба адзначыць, што Міністэрства рэлігійных веравызнанняў і публічнай асветы ставіла пэўныя патрабаванні да школ, якія імкнуліся атрымаць імя Ю. Пілсудскага. Так, напрыклад, школа павінна была быць “высокаарганізаванай”. Гэта азначала, што права атрымаць маршала ў якасці патрона пазбаўляліся невялікія школы. Але маглі быць і выключэнні, асабліва калі справа тычылася школ, якія дзейнічалі менавіта на тэрыторыі “усходніх крэсаў”. Міністэрства магло пайсці на саступкі, калі з просьбай аб наданні школе імя Ю. Пілсудскага звярталіся бацькі польскіх дзяцей, вучняў дадзенай школы. У другой палове 1930-х гг. гэтая акцыя набыла спекулятыўныя формы. Міністэрства пачало падтрымліваць праекты масавага будаўніцтва школ імя Ю. Пілсудскага ў паўночна-ўсходніх ваяводствах краіны. Так, план будаўніцтва ў Палескім ваяводстве 100 школ – помнікаў Ю. Пілсудскаму атрымаў у якасці дадатковага фінансавання 1 600 000 злотых. Гэтыя фінансавыя інвестыцыі стымулявалі кіраўніцтва заходнебеларускіх школьных акруг. Паміж імі нават пачалося сваеасаблівае спаборніцтва. Куратар Палескай школьнай акругі запланаваным будаўніцтва 950 школьных будынкаў, кіраўніцтва Віленскай школьнай акругі дэкларавала стварэнне аб’ектаў з 300 класнымі памяшканнямі. Трэба адзначыць, што палескі план першапачаткова выклікаў сумненні ў Варшаве. Аднак палескі школьны куратар здолеў пераканаць сваё кіраўніцтва, заявіўшы, што “памкненнем педагогічных работнікаў акругі з’яўляецца ўшанаванне памяці маршала ў самым вялікім памеры, на які нас можа хапіць” [3, с. 322].

Цікава, што ў некаторых выпадках культ асобы Ю. Пілсудскага ў 2-й РП мог набыць формы, яўна запазычаныя ў суседнім сталінскім СССР. Пасля смерці маршала існавала нават прапанова перайменаваць Віленшчыну ў Зямлю Пілсудскага, а саму Вільню – у Зюк (па аднаму з псеўданімаў Ю. Пілсудскага).

Але гэтая прапанова ўсё ж не была рэалізавана. Тым не менш, быў прыняты спецыяльны закон, які ахоўваў памяць маршала. Таксама быў створаны Галоўны камітэт уганаравання памяці Ю. Пілсудскага, адной з задач якога было і выхаванне моладзі ў адпаведным духу [6, с. 243–244].

Неабходна адзначыць, што школа не была адзіным месцам, дзе польскія ўлады імкнуліся распаўсюджаць культ свайго лідэра. Як вядома, асноўная частка моладзі 2-й Рэчы Паспалітай, асабліва на тэрыторыі Заходняй Беларусі, мела магчымасць вучыцца толькі ў пачатковых класах усеагульнай школы. Пасля гэтага яна як бы выходзіла з-пад выхаваўчых уплываў “санацыйнай” сістэмы адукацыі. Зразумела, што правячыя колы міжваеннай польскай дзяржавы не маглі мірыцца з такой сітуацыяй. Таму важная роля ў ажыццяўленні канцэпцыі “дзяржаўнага выхавання” адводзілася шматлікім праўрадавым маладзёжным арганізацыям, якія дзейнічалі ў мэтах інтэграцыі шырокіх мас моладзі ў “працу для дзяржавы”.

Да найбольш вядомых праўрадавых саюзаў моладзі, якія актыўна дзейнічалі і на тэрыторыі паўночна-заходніх ваяводстваў 2-й РП, адносіліся Стралецкі саюз “Стралец”, Саюз сельскай моладзі “Сеў” – Саюз маладой вёскі, Саюз польскага харцэрства (СПХ), Легіён маладых (ЛМ). Кожная з гэтых арганізацый мела свае спецыфічныя мэты і канкрэтныя задачы, арганізацыйныя прынцыпы і метады працы. Аднак для ўсіх праўрадавых аб’яднанняў агульным было тое, што яны актыўна падтрымлівалі і прапагандавалі культ асобы маршала Ю. Пілсудскага сярод моладзі.

Найбольш яскрава гэта бачна на прыкладзе Стралецкага саюза, які лічыўся прадаўжальнікам традыцый ваенізаваных стралецкіх арганізацый, створаных Ю. Пілсудскім яшчэ напярэдадні Першай сусветнай вайны ў час барацьбы за аднаўленне польскай незалежнасці. Праграмныя дырэктывы ў галіне выхавання членаў “Стральца” лічылі абавязковым “пазнаёміць моладзь з жыццём, дзейнасцю і заслугамі маршала Пілсудскага, як стваральніка Стралецкага саюза і вялікага будаўніка сучаснай Польшчы”. Стралецкае ідэйна-палітычнае мысленне павінна было абапірацца на разуменні гістарычнай ролі Ю. Пілсудскага і “ідэйнай сувязі яго намаганняў з арганізацыйнай і легіянерскай традыцыяй і сучаснай дзяржаўнай ідэяй” [7, с. 23].

Выхаванне стральцоў у адпаведным духу адбывалася самымі рознымі шляхамі. Так, напрыклад, іх, як і школьнікаў, актыўна прыцягвалі да ўдзелу ў святкаванні імянін маршала Ю. Пілсудскага. Адным з накірункаў выхаваўчай працы сярод членаў “Стральца” было заахвочванне чытання. Усе члены арганізацыі павінны былі быць сталымі чытачамі мясцовых бібліятэк, пры кожным атрадзе саюза стваралася бібліятэка. Пры гэтым большая частка рэкамендаванай стральцам да чытання літаратуры была прысвечана дзейнасці Баявой арганізацыі Польскай сацыялістычнай партыі, польскай вайскавай арганізацыі, польскіх легіёнаў – гэта значыць арганізацый, створаных Ю. Пілсудскім. Таксама выхаванне ў Стралецкім саюзе ахоплівала і вывучэнне гісторыі Польшчы. Асабліва ўвага пры гэтым надавалася прыкладам, “у якіх доблесць польскай арміі пакрыла славай польскі народ сярод іншых народаў”. Зразумела, што такія прыклады ўключалі і дзейнасць польскіх легіёнаў у час Першай сусветнай вайны і бітву пад Варшавай [8, с. 163]. Тут праграма “Стральца” шмат у чым пераклікалася са школьнай праграмай. Гэта можна растлумачыць тым, што вясковая моладзь, якая складала аснову Стралецкага саюза, з падлеткавага ўзросту ў асноўнай сваёй масе заставалася па-за выхаваўчым уплывам усеагульнай школы. Таму польскія

ўлады і імкнуліся гэта кампенсаваць. Усе выхаваўчыя мерапрыемствы “Стральца” павінны былі “падрыхтаваць і прывучыць да дзейснага ўдзелу ў агульнай працы свайго асяроддзя, выпрацаваць дух боегатоўнасці ў адносінах да ўнутраных і знешніх ворагаў у адпаведнасці з указаннямі стваральніка Стралецкага саюза – будаўніка сучаснай Польшчы, 1-га маршала Ю. Пілсудскага” [8, с. 6].

У падобным жа рэчышчы адбывалася і выхаваўчая дзейнасць Саюза сельскай моладзі “Сеў” – Саюза маладой вёскі. У якасці выхаваўчага ідэалу ім быў абраны баец-работнік, узорам якога была асоба Ю. Пілсудскага. Арганізацыя ставіла перад сабой задачу: “выхоўваючы душу маладога вясковага чалавека згодна з ідэйнымі прынцыпамі правадыра народа маршала Ю. Пілсудскага, стварыць дасканалага грамадзяніна, які ўсведамляе свае правы і абавязкі” [9, с. 1].

Самы масавы саюз школьнай моладзі 2-й Рэчы Паспалітай – Саюз польскага харцэрства – пасля таго, як у пачатку 1930-х гг. прыхільнікі “санацыі” захапілі ў ім кіраўніцтва, увёў у свой статут асобны пункт, у якім абвешчалася, што ідэйным патронам арганізацыі з’яўляецца Ю. Пілсудскі.

Таксама “санацыйныя” ўлады імкнуліся прышчапіць культ свайго правадыра і студэнцкай моладзі, у тым ліку і на тэрыторыі Віленскага ўніверсітэта імя С. Баторыя. Аднак увесь міжваенны перыяд ў гэтым асяроддзі дамінавалі праціўнікі “санацыі” з арганізацыі “Усяпольская моладзь”, маральным аўтарытэтам якіх з’яўляўся лідар польскіх нацыяналістаў Р. Дмоўскі. Тым не менш, па ініцыятыве Я. Енджэвіча для працы сярод студэнцтва быў створаны Легіён маладых. У сваёй ідэйнай дэкларацыі гэты саюз заявіў, што “лічыць сябе спадкаемцам і пераемнікам незалежнасці пакалення, якое пад кіраўніцтвам маршала Ю. Пілсудскага заваявала незалежнасць і адбудавала дзяржаўнасць Польшчы”. Маршал аб’яўляўся “сімвалам здоровага салдацкага дзеяння і ахвярнай працы для дзяржавы” і ідэйным правадыром Легіёна маладых [10, с. 4]. Аднак значных поспехаў у распаўсюджванні сваіх уплываў на студэнтаў дадзена арганізацыя не дасягнула.

Заклучэнне

Такім чынам, неабходна прызнаць, што пасля мая 1926 г. культ асобы маршала Ю. Пілсудскага стаў неад’емнай часткай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. Ідэолагі і кіраўнікі “санацыйнага” рэжыма лічылі свайго лідара выхаваўчым ідэалам, узорам для маладога пакалення. У сувязі з гэтым школа 2-й Рэчы Паспалітай вяла актыўную працу па фарміраванню свядомасці моладзі ў духу адпаведнай “лягенды маршала”. Адбывалася гэта не толькі непасрэдна ў час навучання, але і праз арганізацыю адпаведных выхаваўчых мерапрыемстваў. Свой уклад у пашырэнне культуры асобы Ю. Пілсудскага ўносіла і мясцовае кіраўніцтва сістэмы адукацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Не менш важнае значэнне ў гэтым плане мела і дзейнасць шматлікіх праўрадавых маладзёжных саюзаў і аб’яднанняў. Усе яны, фармальна з’яўляючыся апалітычнымі арганізацыямі, дэкларавалі сваю прыхільнасць “санацыі” і яе лідару. Вынікам гэтага была іх праца па пашырэнню і падтрымцы культуры іх ідэйнага патрона – маршала Ю. Пілсудскага.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Skwarczyński, A.** Myśl wychowawcza Piłsudskiego / A. Skwarczyński // Zrab. – 1930. – Т. 13. – С. 9–14.
2. **Cichoracki, P.** Legenda i polityka. Kształtowanie się wizerunku marszałka Józefa Piłsudskiego w świadomości zbiorowej społeczeństwa polskiego w latach 1918–1939 / P. Cichoracki. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2005. – 412 s.

3. **Czerwiński, S.** Przemówienie na posiedzeniu Sejmu w dn. 10 lutego 1931 r. // O nowy ideał wychowawczy szkoły polskiej / S. Czerwiński. – Warszawa, 1934. – S. 73–85.
4. **Składanowski, H.** “Od uwielbienia do negacji” – Józef Piłsudski w podręcznikach historii w szkole powszechnej (podstawowej) w II RP i okresie stalinowskim PRL / H. Składanowski // Wiadomości historyczne. – 2006. – № 5. – S. 30–38.
5. **Dobaczewska, W.** Wileńszczyzna i Nowogródzyczna w latach 1920–1937. Sprawy polityczne i społeczne / W. Dobaczewska. – Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wil., 1938. – 38 s.
6. **Kusiak, P.** Legenda i kult Józefa Piłsudskiego. Jak w Polsce doby integracji europejskiej interpretować postać marszałka? / P. Kusiak // Colloquium wydziału nauk humanistycznych i społecznych. – Rocznik II. – 2010. – S. 241–258.
7. **Golka, M.** Wskazania programowe / M. Golka // Praca strzelecka. – 1931. – № 9/12. – S. 11–25.
8. Program dla grup wiekowo-wyszkoleniowych w oddziałach i pododdziałach Związku Strzeleckiego w zakresie wychowania obywatelskiego. – Brześć nad Bugiem, 1937. – 45 s.
9. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1931–1932. – Brześć nad Bugiem, 1933. – 16 s.
10. Deklaracja ideowa Legionu Młodych – Związku Pracy dla Państwa // Jednodniówka Legionu Młodych – Związku Pracy dla Państwa. Obwód Brześć nad Bugiem. – Brześć nad Bugiem, 1933. – S. 4–5.

Поступила в редакцию 06.02.2014 г.

УДК 94 (476) “18/19”

А.Д. КУЗЬМИН

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ЧИНОВНИЧЕСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена историографическому анализу литературы по изучению социокультурного облика чиновников белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. Акцент делается на обобщающие работы отечественных и зарубежных авторов. Материал выстроен в хронологическом и проблемно-тематическом порядке.

Введение

Обращение современной отечественной исторической науки к проблемам социокультурного развития белорусского общества становится все более актуальным. Неотъемлемой частью социальной структуры общества является чиновничество. Чиновник был значительной фигурой в провинции, являлся официальным проводником государственной политики. Успешная работа государственных учреждений во многом зависела от психологии и образа жизни людей в них служащих, сословной принадлежности чиновников, уровня их профессиональной компетентности, имущественного положения.

Анализ социокультурного облика государственных служащих белорусских губерний второй половины XIX – начала XX вв. еще не стал предметом специ-

ального изучения в отечественной и зарубежной историографии, хотя некоторые элементы в той или иной степени рассматривались исследователями.

Основная часть

В истории изучения исследователями чиновничества как отдельной социо-профессиональной общности можно выделить три этапа. Первый из них приходится на дореволюционное время (до 1917 г.), второй – на советскую эпоху (1917–1991 гг.), третий охватывает постсоветский период (после 1991 г.).

Характеризуя первый из названных этапов, следует отметить труды А.Д. Градовского [1]. Согласно его концепции, государство является упорядочивающим и объединяющим общество началом, а чиновничество – необходимым посредником между государством и обществом. Как следствие, целесообразность деятельности чиновничества в целом не может подвергаться сомнению, возможно лишь говорить об издержках бюрократической системы и недостатках в работе отдельных ее представителей. Используя формально-юридический метод, ученый в своем главном научном труде “Начало русского государственного права” детально проанализировал условия функционирования центральных и местных органов управления (поступление на службу, круг обязанностей и прав чиновников, порядок осуществления и прекращения служебной деятельности и т. д.). Система организации государственных учреждений и их основные функции стали объектом внимания Н.М. Коркунова [2].

В.В. Ивановский, В.А. Евреинов рассматривали чиновничество или бюрократию как особый общественный класс. В.В. Ивановский описал специфические черты бюрократии как отдельного слоя. К ним он отнес тесную связь с организацией правительственной власти в обществе, четкие, иерархически построенные социальные роли, закрепляемые рангами, единообразное толкование административных норм, связывающих все ступени бюрократической лестницы, внутреннюю планомерность деятельности, быстрый количественный рост чиновничества и особую групповую психологию. Призвание бюрократии ученый видел в том, чтобы осуществить “идею порядка, примиренного со свободой” [3, с. 7–15]. В.А. Евреинов осветил в своей работе проблему чиновничества в Российской империи, начиная с введения “Табели о рангах”. Основным стимулом для вступления на гражданскую службу на всех этапах ее функционирования, по мнению автора, было стремление к получению определенного чина и соответствовавшего ему материального обеспечения. В его видении основная проблема чиновничества состоит в огромной социальной значимости чинов, стремление к которым ведет к формированию особого замкнутого слоя и препятствует культурному развитию общества. Чиновничество представляет собой, по мнению В.А. Евреинова, “какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту, которая живет своею особенною жизнью, считает себя выше остального общества, и на которую общество смотрит как на нечто чуждое и враждебное” [4, с. 71].

В дореволюционной историографии особое место занимает работа Н.А. Рубакина “Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы”, в которой нашли отражение статистические данные о численном и ведомственном распределении чиновников в сопоставлении с количеством грамотного населения Российской империи. Автор делает вывод о высокой привлекательности государственной службы. Рубакин полагал, что чиновниками следует считать тех, кто “осуществ-

лял право государственного верховенства”. На этом основании он включал в состав чиновничества служащих почтово-телеграфного ведомства и министерства народного образования. Всего в Российской империи, за исключением Финляндии, насчитывалось 435818 чиновников, из которых 38082 были женщины [5, с. 60–69].

В работах данных авторов белорусская тематика включена фрагментарно, в контексте описания системы всего имперского управления.

Значительный пласт сведений о дореволюционной бюрократии нашел отражение в юбилейных изданиях, посвященных столетию различных министерств. Составленные самими чиновниками, эти сборники представляют определенный научный интерес ввиду своей информативности. Здесь имеются сведения о структурных изменениях, происходивших в системе государственного управления в XIX в. [6; 7].

Характеристика национального состава чиновничества Гродненской губернии во второй половине XIX в. приводится в “Кратком историческом очерке Гродненской губернии за сто лет ее существования 1802–1902 гг.” Л.М. Солоневича [8].

Таким образом, в дореволюционной историографии было проанализировано законодательство, определявшее деятельность чиновничества в целом, рассмотрены основные проблемы организации и функционирования системы управления как в центре, так и на местах, дана характеристика положения высшей провинциальной бюрократии. В то же время в дореволюционных трудах уделялось очень мало внимания социокультурным характеристикам чиновничества.

В советской историографии детальное исследование проблемы чиновничества предпринял Н.П. Ерошкин. В своей работе “История государственных учреждений дореволюционной России” автор дал общие сведения о госаппарате Российской империи. Понимая чиновничество как “организованную группу должностных лиц”, Н.П. Ерошкин считал их основной функцией “осуществление определенных задач в интересах господствующего класса”. Он отмечает тенденцию последовательного усложнения государственного аппарата в дореволюционной России за счет “возрастания задач государства”. Анализируя деятельность губернского правления, автор говорит о тенденции его превращения “в исполнительный орган при губернаторе”, в результате чего “растет значение канцелярии”. Обобщающий характер работы Н.П. Ерошкина позволяет говорить об актуальности данного исследования сегодня в качестве систематического справочника по истории государственных учреждений [9]. В 1968–1971 гг. среди советских историков разгорелась дискуссия об абсолютизме, в ходе которой была поставлена задача анализа российской бюрократии как одного из атрибутов самодержавия. Классической по данной проблематике стала монография П.А. Зайончковского “Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке”. Большая источниковая база исследования делает данную работу фундаментальной для изучения чиновничества. Обработка большого количества формулярных списков губернаторов, вице-губернаторов, председателей казенных палат, управляющих палат государственных имуществ, губернских прокуроров, председателей уголовных и гражданских палат, позволила автору сделать ряд выводов о состоянии местной администрации второй половины XIX в., ее количестве и составе, материальном обеспечении, представляющих несомненный интерес. Делая выводы относительно численного состава чиновничества, П.А. Зайончковский говорит

о его последовательном увеличении на протяжении всего XIX в. “почти в 7 раз”, отмечает повышение его образовательного уровня [10].

Деятельность царской администрации в Беларуси во второй половине XIX в. получила доскональное отражение в монографии С.М. Самбук. Автор на основе богатого архивного материала показала сущность политики самодержавия, ее главные направления и методы проведения в жизнь. В работе рассматривается также кадровая политика царского правительства относительно назначения чиновников на белорусских землях. Однако анализ состава служащих местного административного аппарата в монографии не проводился [11].

В историографии постсоветского периода с методологической точки зрения большой значимостью для изучения дореволюционной бюрократии обладает фундаментальный труд Б.Н. Миронова по социальной истории Российской империи. На основе идеальной модели государственного служащего, разработанной М. Вебером, автор анализирует эволюцию образа чиновника на разных этапах исторического развития России. Проводя свое исследование в рамках теории модернизации, Б.Н. Миронов делает вывод о “неуклонной профессионализации чиновничества” в течение 1700–1917 гг. При этом “рост профессионального, образовательного и материального уровня чиновников способствовал постепенной консолидации их в привилегированную социальную группу со строго иерархизированной структурой”, приближая их к “идеальному” типу чиновника. Б.Н. Миронов дает сведения о динамике должностных преступлений и социальном происхождении чиновников [12, с. 206].

Как косвенный объект исследования чиновничество белорусских губерний рассматривается в коллективном труде “Западные окраины Российской империи”, а также в работах А.А. Комзоловой и А.Ю. Бахтуриной [13–15].

Из работ современных белорусских исследователей необходимо упомянуть кандидатскую диссертацию гродненского историка С.М. Токтя, в которой специально рассматривался вопрос о составе чиновничества белорусских губерний в период 30–60-х гг. XIX в. Данная работа содержит анализ формулярных списков 281 коронных и 93 выборных от дворянства чиновников Минской губернии за 1830 г., 571 формуляра конца 50-х гг. XIX в., 281 и 246 списков служащих губернского правления, полиции и уездных судов Гродненской губернии за 1857 и 1869 гг. соответственно. Впервые в отечественной историографии выводы о составе чиновничества стали базироваться на фактических материалах. Автор показал, что на протяжении 30–50-х гг. XIX в. корпус чиновников в белорусских губерниях формировался преимущественно из числа местных уроженцев – мелкой шляхты католического вероисповедания. Попытки царского правительства после восстания 1830–1831 гг. привлечь в Беларусь чиновников из центральных губерний Российской империи не дали значительных результатов. Так, чиновники-католики в Минской губернии составляли 65,6%, в Гродненской – 79,7%. Однако после восстания 1863 г. правительство предприняло решительные меры для замены личного состава государственного аппарата в Беларуси. Большинство чиновников католического вероисповедания были уволены со службы. Приезжим чиновникам из великорусских губерний выплачивалось дополнительное жалование и предоставлялись льготы в приобретении земельных участков. В результате, в 1868 г. среди 3400 чиновников пяти белорусских губерний служащие православного вероисповедания составляли уже 76,5% [16].

Систему государственных учреждений и чиновничество Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. исследовал А.А. Киселев. Автор пришел

к выводу, что политика российского правительства в данный период не чинила существенных препятствий уроженцам белорусских губерний в поступлении и прохождении государственной службы и была направлена на интеграцию местного дворянства в состав имперской бюрократии. Польское восстание 1830–1831 гг. не внесло существенных изменений в кадровую политику самодержавия в белорусских губерниях: широко практиковалось назначение местных уроженцев на руководящие посты во всех учреждениях. К середине XIX в. они занимали 58% ключевых постов в губернских учреждениях (должности VI–X класса), а в уездных учреждениях (VII–IX класса) их доля превысила 80%. По своему сословному происхождению большинство чиновников относилось к потомственным дворянам, однако, к середине XIX в. помещиками являлись лишь 16–28%. Следовательно, государственные служащие жили лишь на жалование. А.А. Киселев отмечает, что чиновники не отличались высоким уровнем образования. Только во второй четверти XIX в. среди главных губернских чиновников доля лиц, получивших начальное и среднее образование достигла почти половины. Автор особо подчеркивает, что в данный период чиновничество не являлось носителем идей русификации. Большинство местных уроженцев ориентировалось на польские политические и национальные ценности. Чиновники из внутренних губерний, в том числе высшие, не пытались усилить “русское присутствие” и не проявляли религиозной или национальной нетерпимости [17].

Государственную службу дворянства в качестве отдельной главы рассматривает в своей монографии “Дворянства Беларуси перыяду капіталізму, 1861–1914 гг.” А.П. Житко. Автор пришел к выводу, что удельный вес дворян среди чиновников в пореформенный период постепенно сокращался. Царское правительство проводило политику по отлучению дворян римско-католического вероисповедания от государственной службы в Северо-Западном крае. Вакантные должности замещались выходцами из внутренних губерний России, которые в основном были разночинцами, не знали местной специфики. В край их привлекали высокое жалование, перспектива карьерного роста, получение наград и чинов, что являлось гарантией получения титула личного или потомственного дворянина. А.П. Житко подчеркивает, что политика правительства привела к тому, что среди представителей административного аппарата белорусских губерний не сформировалась национальная, служилая интеллигенция как носительница национально-государственной идеи [18, с. 212–220].

Деятельность Департамента полиции в белорусских губерниях изучали в своих кандидатских диссертациях А.Д. Гронский [19], А.И. Мурашко и С.И. Бусько. Работа А.И. Мурашко посвящена деятельности жандармских подразделений на железных дорогах Беларуси. Автор изучил требования, предъявляемые к кандидатам в жандармы, их материальное и социальное обеспечение, особенности корпоративной этики [20].

С.И. Бусько исследовал структуру и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв. Автор установил, что пять белорусских ГЖУ насчитывали приблизительно 265 человек, чего было крайне недостаточно, изучил условия поступления и прохождения службы офицерами, показал отношение общества к жандармам. Проанализировав 100 формулярных списков офицеров, которые за 1898–1917 гг. прошли через белорусские ГЖУ, С.И. Бусько утверждает, что средний возраст старших офицеров составлял 40 лет; средний возраст начальников ГЖУ – 50 лет. Среди

них были представители различных национальностей – в абсолютном большинстве русские и православные, 2 лютеранина, магометанин и представитель армяно-григорианской конфессии. Большинство из них окончили высшие военные училища, военные гимназии и кадетские корпуса; и все, кроме двоих, были женаты и имели одного-двух детей [21].

Несомненный интерес для нас представляет книга Б.И. Сидоренко “Могилевский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время”. В данной работе А.С. Дембовецкий предстает перед нами не столько как талантливый администратор и редактор трехтомного “Опыта описания Могилевской губернии”, а прежде всего как выдающаяся личность со своеобразным видением мира и эпохи, привычками и пристрастиями, стремлениями и идеалами. А.С. Дембовецкий был губернатором нового типа – либерально просвещенный реформатор. Он занимал губернаторское кресло с 1872 по 1893 г. Автор рассказывает о всех позитивных изменениях, которые произошли за эти годы в Могилевской губернии. Б.И. Сидоренко особо подчеркивает, что после А.С. Дембовецкого в губернии сохранился его стиль работы, демократические методы управления и творческий подход к делу. В губернских учреждениях возобладала такая система руководства и управления, при которой работать плохо было невыгодно и просто невозможно. Данная работа носит научно-популярный характер и представляет собой первую попытку в современной отечественной историографии связать историю губернаторской власти со спецификой конкретного региона [22].

Таким образом, постсоветский период существенно обогатил отечественную науку новыми данными о прошлом чиновничества, а также новыми подходами к его изучению. Тем не менее, тема слишком широка, чтобы оказаться исчерпанной.

Заключение

Проведенный анализ историографии чиновничества дает возможность выделить в ней ряд слабых сторон. Во-первых, недостаточно изучен период в истории отечественной бюрократии, приходящийся на конец XIX – начало XX в., поскольку большинство историков ограничивали свои исследования первой половиной, а также шестидесятыми-семидесятыми годами XIX в. Во-вторых, отсутствуют работы, которые носили бы комплексный характер и характеризовали чиновничество одновременно как субъект управления и отдельную социокультурную общность. В-третьих, слабо исследована история рядового чиновничества (“маленьких людей”) ввиду концентрации внимания ученых на представителях высшей бюрократии. В-четвертых, далеко не исчерпывающе освещены вопросы, которые принято относить к сфере исторической психологии (менталитет, ценности, идеалы чиновников). Исследователям необходимо восполнить эти пробелы, поскольку эффективность деятельности любой управленческой структуры нельзя оценить без рассмотрения ее кадрового состава, что требует детального анализа человеческого потенциала органов государственной власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Градовский, А.Д.** Начала русского государственного права / А.Д. Градовский. – 2-е изд. : в 3 т. – Т. 3 : Органы местного управления. – СПб., 1883. – 384 с.
2. **Коркунов, Н.М.** Русское государственное право : в 2 т. / Н.М. Коркунов ; под ред. М.Б. Горенберга. – СПб. : Типография Стасюлевича, 1909. – 2 т.

3. **Ивановский, В.В.** Бюрократия как самостоятельный общественный класс / В.В. Ивановский // Русская мысль. – 1903. – № 8. – С. 7–15.
4. **Евреинов, В.А.** Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк / В.А. Евреинов. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1887. – 87 с.
5. **Рубакин, Н.А.** Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (На основе официальных и научных исследований) / Н.А. Рубакин. – СПб. : Вестник Знания (В.В. Битнера), 1912. – 216 с.
6. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1902. – 225 с.
7. Министерство финансов. 1802–1902 : в 2 ч. – СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 2. – 692 с.
8. **Солоневич, Л.М.** Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования 1802–1902. / Л. Солоневич. – Гродно, 1901. – 106 с.
9. **Ерошкин, Н.П.** История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов вузов / Н.П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с.
10. **Зайончковский, П.А.** Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.
11. **Самбук, С.М.** Политика царизма в Беларуси во второй половине XIX в. / С.М. Самбук. – Минск : Наука и техника, 1980. – 223 с.
12. **Мионов, Б.Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б.Н. Мионов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.
13. Западные окраины Российской империи / М.Д. Долбилов [и др.] ; под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.
14. **Комзолова, А.А.** Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М. : Наука, 2005. – 383 с.
15. **Бахтурина, А.Ю.** Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 – февраль 1917 г.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.Ю. Бахтурина. – Москва, 2006. – 303 с.
16. **Токць, С.М.** Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–40-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.М. Токць. – Мінск, 1997. – 21 с.
17. **Киселев, А.А.** Система государственных учреждений и чиновничество Беларуси в политике российского правительства (конец XVIII – первая половина XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. исторических наук : 07.00.02 / А.А. Киселев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.
18. **Жытко, А.П.** Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864–1914 гг. : манаграфія. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
19. **Гронский, А.Д.** Политическая полиция Российской империи и её деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03, 07.00.02 / А.Д. Гронский. – Минск, 2003. – 115 с.
20. **Мурашко, А.И.** Жандармская полиция на железных дорогах Беларуси: организация и деятельность (1861–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.И. Мурашко. – Минск, 2006. – 122 с.
21. **Бусько, С.И.** Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.) / С.И. Бусько. – Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 9–18.
22. **Сидоренко, Б.И.** Могилевский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилев : АмелияПринт, 2012. – 252 с.

Поступила в редакцию 30.01.2014 г.

УДК 94 (476).083

Е.П. ЦУМАРЕВА

“ЦЕНЗУРНЫЙ ТРУД НЕВЫНОСИМ”. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЕНСКОГО ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (1907–1914 гг.).

Исследуется функционирование Виленского временного комитета по делам печати (ВВКпДП) как части цензурной системы Российской империи начала XX в. На примере отношений внутри комитета рассмотрена борьба либеральных и официально-охранительных взглядов, характерная для всего общества. Дана общая характеристика состава и функциональных обязанностей инспекторов по делам печати. Вскрыто противоречие в осуществлении досмотра печати между комитетом и военной цензурой. Исследованы законодательные основания возбуждения уголовного преследования. Выделена группа СМИ и тематика статей, испытавших прессинг цензуры.

Введение

Изучение цензурной политики начала XX в. вызывает особый интерес в современной науке. Категории “свобода слова и печати”, “грань прав и обязанностей редакторов и журналистов”, “рамки цензуры” – сегодня столь актуальные вопросы, приобрели исключительную важность в начале прошлого столетия. Без анализа деятельности системы в то переломное время, ознакомления со взглядами цензоров на свой труд, понять ответы на вызовы современности едва ли возможно.

Исследованию цензурного аппарата Российской империи посвятили свои работы Н.Г. Патрушева, Н.А. Гринченко, В.С. Измозик, Д.А. Эльяшевич, Д.И. Раскин [1, 2]. Однако, деятельность ВВКпДП можно осветить более подробно. Целью данной статьи является рассмотрение “цензурного труда” изнутри, на примере ВВКпДП, созданного по ходатайству Виленского губернатора 9 марта 1907 г. Комитет являлся профессиональным органом цензуры на территории Северо-Западного края.

Основная часть

Условиями развития сферы печати в начале XX в. являлся колоссальный рост книжного и газетного дела в результате ежегодного увеличения потребности в чтении, расширения круга читателей. Под натиском революционных событий 1905 г. изменилось законодательство о печати. Был дарован Манифест 17 октября и Указ “О временных правилах о повременных изданиях” от 24 ноября 1905 г., признавшие Свободу слова “незыблемой основой гражданской свободы” [3].

Эти факторы, а также развитие многонациональной печати края, выходившей на белорусском, русском, польском, литовском языках и на идиш, формировали новые условия работы органов цензуры.

“Область дозволенного и запрещенного”.

Сами СМИ рассматривали печатное слово “совершенным оружием” [4]. Опасность этого “оружия” понимали и чиновники, по-разному воспринявшие либеральные изменения в законодательстве и в прессе.

Следует отметить, что характерное для общества противоборство либеральных и официально-охранительных тенденций, проявилось в отношениях

внутри ВВКпДП. Наиболее консервативную позицию занял цензор А.Н. Ярошевский, “местный православный белорус”, дворянин Могилевской губернии, прослуживший свыше 20 лет на государственной службе. Он выражал взгляд чиновников, которые категорию “Свобода печати” не воспринимали объективным правом общества и признавали ее “великим благом” лишь в случае, когда она находилась в руках представителей власти [5, л. 91 об.]. Позиция этих чиновников в отношении законодательства характеризовалась поддержкой изменений по ужесточению надзора за СМИ и усилению ответственности редакторов. Так, А.Н. Ярошевский критиковал Временные правила от 24 ноября 1905 г., как “наскоро” изданные, в результате чего, по его мнению, изменения “далеко не регулировали” положения прессы, судебные и цензурные учреждения “неодинаково” определяли рамки преследования, права и обязанности печати. Цензоры были поставлены в “затруднительное” положение [5, л. 90 об.].

Данная ситуация “особенно чувствовалась” на полиэтнических окраинах России с “вавилонским смешением” языков, к которым относили и Северо-Западный край. Иностранная печать, в особенности иностранная, консервативно настроенными чиновниками воспринималась как проводник “противогосударственных” и “социал-революционных” идей, наносивших “видимый вред” семье, обществу и государству [5, л. 90 об.].

Читательскую аудиторию, представленную народом, А.Н. Ярошевский характеризовал политически незрелой, по простоте доверявшей “всякому печатному слову”, обещаниям “несбыточных благ”. Цензор настаивал на принятии законодательства для учреждения “более правильного” надзора за СМИ [5, л. 90 об.].

Следует отметить, что не все цензоры ВВКпДП были столь консервативны. Сотрудник совета Главного управления по делам печати (ГУпДП) С.Е. Виссарионов характеризовал председателя ВВКпДП А.А. Кеммерлинга как “противника конфискации” прессы, потому что чрезмерные преследования создавали “рекламу” оппозиционным СМИ [2, с. 145].

“Непосильный” труд.

В состав комитета с момента его создания входили председательствующий, два члена комитета, секретарь, помощник секретаря, два вольнонаемных писца, курьер. Причисленные к комитету два представителя генерал-губернаторского правления рассматривали часть печати на русском языке, издания на “малороссийском и белорусском и других наречиях русского языка”. К комитету были причислены также по одному представителю от военного ведомства, православного и католического духовенства. В качестве исполнительного органа состоял инспектор типографий и книжной торговли [6, л. 14]. Состав Комитета самими членами признавался недостаточным для эффективной работы.

Мнение ВВКпДП зачастую расходилось с позицией ГУпДП в вопросах по кадровому составу, финансированию, оплате труда служащих. Инспектора просили о сокращении функциональных обязанностей, освобождении от явки в суд в качестве свидетелей или экспертов по делам печати. На членов комитета возлагались обширные дополнительные обязанности по ведению каталогов, справок, переводов, участию в решении вопросов по изданиям на других языках [5, л. 89 об.].

Определить объемы просматриваемых комитетом изданий помогут выписки из отчетов. ВВКпДП уведомлял, например, 1 ящик весом 1 пуд 08 фунтов печатных изданий на немецком, французском, английском, литовском языках

“дозволен к обращению” [7, л. 12]. Инспектора осуществляли перлюстрацию писем с надписями на иностранных языках, досматривали книги, молитвенники, брошюры, кипы газет, журналы, печатные листы. Для выписки печатных изданий из-за границы учреждения и физические лица обращались к цензору по иностранной цензуре, который выдавал специальное постановление [7, л. 16]. Основной обязанностью комитета являлся надзор за печатью в г. Вильно. В отчетность ВВКпДП входила систематическая высылка в ГУпДП посылок с регистрационными карточками изданий при перечневых списках, к ним прилагались вновь вышедшие в свет печатные издания по 6 экземпляров. Также регулярно высылался список уголовных преследований, возбужденных у прокурора Виленской судебной палаты против редакторов СМИ, выходивших в г. Вильно.

Сами инспектора, на заседании 4 августа 1912 г. цензурный труд описали “тяжелым и едваодолеваемым” [5, л. 89–91].

“Нерадение по службе”.

Действия ВВКпДП четко отслеживались ГУпДП. За статьи с признаками преступления, которые по упущению и недосмотру появлялись в печати, были строгие разборательства [8, л. 9]. Рассмотрим это на примере скандала в комитете и ГУпДП в 1914 г., рельефно вскрывшего противоречие в системе цензурного досмотра. Как известно, в связи с начавшейся Мировой войной, с 20 июля 1914 г. параллельно с ВВКпДП, досмотр печати производился военной цензурой. Сами цензоры расценили нововведение как затруднившее работу, просмотр статей стал “практически неосуществимым”, задерживал выход ежедневной прессы [8, л. 15]. Создалась коллизия: комитет при решении наложить арест на издание, допущенное военной цензурой, “дискредитировал” бы деятельность последней, к тому же, судебная палата не поддержала бы уголовное преследование разрешенных военной цензурой изданий. В такой ситуации глава ВВКпДП А.А. Кеммерлинг поддержал мнение председателя местной военно-цензурной комиссии Бекламишева, что “никто не может вторично рассматривать дозволенные военной цензурой издания и контролировать военных цензоров” [8, л. 13–14]. Результатом стал пропуск в печать “совершенно непозволительных” статей на литовском языке в газетах “Lietuvos ziniuos” и “Auzra”. ГУпДП рекомендовало устраивать “периодические собрания” членов комитета и военных цензоров для обсуждения “общих по печати” вопросов.

“Слов не крошит ни век, ни топор” (Я. Купала). Примеры арестов изданий.

Наиболее “популярным” основанием возбуждения уголовного преследования Виленским комитетом, являлись 1 п. ст. 281 и 3, 4 пп. статьи 1034 Уложения о наказании, устанавливавшие ответственность за составление и распространение сочинений, заключавших “недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства”, а также “за перепечатание” запрещенной литературы [9, с. 176, 441]. Часто применялись п. 1-3, 6 ст. 129 Уголовного уложения, устанавливавшей виновность в распространении сочинения, возбуждавшего “1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в Государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону...; 6) вражду между отдельными частями или классами населения...” [10, с. 196].

В крае выделилась устойчивая группа СМИ, последовательно проводивших линию защиты прав и осуществлявших критику власти, преследуемых цензурой. Лидерами являлись газеты “Северо-Западный голос”, “Свободное слово”, “Наше слово”, “Новая заря”, “Виленец”, “Фолксцайтунг”, “Газман”, “Der Wecker”,

“Gazeta Wilenska”, “Kurjer Litewski”, “Goniec Wilenski”, “Dwutygodnik Diecezjalny Wilenski”, “Echo”, “Свет”, “Новая эра”, “Lietuvos zinios”, “Viltis”, “Двинская мысль”, “Наша ніва” и др.

Приведем некоторые примеры. Не единожды подвергалась преследованиям белорусскоязычная газета, печатавшаяся “русскими и польскими” буквами, “Наша ніва”. Особо неприемлемыми для цензуры являлись статьи о Думе. Так, статья “Дума и народ”, опубликованная в № 8 за 1907 г., стала одной из причин преследования газеты и редактора А.Н. Власова. Газета писала, что Дума должна быть выразителем “народной воли”, вместо этого правительство дало народу “депутатство”, но не власть. Также говорилось о первостепенном значении свободы слова и печати в деле правдивого обустройства жизни. “Веками обирали народ от свободной мысли”. Сделан вывод, что Дума в одиночку не установит свобод и народ “не должен спать”, борясь за свои права [11].

Периодически преследованию подвергалась ежедневная виленская русскоязычная газета “Северо-Западный голос” за обсуждение злободневных вопросов общероссийской действительности. В борьбе с применением смертной казни, газета печатала письмо депутата второй Государственной думы Ч. Ломтатидзе, содержащегося в Севастопольской тюрьме. Комитет расценил статью как имевшую цель “возбуждение обывателей против смертной казни политических преступников” [12, л. 31–32]. Далее, в № 1284 от 21 февраля 1910 г. на передовой размещена критика доклада думской комиссии по законопроекту об отмене смертной казни. Комиссия высказалась за сохранение смертной казни не только в военной юстиции. Газета охарактеризовала такую политику “кошмарным явлением”, “хладнокровным расчетом”, вызванным “жестоким умом и звериным сердцем”. По мнению ВВКпДП, автор не видел “никакого различия между террористическим убийством и смертной казнью ... по приговору суда”. В статье усмотрено преступление, предусмотренное ст. 281 Уложения о наказаниях. Номера подлежали конфискации, против редактора-издателя М.М. Шата возбуждено уголовное преследование [12, л. 102–103].

Газета освещала также забастовочное движение. Председатель ВВКпДП А.А. Кеммерлинг усмотрел “явно тенденциозный” характер статьи “К драме в тайге”, размещенной в № 1993 от 11 апреля 1912 г. Несмотря на то, что часть статьи была перепечатана из петербургской газеты “Вечернее время”, газета подверглась преследованию. По мнению обвинителя, в статье сообщался ряд не проверенных расследованием известий, положение бастующих описано “в самых мрачных красках”, вынудившее их к выступлению. Единственными “виновниками ситуации” названа администрация приисков, судебная и воинская власти. Совет комитета наложил арест на номер, против редактора было возбуждено судебное преследование [5, л. 65–66].

Среди краевых польскоязычных газет часто преследовались корреспонденции газеты “Kurjer Litewski”. Заведующий польско-немецким отделом Э.Л. Меллерштейн фон Меллер посчитал статью “Покровитель зла”, напечатанную в № 50 от 3/16 марта 1909 г. и посвященную юбилею А.С. Суворина, преступной. По мнению цензора, в данной статье допущены “резкие, возбуждающего характера, суждения о действиях правительства”. Газета писала, что правительство, пользуясь услугами А. Суворина-публициста, “развращало и развращает народ, убивает в нем совесть и самосознание, превращает его в послушное орудие”. Высказана мысль, что народ, доведенный до упадка, будет выгоден,

т. к. будет доволен “наихудшим правительством и наихудшим законом”. Номер газеты подвергся конфискации, а против редактора В. Барановского возбуждено уголовное преследование [12, л. 9–10].

Актуальным для Северо-Западного края и Российской империи в целом был “инородческий вопрос”. Особая бдительность проявлялась в отношении деятельности поляков в Северо-Западном крае, т. к. белорусские земли были предметом исторического спора Польши и России. Газета “Kurjer Litewski” в № 33 от 11 февраля 1910 г. поместила статью на передовой “С открытыми картами”, критиковавшую циркуляр Министра внутренних дел об инородческих обществах и союзах. Редакция газеты признала документ попустительством “всякого рода произволу” исполнительной власти, имевшим целью «ослабить п. 1 Манифеста 17 октября». Цензурный комитет предоставил дело на рассмотрение Виленского губернатора [12, л. 9–10].

Неугодным являлось проблемное освещение взаимоотношений католиков, православных, иудеев на территории Беларуси. Преступной была признана статья “Разрушение костела в Друи”, напечатанная в газете “Goniec Wilenski” № 184 1909 г. В корреспонденции приведены факты, когда православные рабочие бросались на выносимые с костела святыни с криком “бей польского Бога” и разбивали их палками о стену. В противоположность этому, местный раввин запретил кагалу участвовать в разрушении костела и покупать кирпич с разрушенного храма [12, л. 67 об., 68].

Среди инородческих вопросов актуальным для края был еврейский вопрос, характеризовавшийся борьбой за права народа, в том числе посредством печати. Уголовному преследованию подвергались газеты, писавшие о еврейских погромах, например, “Северо-Западный Голос” № 175 1906 г. за статью “Итоги погромной кампании”, “Свободное слово” № 20 1906 г. “Погромные кулисы”, № 46 1906 г. “Новый погром” и т. д. [6, л. 21].

Остро обсуждала национально-политические вопросы литовская печать края. В своем докладе А.Н. Ярошевский охарактеризовал статью “По жмудским городам”, помещенную в № 27 1911 г. газеты “Lietuvos žinios” как возбуждавшую “литовцев жмудинов против русских поселенцев”. В статье высказана мысль, если бы правительство заботилось о литовцах, то их хозяйство процветало бы [5, л. 29 об., 30]. Далее разбирательству подверглась литовская газета “Viltis” № 123 и 125 1910 г. за статью “Колонизация Литвы и помещики”, в которой автор Квиленас упрекал П.А. Столыпина в “колонизации Литвы для обрусения этого края” [12, л. 129 об., 130].

Многие газеты критиковали деятельность русских националистических организаций. Газета “Kurjer Wilenski” находила “развитие воинствующего национализма” губительным для государства и его результатом прогнозировала столкновение в крае других национализмов: литовского, польского, еврейского. Подобная критика зачастую подвергалась уголовному преследованию. Например, газета “Северо-Западный голос” № 32 1906 г. за заметку о представлении Императору 23 декабря 1905 г. делегации от Союза русского народа; газета “Новая заря” № 67 1906 г. за статью “Союз русского народа на Высочайшем приеме” [6, л. 13, 13 об.].

Несмотря на приведенные примеры “скрупулезной” работы инспекторов, ревизия, проведенная ГУПДП в 1914 г. показала “плохую работу” Виленского комитета и “редкое” возбуждение уголовных преследований [2, с. 144].

Заклучение

Таким образом, работе ВВКпДП была свойственна борьба либеральных и официально-охранительных взглядов. Остро дискуссионными вопросами развития края по материалам преследуемых СМИ являлась борьба за права общества, требования свободы национально-культурного развития в белорусских, польских, еврейских, литовских СМИ. Либеральные силы выступали против черносотенной прессы. В ситуации поляризации мнений и требований, виленской цензуре характерны, на наш взгляд, официально-охранительные тенденции. Объективные трудности в работе ВВКпДП были обусловлены недостатком штата, большим объемом работ, функциональными противоречиями в системе цензуры, что создавало предпосылки СМИ выиграть судебное дело.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История цензурных учреждений в Виленской губернии в XIX – начале XX века / Н.А. Гринченко [и др.] // Круготуга. – 2004. – Т. 43. – Р. 58–86.
2. **Патрушева, Н.Г.** Ревизия Временного комитета по делам печати в Вильно в 1914 г. / Н.Г. Патрушева // Круготуга. – 2006. – Т. 47. – Р. 142–148.
3. Именной высочайший указ, данный Сенату “О временных правилах о повременных изданиях” 24 ноября 1905 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб. : Государственная типография, 1908. – Т. XXV отделение I. – № 25605 – 27172 – №. 26962 – С. 837–840.
4. Передовая // Белорусская жизнь. – 1911. – Суббота, 1 января – Программный номер. – С. 2.
5. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 50. Доклады и постановления Виленского временного комитета по делам печати (1911–1912).
6. ЛГИА. – Фонд 1241. – Оп. 1. – Д. 121. – Переписка с Главным управлением по делам печати.
7. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 166. Переписка с таможенными о просмотре печатных изданий прибывающих из-за границы (1908).
8. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 1. Переписка с ГУ по делам печати о выходящих в Вильно газетах и журналах (1906–1916).
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. С дополнениями на 1 января 1876 г. / составлено Н.С. Таганцевым – СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1876. – 736 с.
10. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб: Государственная типография, 1905. – Т. XXIII отделение I. – № 22360 – 23838 – № 22704. – С. 177–274.
11. **Марцін.** Дума і народ // Наша ніва. – 1907. – 24 лютаго (феврала) – № 8. – С. 3–7.
12. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 39. – Доклады и постановления Временного комитета по делам печати (1909–1910).

Поступила в редакцию 06.01.2014 г.

УДК 94(47+57)(=16)“18”

Р.В. СОЛОВЬЕВ

ВЗГЛЯДЫ М.О. КОЯЛОВИЧА В КРУГУ ИДЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Статья посвящена творчеству М.О. Кояловича и его взглядам на историю Беларуси, а также некоторым особенностям развития представлений по вопросу исторических судеб восточного славянства в среде ученых, литераторов и общественных деятелей Восточной Европы второй половины XIX в. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам данной темы, анализ которых весьма показателен и дает нам представление о позициях авторов, внутренней логике их аргументации в деле реконструкции исторических процессов.

Введение

Михаил Осипович Коялович (1828–1891 гг.) был широко известен российской общественности второй половины XIX в. В течение тридцати пяти лет он работал на кафедре русской истории Санкт-Петербургской Духовной Академии и долгое время эту же кафедру возглавлял. Находясь в самом центре политической и культурной жизни Российской империи среди богатейших библиотечных и архивных собраний, ученый посвятил много своих трудов изучению исторических судеб славянского мира.

Следует рассматривать труды М.О. Кояловича как своеобразное взаимодействие профессиональной науки и общественного сознания, направленное на изучение западно-русских (белорусских) земель.

Немаловажное значение имели и теоретические выкладки данного ученого. Так в своем главном труде по русской истории – “История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям” (1884 г.) – он следовал тому принципу, который больше всех других “обнимает фактическую часть русской истории и лучше других освещает действительные и существенные ее стороны” [1, с. 43]. Полагая, что в истории “область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно” [1, с. 42], Коялович видел задачу историографии в том, чтобы “разобраться в разного рода субъективизмах по изучению русской истории” [1, с. 43–45].

В своих журнальных статьях по истории Западной и Юго-Западной Руси, а также в речах он стоял за возможно тесное общение между славянскими племенами.

Основная часть

Коялович одним из первых сознательно и последовательно рассматривал развитие русской исторической науки через призму эволюции русского самосознания. Действительно, ранее все ученые больше изучали историю государства, в меньшей степени – народа, но только выходец из тех земель, где многие века русскому самосознанию пришлось упорно отстаивать свое существование, смог сказать новое слово в исторической науке. Монументальная работа “История русского самосознания” М.О. Кояловича даже своим заглавием предполагала представить историю исторической науки на теоретическом основании. Поставив перед собой задачу поиска научной истины в изучении русской истории в

трудах немецких ученых, “наших летописцев”, “ученейших историков новейших времен”, Михаил Осипович пришел к заключению, что: “...факты ими не собираются, а выбираются, и не объединяются, а насильно подгоняются под начала наперед составленные, взятыми готовыми у чужих людей, – у разного рода западноевропейских ученых... Такова большая часть сочинений наших западников и тесно с ними связанных реалистических. От такого субъективизма наука русской истории не много выиграет” [1, с. 43–44]. Отдавая должное значение трудам иностранцев с историографической точки зрения, а также в деле описания быта страны, Коялович оставался весьма низкого мнения об их вкладе в отечественную историографию. В итоге, Коялович пришел к осознанию, что “русский субъективизм” славянофилов “...больше всех других освещал действительные и существенные стороны ее истории...”, и, что этот путь в осмыслении прошлого своей страны более честный и прямой в сравнении с другими [1, с. 44–45].

Важную роль в изучении славянской истории в духе славянофильства Коялович видел в “Русской истории” Татищева, “болтинской” и особенно “карамзинской” теориях. А сам “славянофильский” подход к изучению истории, по мнению историка, возникает в спорах между “скептической школой” М. Каченевского и ее противниками во главе с М. Погодиным [1, с. 175]. Коялович выражал свою солидарность с историческими взглядами предшественников – Погодина, Шевырева, Хомякова, братьев Киреевских и Аксаковых, Лешкова, Беляева и др. Характеризуя творчество славянофилов, он отмечал, что они решительно не допускали усвоения нравственных идеалов Запада, восприятия и переноса на русскую почву исторического и жизненного опыта отдельных европейских народов [1, с. 251]. Вместе с тем, подчеркивал Коялович, славянофилы при всем их внимании к складу русской жизни не могли не уважать самобытных местных и племенных особенностей своего народа. От изучения собственно русской истории славянофилы стали переходить в область общеславянскую. Но не следует обманываться, что славянофилы желали государственного слияния в одно целое всех славян. Коялович в этом отношении лишь отмечал: “Они хлопочут собственно о внутреннем единстве славян и только указывают на русский язык, как на более пригодное средство для успеха этого единения” [1, с. 256].

Больше всего в творчестве М.О. Кояловича прослеживается линия, посвященная положению славян в так называемой Западной России. Это нашло отражение во множестве статей и монографий автора. И его не случайно именуют главным теоретиком “западноруссизма” [2, с. 7].

Михаил Осипович имел достаточно четко выявленную западнорусскую идентичность и понимал под Западной Россией Беларусь и Украину: “Под именем Западной России нужно разуметь не одну Белоруссию или Литву, а вместе с ними и Малороссию, т. е. нужно разуметь ту страну, которая лежит на запад от Днепра и юго-запад от Двины до границы Царства Польского и Австрийской империи” [3, с. 3].

В публикациях ученого в начале 1860-х гг. проявляется своеобразный патриотизм, который можно назвать “западнорусским”. Элиту “западнорусского” народа Коялович видел в местном православном духовенстве, обладающим, по его мнению, особой исторической миссией. Например, рассуждая в 1863 г. на страницах “Литовских епархиальных ведомостей” на тему исторического призвания “западнорусского” духовенства, Коялович писал об оторванности, в том числе и языковой, приходских священников от своих собственных прихожан [4, с. 65].

В том же 1863 г. М.О. Коялович в аксаковском “Дне” очертил границы белорусского племени. Так, Белоруссия – это “всё то племя, которое говорит белорусским наречием”, ареал расселения которого охватывает Витебскую губернию, часть Могилевской и Минской, большую часть Гродненской и Виленской и малую часть Ковенской губерний [5, с. 197].

Как отмечает историк М. Долбилов: “Привычно чередовавший в своих статьях определения “белорусский” и “литовский” и называвший себя то “белорусом”, то “литвином” или даже “литовцем”, Коялович, тем не менее, явился одним из творцов новой ментальной карты, на которой определяемая ранее в исторических терминах Литва потеснилась перед наступающей на нее с востока и юга Белоруссией” и стала связываться с литовским этносом [5, с. 197].

Говоря о Западной Руси в представлениях Кояловича, следует отметить, что главной отличительной чертой этого региона для него было историческое наследие Великого княжества Литовского, причем преимущественно в его русской форме. Именно Великое княжество Литовское, а не “польское государственное единение Западной России” (Речь Посполитая), “дало широкое развитие тому внутреннему объединению Западной России... которое очевидно всякому специалисту” [6, с. 19–20].

Весьма показательной здесь выступает логика Кояловича в известной полемике с украинифилом Н.И. Костомаровым, критиковавшим его в 1864 г. В ответной статье, изданной отдельной брошюрой, ученый посвятил пару страниц рассуждениям об истории белорусов в контексте восточнославянской истории. Уместно привести часть аргументов из этой дискуссии.

Так, по мнению Костомарова, весь русский народ распадается на две ветви: северно-русскую – великорусов, и южно-русскую – малороссов [6, с. 15]. По словам Костомарова следует также, что эти ветви не только равноправные, но и разновозрастные. Тут у Кояловича возникает вопрос: “А куда девалась Белоруссия, как она пристроена к родству общерусскому?” [6, с. 17]. По Костомарову следует, что “Белорусская ветвь славяно-русского народа принадлежит к разветвлениям северно-русской, хотя в силу исторических обстоятельств, часть ее значительно обособилась”. Коялович в этих словах видит низведение белорусов до нижней степени родства к общерусской семье и, упрекая Костомарова, пишет, что исторические старики (белорусы. – Р.С.) представлены юношами: “Дети стариков кривичей ... не могут быть представляемы юными историческими детьми северно-русского племени” [6, с. 18]. А далее справедливо упрекает Костомарова в том, что он сам писал о глубокой древности кривичей и их влияние на историю белорусов [6, с. 18].

Критику Костомарова Коялович называл попыткой ниспровергнуть факты исторического родства белорусского и малорусского племен. Слабым местом аргументов украинского автора он называл филологические выкладки, ссылаясь на Ю. Летголу и А. Гильфердинга, которые заявляли о некомпетентности Костомарова в этих вопросах [6, с. 9–10].

Коялович отмечал: “... великоруссы, и малороссы, и белорусы – один и тот же русский народ. Это прежде всего, а потом уже частности, особенности, которым никогда не следует давать преимущества перед основным элементом единства”. При этом он воздерживался от прямых обвинений украинофильства в антиимперском сепаратизме [6, с. 11–12].

С другой стороны он обвиняет Костомарова (и его единомышленников) в боязни родства малороссов с великорусами, которое, как ему представляется, отнюдь не унижает ни первых, ни вторых.

Окончательным (и самым убедительным) аргументом против позиции Костомарова выступал неоспоримый факт наличия литературного и государственного языка, “который не был ни малороссийский, ни белорусский, а просто западнорусский, равно понятный обоим племенам на которым писал воззвания к народу Б. Хмельницкий” [6, с. 20–21]. Что же касается Малороссии, то ее “существенные задачи ... упущены из виду, и все сосредоточено около малороссийской мовы (речи), мовы прекрасной и достойной всякого уважения в устах народа и в его естественных произведениях, но самой безобразной и злополучной для всей западной России, как мовы науки, как мовы, которую стараются создать самым деспотичным образом и с забвением всех общих интересов западной России” [6, с. 23–24].

Как известно, в 60-е гг. XIX в. начали появляться первые этнографические карты, в том числе и затрагивающие области, принципиально важные для изучения истории белорусского народа. Одной из первых была карта, составленная Родригом Эркертом. М.О. Коялович, в присущем ему стиле, дал оценку данной работы и серьезно раскритиковал позицию Эркерта. Михаил Осипович обратил особое внимание на основной принцип исследования, который сводился к определению этнической принадлежности по религии. Ссылаясь на работы П.О. Бобровского, он указывал о необходимости более серьезного подхода, учитывающего и другие особенности народа, например, языка (в том числе и простонародного), а не только вероисповедания. В частности, он заявлял: “Нет сомнения, что народная религиозная совесть может облекаться в национальные особенности и служить в свою очередь указанием их. Русские и поляки на столько же отличны между собою и по вере; на сколько по чисто национальным особенностям”. У русских (в широком смысле) вера национальна в простом народе, а у поляков наоборот [7, с. 18–19].

По мнению Кояловича, соединение западных губерний с Россией должно было быть невозможно только лишь усилиями местных властей. Вопрос мог сводиться к созданию почвы для этого путем внушения местному населению, что оно в культурно-языковом отношении принадлежит к России, больше чем к Польше. Причем тут важным аргументом становится проблема численности и соотношения сторон. Здесь Коялович прямо обвиняет Эркерта, который для иллюстрации более благоприятной картины, не только приписал полмиллиона значащихся католиками белорусских крестьян и мелкой шляхты к полякам, но и поместил на своих картах не входящие в Российскую империю земли [7, с. 12–18].

Эрkert (да и другие этнографы того времени), с легкостью манипулировали статистическими и картографическими данными, что лишним раз подчеркивало наличие связи науки с политикой и даже идеологией. Не случайно предвзятость Эркерта заставила Кояловича подозревать его в наличии плана, по которому на первое место в Российской империи выходили бы немцы как наиболее способная и достаточно массовая этническая группа, которая могла бы решить национальную проблему [7, с. 3–4].

Интересно, что именно карта пограничья Литвы, Латвии и Беларуси, сделанная Эркертом, была использована литовскими националистами как аргумент в спорах о принадлежности Вильно и ее районов в противовес претензиям поляков и русских, в условиях распада Российской империи [8, pp. 256–259].

Главную проблему западнорусской истории Коялович видел в том, что полонизация и окатоличивание, начавшиеся в XVI в., лишили местное православное население от Вильно до Киева, в особенности же белорусов, национальной

элиты, что не только замедлило исторический процесс на этих землях, но и поставило вопрос о сохранении своей идентичности.

Заключение

Как известно, существуют разные концепции написания истории. Можно излагать историю отдельного государства или отслеживать историю одной определенной этнической общности. Классик исторической мысли XIX в. профессор Михаил Осипович Коялович в этом отношении имел весьма своеобразный подход. Тут сказывалось не только его религиозное воспитание. Он был человеком в высшей степени образованным и как полагается настоящему историку был хорошо знаком с историографией изучаемых им проблем. Но он не видел в трудах предшественников ответов на те сложные вопросы, которые бы затрагивали специфику исторического развития славян Восточной Европы, особенно населения т. н. Западной России. К решению этой проблемы он и обратился на достаточно высоком теоретическом уровне.

Ученый отмечал существенные признаки, объединявшие русский народ на протяжении его длительной истории (общие исторические предания, язык и вера). Изучая проблему наследия Киевской Руси, он отмечал, что образование соперничающих политических центров не разрывало народного единства, поскольку спор шел не о переделе, а о собирании общего наследия. С другой стороны, такой ход событий был нарушен со стороны Великого княжества Литовского после соединением его с Польским королевством. В результате исторически чуждые восточному славянству элементы польской истории (шляхетская идеология, католичество) стали рушить основы русской цивилизации. После трансформации правящего сословия и подмены ими своей «западнорусской» идентичности на польскую, а простой народ вынужден был испытывать тяжелый религиозный и национальный гнет. Выход из создавшегося положения он стал искать на востоке, в российском государстве, где видел развитие родственных ему начал (языка, веры, национальности). По Кояловичу эти процессы были стихийным, интуитивным поиском, единственно возможным в условиях, когда народ не мог сознательно участвовать в политической жизни ни в Речи Посполитой, ни в Московском царстве. Разделы Речи Посполитой и возвращение к более близкой в цивилизационном отношении России сопровождалось стремлением народа к восстановлению единства с Русской Церковью, которое вылилось в отмену униатства. Это положило начало новому этапу истории края, к детальному изучению которого и призывал Коялович: «Отнеситесь к Белоруссии с надлежащим вниманием, изучите ее надлежащим образом» [6, с. 23].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Коялович, М.О.** История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – СПб., 1901. – 594 с.
2. **Цьвікевіч, А.** «Западнорусизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
3. **Коялович, М.О.** Лекции по русской истории / М.О. Коялович. – Гродно, 2008. – 587 с.
4. **Коялович, М.О.** Историческое призвание западно-русского Православного Духовенства / М.О. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – №. 2. – С. 63–68.
5. **Долбилов, М.Д.** Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.

6. **Коялович, М.О.** Ответ г. Костомарову на его статью в № 118 газеты “Голос” / М.О. Коялович. – СПб. : Воен. тип., 1864. – 37 с.
7. **Коялович, М.О.** Взгляд г. Эркерта на Западную Россию / М.О. Коялович. – СПб. : Воен. тип., 1864. – 43 с.
8. **Petronis, V.** Constructing Lithuania, Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914 / V. Petronis. – Stockholm, 2007. – 309 p.

Поступила в редакцию 06.05.2014 г.

УДК 94(476) “1905/1907”

Е.В. КУЛАБУХОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с позицией белорусских православных священнослужителей по отношению к революции 1905–1907 гг., описывается участие православного духовенства в Предсоборном присутствии, открывшемся в 1906 г. и являвшемся в планах правительства рычагом укрепления самодержавия, а также рычагом усиления его идеологического влияния на народ. Кроме того, в данной статье изучаются роль и место белорусских православных священнослужителей в двух избирательных кампаниях в I и II Государственную думу, раскрываются некоторые причины массовых отпадений от православия, в результате чего были ослаблены позиции церкви в борьбе с революционным движением. Такими причинами были устаревшая церковная идеология, обострившийся внутрицерковный кризис, а также распространение социал-демократического учения.

Введение

Как известно, в начале XX в. белорусские земли входили в состав Российской империи и состояли из пяти губерний: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Могилевской. В этих губерниях существовало, соответственно, пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Гродненская и Могилевская.

Накануне революции 1905–1907 гг. православная церковь являлась серьезной политической силой, хотя влияние это уже постепенно начинало ослабевать. Актуальным в наши дни остается вопрос, по каким же причинам в революционные годы влияние православной церкви заметно ослабевало, и какова была позиция белорусских православных священнослужителей по отношению к самодержавию с одной стороны, и разжигателям революции с другой.

Учитывая слабую разработанность темы, касающейся контрреволюционной деятельности белорусских православных священнослужителей в 1905–1907 гг., была поставлена цель исследования – системно рассмотреть вопросы, связанные с позицией белорусских православных священнослужителей по отношению к революции 1905–1907 гг.; описать участие православного духовенства в Предсоборном присутствии, а также двух избирательных кампаниях в I и II Государственную думу; раскрыть причины массовых отпадений от православия в рассматриваемый период.

В борьбе с революционным движением

Расстрел 9 января 1905 г. подорвал веру в царскую справедливость, а “гром январских выстрелов всколыхнул многомиллионные массы трудящихся, разбудил народный гнев и послужил началом народной революции” [1, с. 70]. События “кровавого воскресенья” получили отклик и во многих белорусских городах.

В борьбу с начавшейся революцией включился весь аппарат царской власти. В “Определении Святейшего Синода к православной пастве Российской империи по поводу революционных событий от 14 января 1905 г.” “кровавое воскресенье” было названо “новым испытанием Божьим”. Виновниками “беспорядков” Синод объявлял “злонамеренные элементы”, имевшие “в своей среде недостойного священнослужителя, дерзновенно поправшего святые обеты и ныне подлежащего суду церкви”. “Врагам нашим, – развивали свою версию синодальные архиереи, – нужно расшатать твердыни наши – веру православную и самодержавную власть царскую. Ими Россия жива, на них возросла и окрепла и без них погибнет”. Далее следовали призывы к духовенству и пастве, в которых Синод обращается с просьбой сохранить порядок и “всякой власти от Бога поставленной повиноваться и содействовать по мере возможностей общественному успокоению” [2]. В белорусских епархиях православная церковь по отношению к революции придерживалась проправительственного консервативного курса. Архиереи не только давали благословение правительственным распоряжениям и указам, но и предпринимали собственные практические меры по борьбе с революционным движением, с влиянием левых идей, стараясь не допустить увлечения ими верующих [3, с. 59]. Таким образом, православная церковь заявляла о том, что она на стороне правительства.

С самого начала революции 1905–1907 гг. выявилось, что церковная идеология устарела, а ее влияние на народ значительно ослабло. Уже тогда многие деятели церкви понимали, что усиление влияния церкви и ее “объединительных” возможностей не может произойти без внутренней перестройки самой церкви. Это поставило вопрос о церковных реформах. Движение, начавшееся среди духовенства, проходило под лозунгом восстановления “соборности”. Но тесная связь церкви с самодержавием лишь усиливала внутренний кризис церкви, выражавшийся в массовых отпадениях от православия и переходе в другие вероисповедания, что являлось причиной ослабления позиций церкви в борьбе с революционным движением. В отличие от внутренних губерний России, в Беларуси проживало большое количество католиков, протестантов и иудеев. В Полоцкой и Могилевской епархиях было много староверов. Получив разрешение переходить в другие конфессии после издания указа “О веротерпимости” (17 апреля 1905 г.), часть населения воспользовалась этим правом. Особенно массовым был переход в католицизм. В Виленской, Витебской, Гродненской, Могилевской и Минской губерниях только по официальным данным перешло из православия в католицизм на протяжении 1905–1906 гг. 46503 человека [4, с. 37].

Отход от церкви народных масс особенно ощутимо проявлялся в крупных городах. Гораздо медленнее этот процесс протекал в деревне. Это было связано с тем, что, даже находясь в условиях глубокого кризиса, церковь еще сохраняла большую притягательную силу. Играли свою роль темнота и забитость народных масс, особенно крестьянства, сказывалась историческая традиция: православие было “привычным”, т. к. оно являлось “религией отцов и дедов” [5, с. 40].

Осенью 1905 г. под натиском революции правительство было вынуждено сделать некоторые уступки: 17 октября был опубликован манифест, в кото-

ром содержались обещания созвать законодательную Думу и ввести режим гражданских свобод. Предстоящий созыв Думы служил тактическим средством в пропаганде против революции. Духовенство, в свою очередь, пыталось внушить крестьянству надежды на Думу и склонить его к пассивному ожиданию. Все это отвечало целям самодержавия на начальном этапе революции.

Закон о выборах в Государственную думу открывал перед духовенством широкие возможности для участия в законодательной деятельности и политической борьбе. Но, несмотря на эти уступки, в рядах духовенства, в том числе и высшего, нарастало недовольство политикой правительства, особенно из-за задержки созыва Поместного собора. Высшее духовенство понимало, что в условиях буржуазно-конституционной системы православие вряд ли сохранит значение господствующей религии, и тогда церковь лишится ряда нынешних ее привилегий. Поэтому основная часть духовенства белорусских епархий выступала за сохранение самодержавия в его почти неограниченном виде. В условиях начавшейся революции 1905–1907 гг. церковь еще более скрепляла этот союз, противопоставляя свое учение социал-демократическому.

Постепенно представители православного духовенства все более активно поддерживали проправительственные партии и участвовали в их деятельности. В белорусских епархиях именно чиновничество и клир составляли основу социальной базы монархического движения. Наиболее крупной и влиятельной монархической организацией на территории белорусских земель был “Союз Русского Народа” (СРН), деятельность которого велась под лозунгом “Православие. Самодержавие. Народность”. Важную роль в деятельности этой партии играло православное духовенство. Нередкими были случаи, когда священники являлись руководителями местных отделений этой партии, и было достаточно указания священника, чтобы вся деревня присоединилась к СРН [3, с. 59; 6, с. 15]. Духовенство белорусских епархий и само вступало в организации монархической направленности. Так, могилевское городское духовенство решило примкнуть к монархической партии и направило своего выборного в Москву для “ознакомления с силами, организацией и программой монархистов”. При Могилевском Богоявленском братстве был создан “Союз русских людей” [7, с. 17]. К монархическому лагерю также примкнули православные западно-русские братства. Например, на агитацию и распространение печатных листовок СРН в Могилевской губернии поступали средства от Могилевского Богоявленского братства. В январе – феврале 1906 г. Виленское Свято-Духовское братство значительно увеличило количество новых отделений партии в уездах. Открывая новые церковные школы, читальни, организовывая религиозные чтения, братства присоединялись к защите православия и “истинно русских” интересов в крае [3, с. 59, 60; 6, с. 16].

Духовные лица участвовали в СРН и родственных ему черносотенных организациях. В 1906 г. эти связи стали еще более тесными, хотя, нельзя не отметить тот факт, что у церковного руководства были и разногласия с этими партиями. Прежде всего, большинство иерархов не одобряло обвинений черносотенцев в адрес правительства, хотя и иерархи имели к нему свои счеты. Кроме того, черносотенные организации активно добивались усиления своего влияния в церкви и подчинения ее своему руководству. Светские и духовные черносотенцы подрывали церковную дисциплину, компрометировали ее в глазах верующих. Церковные верхи, в свою очередь, не желая подчиняться “союзникам”, сами

выдвигали им свои требования. И все же “с середины 1906 г. стало наблюдаться медленное и не всегда последовательное сближение официальных церковников с черносотенными организациями” [8, с. 422]. Сближение это происходило за счет общего “сдвига вправо” всей иерархии и основной массы рядового духовенства. Этот сдвиг был связан, прежде всего, с неудачами церкви в борьбе с революцией.

Участие белорусского православного духовенства в Предсоборном присутствии и двух избирательных кампаниях в I и II Государственную думу

В 1906 г. правительство пошло на удовлетворение некоторых требований высшей иерархии. В реформированный Государственный совет были введены представители православного духовенства, создано Предсоборное присутствие, с помощью которого правительство намеревалось укрепить самодержавие и усилить его идеологическое влияние на народ. Несмотря на различие позиций, всех членов Присутствия объединяло стремление вести борьбу с продолжавшейся революцией при помощи влияния православной церкви. Епископ могилевский Стефан перед началом молебствия по случаю открытия Присутствия 8 марта 1906 г. заявил, выражая общее мнение собравшихся: “Призовем благословение божие на наступающее наше мужество... на предстоящую святой церкви нашей борьбу с развязанными теперь силами ада” [5, с. 176].

30 мая 1906 г. первый отдел Присутствия приступил к обсуждению важнейшего пункта своей программы – вопроса об отношении церкви к государству. Этот вопрос рассматривался в двух аспектах: церковь и Дума, церковь и император. “Прежде церковь имела дела с православным царем, теперь подле православного царя встала неправославная Дума”, которая “вошла уже в явный конфликт с царем, ...несомненно, что она вступит в конфликт и с церковью”, – заявлял один из членов Присутствия [4, с. 181]. В связи с этим главный вопрос отдела присутствия был сведен к тому, чтобы оградить православную церковь от “неправославной” Думы. Предсоборное присутствие, всецело приняв сторону самодержавия, так и не смогло выработать новых форм борьбы с революцией и новых способов укрепления авторитета православной церкви.

По мнению представителей высших духовных властей, уважение к существующей государственной власти и государственному строю неразрывно связано со священным саном. Так, в феврале 1906 г. Синодом было разослано циркулярное письмо, в котором перед священниками ставилась задача сохранить и защитить царскую власть, т. е. “принять меры для выборов в Думу монархистов и черносотенцев” [3, с. 60; 6, с. 30]. Духовенство, в свою очередь, стремясь добиться успеха на выборах и намереваясь склонить основную массу избирателей на свою сторону, нередко пыталось разобщить избирателей по национально-религиозному признаку для того, чтобы сгладить деление по социальному и политическому признакам.

Роль белорусского православного духовенства в избирательной кампании в I Государственную думу была незначительной. Это было связано с неумением большинства священников вести политическую агитацию, отсутствием в епархиях координационного центра, который мог бы направлять политическую деятельность священников в единое русло. Борьба с революционным движением на политическом и партийном уровнях вызвала затруднения у большинства представителей духовенства, поскольку они столкнулись с новым для себя явлением политической агитации, которая требовала наличия определенных умений и

знаний недуховного парадка. Не было согласованности и среди самого духовенства [3, с. 62, 63]. 15 марта 1906 г. в “Минских епархиальных ведомостях” была напечатана статья протоирея Иосифа Железняковича, где констатировалось отсутствие у духовенства общей политической программы, содержащей ответы на злободневные вопросы, волнующие прихожан. Также там было отмечено разделение и пассивность священников. В связи с этим Железнякович предлагал им “присоединиться к союзным партиям истинно русских людей” [3, с. 60; 9, с. 94–99].

В 1906–1907 гг. духовенство вступило на путь расширения своей контрреволюционной пропаганды. Особенно отчетливо это проявилось в середине 1906 г., после роспуска I Думы и в связи с резким обострением обстановки в стране. Главным организатором направленной против революции пропагандистской кампании по-прежнему оставался Синод [8, с. 416].

На выборах во II Думу основная часть белорусского духовенства активно проводила агитацию в пользу правых партий, стараясь вместе с тем провести как можно больше своих кандидатов. В предвыборной борьбе во II Думу продолжали активно участвовать и православные братства. В частности, активную деятельность вело новое Софийское православное братство, руководитель которого епископ гродненский и брестский Михаил стремился к созданию православных братств “на демократических принципах” при всех церквях губернии. Соборы, на которых решались вопросы, как русским выборщикам проводить избирательную кампанию, прошли в Минске, Витебске и других городах [3, с. 61; 6, с. 47]. В результате организованного участия духовенства, в том числе консолидированного выступления старообрядческих обществ, во второй избирательной кампании (поддержка монархического лагеря, разоблачение с позиций христианского учения идей и методов политической борьбы революционеров, организация соборы избирателей и т. д.), октябристско-черносотенный блок одержал победу на выборах [3, с. 63; 10, с. 149].

Однако открывшаяся в феврале 1907 г. II Государственная дума оказалась еще более левой, чем первая, и не хотела идти ни на какие уступки правительству [3, с. 62]. Избранные в Думу крестьяне выступили с единым требованием ликвидации помещичьей, церковной и монастырской земли, а черносотенцы и помещики, в свою очередь, единодушно призывали правительство разогнать Думу. Православное духовенство также высказало свой протест и заявило, что “Дума вторгается в такую сокровенную область, как религия, и разоряет духовенство” [5, с. 169]. Епископ минский Михаил разослал телеграммы по своей епархии в связи с возможным роспуском Думы следующего содержания: “Объединяйтесь, русские люди, объединяйтесь, священники, готовьтесь дать отпор волкам в овечьей шкуре, которые называют себя прогрессивными людьми и стремятся прорваться к власти и хозяйничать в стране ради собственной выгоды” [3, с. 62; 6, с. 70]. 3-го июня 1907 г. Николай II досрочно распустил II Государственную думу.

Таким образом, две избирательные кампании показали дальнейшее падение авторитета православной церкви, постепенно утрачивающей свое влияние на самые широкие слои народа. В ходе революционной борьбы “был нанесен смертельный удар прежнему доверию народных масс к церкви” [11, с. 214–215]. Стало очевидно, что религиозность “простого народа” весьма шатка и что антирелигиозная пропаганда в их среде, как правило, соединялась с антиправительственной пропагандой [12, с. 136].

Контрреволюционная¹ позиция православного духовенства церкви объясняется неприятием лозунгов и программных целей революционеров, которые собирались решить аграрный вопрос за счет земельных владений монастырей и защищали враждебные церкви позиции [13, с. 62].

Т.П. Короткая пишет о том, как осмысливал и оценивал значение Первой российской революции преподаватель Минской духовной семинарии, сотрудник, а затем редактор “Минских епархиальных ведомостей” Д.В. Скрынченко: “Стремление народных масс к новой жизни через революционную борьбу против устоев старого общества он рассматривал как сплошь разрушительную силу, лишённую положительного, созидательного и жизнеутверждающего смысла”. Она пишет, что, по мнению Д.В. Скрынченко, революционные события, рост идей свободомыслия и атеизма – свидетельство упадка нравов, которые приводят к извращению нравственных норм и принципов, к обесцениванию жизненных помыслов и устремлений людей [14, с. 59].

¹ М.А. Бабкин в одной из своих статей пишет о том, что в советской историографии господствовала точка зрения об однозначно контрреволюционной направленности политики, проводимой представителями высшей иерархии РПЦ и, в частности, членами Св. Синода в 1905–1907 гг. В современной светской литературе, по его мнению, наряду с прежним тезисом утвердилось положение о “взвешенной” политике Св. Синода в период Первой российской революции. Содержание “Записки, составленной по постановлению объединенного собрания Советов и Комитетов Киевских Монархических партий и союзов” под названием “Об отношении Святейшего Правительствующего Синода к современной смуте”, приведенной в статье автором в полном объеме, ставит под вопрос оба упомянутых тезиса. Из текста данной “Записки” приведем некоторые выдержки в подтверждение наличия двух тезисов, о которых пишет М.А. Бабкин: “...Святейший Синод, 22 октября 1905 г. спешно, без обсуждения дела в общем собрании... постановил определение. Святейший Синод усмотрел в поучении “призыв населения к самозащите в области политических убеждений”, что и послужило причиной междоусобного раздора среди населения. По этому поводу духовенство приглашается поучать население “действовать в духе христианского всенародного братолюбия”. В приведенном определении нет ни единого слова разъяснения священникам того, что происходит... о врагах – революционерах отселе пастырям запрещается говорить. Их деяния, как бы злы и жестоки они ни были, отныне не подлежат обсуждению. Святейший Синод словно берет революционеров под свою защиту... Созерцая великую трагедию религиозно-национальной борьбы, начатой революционерами-космополитами, Святейший Синод, как бы считая поход революционеров вполне естественным, заботиться лишь о том, чтобы внушением “всенародного братолюбия” и любви “к людям чуждым святой веры нашей”, устранить взаимные столкновения среди населения, как бы забывая о том, что революционеры, деятельность которых осталась без оценки со стороны Синода, тем самым получили поддержку со стороны этого высокого Церковного учреждения для распространения и осуществления на деле их разрушительных лжеучений. Принятая Святейшим Синодом с самого начала смуты точка зрения – молчать о революционерах и порицать, и бороться лишь с противниками их – повлияла на многотысячное духовенство, которое молчало о революционерах: огромное большинство потому, что само не понимало, что происходит...; более же чуткое меньшинство, за редкими исключениями, уstraшенное указами Святейшего Синода, боялось разъяснять народу значения революции и ее вдохновителей и борцов. Но рядом с этим существовало еще и такое революционное меньшинство духовенства, которое нагло призывало народ вступить в ряды революционеров... И народ и духовенство были опутаны ложью, при гробовом молчании Святейшего Синода... В значительной степени изменилось отношение Святейшего Синода к смуте с 31 августа 1906 г. Письмо первоприсутствующего члена Святейшего Синода, Высокопреосвященного Антония, митрополита С[анкт]-Петербургского, к епархиальным преосвященным, писанное им от имени Святейшего Синода, исполнено глубокого самобичевания. Высокопреосвященный автор говорит: “Пройдет временное ослепление, успокоится взволнованное народное море, и русский народ спросит нас: где были в годину смуты вы, по слову которых в древние времена Русь останавливала полчища нечестивых?”. В этом акте Святейший Синод впервые после целого года ужасной смуты, в виду предстоящих выборов во вторую Государственную думу, призывал духовенство к борьбе (нравственной) с врагами Церкви и Государства... С 31 августа 1906 г. Святейший Синод сам призывает к борьбе с врагами Церкви и Государства...” [12, с. 57, 58, 59, 62].

Заклучение

Таким образом, основная часть белорусских православных священнослужителей, ранее прочно связав себя с существующей государственной системой, в своих взглядах и суждениях полностью оставалась на стороне самодержавия, несмотря на некоторое недовольство, связанное с задержкой решения правительством созыва Поместного собора. На территории белорусских губерний церковь использовала различные методы для отвлечения народных масс от революции. Однако по причине устаревшей церковной идеологии, обострившегося внутрицерковного кризиса и распространения социал-демократического учения, влияние православной церкви на народные массы постепенно ослабевало, что выразилось в массовых отпадениях от православия в годы революции 1905–1907 гг. Избирательные кампании в Думу не прибавили церкви авторитетности, а созданное в 1906 г. Предсоборное присутствие, приняв сторону самодержавия, не смогло выработать новых форм борьбы с революцией и новых способов влияния церкви на народ. Поэтому, несмотря на то, что царизм и православное духовенство выступали неизменными союзниками в борьбе с революционным движением, в период 1905–1907 гг. в их отношениях обозначился кризис, явившийся отражением общего кризиса самодержавной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Грекулов, Е.Ф.** Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е.Ф. Грекулов. – М. : Наука, 1969. – 184 с.
2. Определение Святейшего Синода к православной пастве Империи по поводу революционных событий от 14 января 1905 г. // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – № 1. – С. 1–4.
3. **Биндарев, А.** Православное духовенство в общественно-политической жизни Беларуси в годы Первой российской революции / А. Биндарев // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя “У дапамогу педагогу”. – 2008. – № 1. – С. 58–63.
4. **Восович, С.М.** Изменение территориально-административной структуры Русской православной церкви в Беларуси в 1861–1914 гг. / С.М. Восович // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – 2008. – № 2. – С. 36–39.
5. **Зырянов, П.Н.** Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П.Н. Зырянов ; отв. ред. А.И. Клибанов. – М. : Наука, 1984. – 224 с.
6. **Забаўскі, М.М.** Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ, 1999. – 212 с.
7. **Опиок, Т.В.** “Могилевские епархиальные ведомости” о событиях 1905 года в России / Т.В. Опиок // Веснік МДУ імя А.А. Кулешова. – 2005. – № 2-3. – С. 13–18.
8. Русское православие: вехи истории / научн. ред. А.И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
9. **Епископ Сергей.** К вопросу о веротерпимости / епископ Сергей // Гродненские епархиальные ведомости. – 1905. – № 5. – С. 94–99.
10. **Лавринович, Д.С.** Участие старообрядцев в монархическом движении на территории Беларуси (1905–1907 годы) / Д.С. Лавринович // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Международной научно-практической конференции “Старообрядчество как историко-культурный феномен” (Гомель, 27–28 февраля 2003 г.). – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 148–150.
11. **Корзун, М.С.** Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917 г. / М.С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1984. – 255 с.
12. **Фирсов, С.Л.** Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II: документы, воспоминания, свидетельства / Сергей Фирсов. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2007. – 462 с.

13. **Бабкин, М.А.** Монархисты Киева о политической позиции Святейшего Синода Русской православной церкви. 1905–1907 гг. / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 53–64.
14. **Короткая, Т.П.** Религиозная философия в Белоруссии начала XX века : критич. анализ / под ред. Е.С. Прокошиной. – Минск : Наука и техника, 1983. – 108 с.

Поступила в редакцию 13.11.2013 г.

УДК 14+37.1

М.И. ВИШНЕВСКИЙ

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПОИСК СМЫСЛОВ БЫТИЯ

В статье анализируются ключевые аспекты формирования интереса учащихся и студентов к выносимым на рассмотрение философско-мировоззренческим знаниям. Предлагается учитывать многообразие соответствующих мотивационных оснований, адаптировать форму излагаемого к современным социально-культурным обстоятельствам.

Философское образование, понимаемое широко и не сводимое к подготовке соответствующих специалистов, правомерно считают непосредственно связанным с формированием мировоззрения получающей его личности. Когда мы говорим о философском образовании в таком широком его значении, речь идет об освоении одной из общеобразовательных дисциплин, которая вобрала в себя достижения многовековых исследований, относящихся к теоретической, понятийно-логической форме мировоззрения. Мировоззрение мы будем понимать как совокупность основополагающих убеждений относительно окружающей действительности и места человека в ней, направляющих наши мысли и действия. Наличие у человека таких убеждений и их практическая действенность свидетельствуют о том, что его бытие является осмысленным, имеющим достаточно отчетливые ориентиры.

Процесс формирования мировоззрения охватывает всю нашу сознательную жизнь. Он протекает во многом спонтанно и едва ли может быть исчерпывающим образом рационализирован, методически спланирован и строго последовательно осуществлен. Один из важных внутренних побудителей и регуляторов данного процесса – это интерес человека к предлагаемым ему обстоятельствами или какими-то людьми материалам, предназначенным для усвоения в целях мировоззренческого развития. Поставщиками таких материалов могут быть, в частности, преподаватели, авторы учебников, других информационных образовательных ресурсов. Если подобный интерес не возникает, то есть предлагаемые человеку материалы безразличны ему или даже вызывают у него отторжение, то мировоззренческая эффективность базирующейся на их использовании образовательной деятельности оказывается, мягко говоря, низкой.

Философское образование ближайшим образом выступает как приобщение к теоретико-мировоззренческим учениям и идеям, составляющим в совокупности то, что принято называть философскими знаниями. Каждое философское учение выражает в теоретической форме особенности мировоззренческой пози-

ции его создателя. С какой степенью полноты и адекватности оно его выражает – это отдельный вопрос, и его мы здесь в основном не будем обсуждать. Отметим лишь, что, будучи сформулированным и зафиксированным в культуре, философское учение (прошу извинить трудно устранимую тавтологию) непосредственно предназначено для изучения, усвоения кем-либо. Предполагается, что новое учение создается для того, чтобы прояснить некие мировоззренческие сущности, на которые прежде не обращали должного внимания или даже допускали их превратное толкование.

Такое назначение, но только, может быть, более узкое, имеют все те отдельные работы (доклады, статьи, книги), в которых автор учения развивает, дополняет или корректирует его положения. Эти отдельные работы можно рассматривать как части или фрагменты некоей концептуальной целостности, которая не обязательно имеет с самого начала творческой деятельности мыслителя исчерпывающую определенность. Как правило, данная целостность лишь постепенно и отнюдь не беспроблемно вырисовывается из всей совокупности подобных частей. Случается, что целостности и завершенности вырабатываемому учению, по мнению взыскательных критиков, недостает даже до самого конца творческого пути его создателя, но это вовсе не перечеркивает значимость всех опубликованных им или каким-то иным путем ставших известными фрагментов.

Каждый читатель философских произведений может на свой лад истолковывать суждения, предложенные ему для ознакомления и вынесенные, так сказать, на его суд. Выводы, которые он извлекает из этих произведений, вытекают во многом из особенностей его жизненной позиции, собственного опыта и, вместе с тем, дают новое освещение и развитие его ценностной ориентации. Философское образование личности в идеале непосредственно направлено на более отчетливое, продуманное и глубокое ее мировоззренческое самоопределение, на уяснение ею собственных бытийных смыслов и базовых жизненных ценностей. Оговорка “в идеале”, конечно, не случайна. Общие утверждения, подобные тому, которое здесь сформулировано, требуют надлежащих уточнений и анализа реальной ситуации, без которых они являют собой всего лишь абстрактные фразы.

Реальность же такова, что в современной социально-культурной среде классическая философия с ее строгими универсалистскими концептуальными построениями, внешне весьма далекими от повседневного жизненного опыта и круга житейских забот подавляющего большинства людей, представляется этим людям чем-то очень странным, неинтересным и даже архаичным. Все мы учились в школе, многие из нас получили специальное образование, в том числе и высшее, поэтому определенное, пусть даже весьма беглое, знакомство с философией у нас обычно есть. К сожалению, данное знакомство не вызвало у многих из тех, кто изучал философию, глубокого, искреннего интереса к ней, а также убеждения в ее жизненной значимости и стремления продолжить философское образование.

Было время, когда лекции, а также книги Канта или Гегеля, при всей их изощренной сложности, становились весьма важными событиями в культурной жизни не только соответствующего университетского города, но и всей Германии, даже всей Европы. Сегодня такое трудно себе представить. Дело даже не в том, что за последние столетия чрезвычайно вырос общественный фонд самой разнообразной информации, доступной широкому кругу потребителей, и в нем имеется немало различных по степени сложности философских понятийно-логических конструкций. Проблема состоит в том, что именно сложность и абст-

рактность таких конструкций, непривычность их понятийного аппарата и общего хода мыслей профессиональных философов разочаровывает и отпугивает подавляющее большинство современных читателей.

Эти читатели привыкли к тому, что в интернете имеется вся необходимая для самых разных случаев жизни информация, притом компактная, удобная для использования и не требующая особых интеллектуальных усилий для ее освоения. Мысли и образы расфасованы на мелкие порции, наподобие жареных орешков. Длинные рассуждения кажутся в данных условиях неуместными, утомительными и даже в чем-то подозрительными. В памятном всем нам прошлом пространные научнообразные рассуждения об основах бытия человека и общества, претендовавшие на неоспоримую истинность, нередко вели к далекому не безобидным практическим выводам и последствиям. Кредит доверия к великим философским учениям и идеологическим системам прошлого во многом утрачен. Предельно широко и шокирующе резко об этом заявлено в “Поздних мыслях” Карла Густава Юнга: “Всякая форма хронического отравления есть зло – безразлично, идет ли речь об алкоголе, морфии или идеале” [1, с. 273].

Современное информационное пространство наполнено стремительно сменяющимися друг друга сенсациями, оформленными в виде клипов. Нынешний потребитель информации готов допустить, что коротенькие мысли и быстро сменяющиеся друг друга яркие картинки содержат немало лжи, но он знает также, что одна такая мелкая ложь вскоре перечеркивается другой. В общем их потоке, где все мелькает, как в калейдоскопе, этот потребитель ищет скорее оригинальность и занятость, нежели глубину и правдивость. Подобная информационная вермишель или, может быть, “лапша на уши”, вне всяких сомнений, имеет значительное влияние на мировоззрение людей, которое во многом само становится клиповым и перегруженным штампами. Но наш разговор – о философии, ее месте в жизни современников и в культуре в целом.

Культуротворческая миссия философии во многом связана с тем, что, переводя в отчетливые мысли свое понимание окружающего мира, а также своеобразие и места человека в мире, философ оформляет в понятиях и делает ясно выраженным смысложизненное содержание, которое отчасти уже носилось в воздухе, заботило и тревожило многих людей. Знакомясь с его концептуальными построениями, люди могут по-новому взглянуть на окружающий мир и самих себя, лучше понять свою жизнь, ее проблемы. При этом люди неодинаковы и по социокультурной принадлежности, и по психологическим типам, что сказывается на их мировосприятии и миропонимании. Философские учения тоже весьма несходны по основополагающим посылкам, общей направленности, составу разрабатываемых проблем. Иными словами, в философии тоже можно усмотреть своего рода калейдоскопичность или, точнее, мозаичность, вызванную тем, что единого обязательного для всех философского мировоззрения нет и, судя по всему, не может быть.

Но было бы совершенно ошибочным ставить элементы этой мозаики в один ряд с теми клипами и клише, которыми переполнены современные средства массовой информации. За внешней несовместимостью разнообразных философских позиций опытный взгляд специалиста без труда устанавливает их глубинную общность, состоящую в том, что они как бы дополняют друг друга до исковой, хотя и трудно осуществимой целостности. обстоятельное изучение философии как определенного единства в многообразии способно расширить наш кругозор, помочь нам более эффективно осваиваться в меняющихся жизненных обстоятельствах, осмысливать пути дальнейшего развития.

Все эти глубинные бытийные смыслы надо еще суметь разглядеть, постичь в весьма непростых для понимания философских текстах, написанных, как правило, сложным языком и зачастую весьма абстрактных, как бы далеких от повседневных жизненных забот. Это и побуждает некоторых людей утверждать, что философия элитарна, то есть предназначена для избранных и не должна быть обязательным учебным предметом. Тем самым предполагается, что для большинства людей философия просто не нужна или бесполезна; своими делами эти люди могут успешно заниматься и без нее.

Нужно, однако, уточнить, о какой пользе идет речь. Осваивать и, соответственно, знать что-либо можно как “для дела”, так и “для души”. Разница между тем и другим вполне понятна для взрослого человека, который не отождествляет себя со всяким делом, которым ему приходится заниматься. Некоторые дела могут быть близкими нам по духу, выражающими нашу собственную сущность; другие, наоборот, безразличны или даже чужды и неприятны нам, но мы все же вынуждены по той или иной причине их делать, а для этого приходится приобретать определенные знания и умения. Может быть, здесь имеет место не одно лишь внешнее принуждение, а и собственное заключение о полезности, но только такой, которая не входит в наше “Я”.

Заниматься чем-либо “для души” означает действовать бескорыстно в смысле внешней полезности или выгоды; занятие здесь важно или интересно само по себе. При этом оказывается, что самооценность занятия побуждает нас стремиться к достижению возможно большей полноты и совершенства знания и соответствующего умения (хотя бы просто потому, что нам это интересно), тогда как внешняя полезность может и не требовать подобной обстоятельности и серьезности. Нужное для дела можно узнать из справочников, и его часто не обязательно запоминать, если источники информации доступны и удобны в употреблении. Нужное “для души” запоминается и припоминается с удовольствием. Виктор Франкл отмечал в связи с этим, что потребность толкает нас, вынуждает к определенным действиям, тогда как ценности, высшие смыслы, наоборот, притягивают, влекут к себе без всякого принуждения [2, с. 63, 82].

Если речь идет об изучении философии, то доминирование в его обосновании соображений внешней полезности действительно делает надобность философских знаний для широкого круга людей во многом проблематичной. Но если удастся достичь принятия человеком философии как своего личного дела, понимания ее незаменимости с точки зрения саморазвития, тогда отношение к ней радикально преобразуется, и она становится нужной и интересной, как нужны стихи человеку, любящему поэзию, или как запоминается и легко вспоминается понравившаяся нам мелодия. Может быть, в отношении философии ключевыми являются не одни лишь эстетические мотивы, а скорее ощущения интеллектуальной силы и потенциальной плодотворности. В любом случае здесь можно говорить о признании ее самоценной и в этом смысле допускающей также и разнообразную полезность, которую, однако, трудно наперед рассчитать и скалькулировать.

Бертран Рассел отмечал, что философия, как он ее понимает, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в рассуждениях по поводу предметов, относительно которых у нас нет точного знания, но, подобно науке, она взывает к разуму, а не авторитету и вере [3, с. 19–21]. Между точно установленными фактами и догматической верой располагается та область, в которой осуществляется философский поиск истины бытия.

Философия способна идти впереди науки, как бы освещая ей путь. Есть немало примеров того, как гениальные прозрения философов по существу направляли развитие научного исследования. Но дело не только в полезности философии для науки. Задачи философии более широки. Они связаны также и с тем, что философия, будучи понятийно-логической формой мировоззрения, помогает устанавливать тесные связи между всеми областями культуры. Широка и разноплановость философских понятий позволяет использовать их и в научном исследовании, и в осмыслении религиозного опыта, и в постижении таинственной силы искусства, и в разработке программ экономических и социально-политических преобразований.

Многоликость философии и удивительный демократизм ее внутренней жизни, позволяющий мирно ужиться старому и новому, беречь традиции и одновременно стремиться к их преобразованиям, может служить примером того, как на деле соединять информационный хаос и порядок в мыслях. В бурных потоках разнообразной информации наши мысли часто дробятся и мельчают, становятся коротенькими и бессвязными. Приобщение к философии помогает приобрести опыт конструктивного соединения противоположностей, выстраивания из разнообразных фрагментов приемлемого для практики образа развивающейся мировой целостности, в которой мы, люди, являемся соучастниками творческого процесса.

Философию, как и некоторые другие явления духовной жизни общества, отличает далеко простирающийся консерватизм. Мы ведь не сводим, например, художественную литературу только к совокупности произведений, созданных в последние годы или даже десятилетия; счет в ней идет на века и тысячелетия. То же самое и в философии, в которой преходящая интеллектуальная мода или своеобразные творческие паузы вовсе не ставят под сомнение авторитет философской классики. Новое в философии оказывается, как правило, современным переосмыслением давно уже существовавших или разрабатывавшихся воззрений, относящихся к фундаментальным и поистине вечным мировоззренческим проблемам.

Здесь вновь уместно констатировать ключевое значение заинтересованности, увлеченности человека предлагаемыми ему для изучения материалами, в данном случае материалами, входящими в общий фонд философских знаний, признанных в их культурной значимости. Думается, нет ничего предосудительного в отнесении институционализированной образовательной деятельности к сфере услуг. И если получение общего философского образования тоже является предоставлением специфической услуги, то ее получатель, бесспорно, имеет право решающего голоса при оценке качества данной услуги и вообще при определении ее значимых параметров, характеристик.

Очевидно, что мировоззренческие вопросы возникают перед отдельным человеком, группой людей или обществом в целом в процессе их реальной жизни, и квалифицированное и ответственное их обсуждение имеет весьма важное значение с точки зрения плодотворной бытийной ориентации. Такие вопросы не нужно искусственно провозглашать или «заострять»; носители мировоззрения сами способны прийти к ним или признать их значимость. Данные вопросы имеют непосредственное отношение к тому, как люди определяют глубинные смыслы своего бытия и как они ранжируют эти смыслы. Совокупность всех таких жизненных смыслов, которыми руководствуется человек, составляет сущность его личности, его действительное мировоззрение. Весьма показателен тот

факт, что маленькие дети практически сразу, как только они начинают уверенно говорить и рассуждать, незамедлительно приступают к постановке серьезнейших мировоззренческих вопросов. Оно и понятно: их жизненный опыт пока еще невелик, и пополнение его необходимо совмещать с его постоянным упорядочением. Постигая мир, ребенок стремится выстроить доступную его пониманию общую картину этого мира и вписать самого себя в данную картину.

Все последующие этапы развития человека как личности включают соответствующие мировоззренческие размышления. Нет надобности доказывать, насколько подобные темы важны для учащейся молодежи. А если это действительно так, то и освоение философских знаний необходимо осуществлять в неразрывном единстве с естественным для нее мировоззренческим вопрошанием, осуществляемым в том числе (и прежде всего) на языке повседневности. Но как же тогда быть с великими философскими учениями, со сложным категориальным аппаратом философии? Как сделать их интересными для современного студента или даже школьника? От чего здесь нужно отталкиваться и на что опираться? Простые и однозначные ответы на подобные вопросы, имеющие отнюдь не только методический характер, едва ли окажутся плодотворными.

Прежде всего необходимо учесть, что на школьников и студентов тоже распространяется известная классификация психологических типов, разработанная Юнгом. Она вовсе не сводится к различению экстравертов и интровертов, а учитывает также наличие в человеческой психике целого ряда основных функций, среди которых Юнг особо выделяет мышление, чувство, ощущение и интуицию [4, с. 33]. Преобладание одной из этих функций дает разные результаты для экстравертов и интровертов, существенно сказываясь на познавательных и иных интересах личности. Одни люди тяготеют к общим идеям, стремятся найти формулировки универсальных законов, подчиняющих себе множество частных; другие, наоборот, увлечены конкретными свойствами вещей и не доверяют поспешным обобщениям и абстрактным рассуждениям. Мыслительный тип личности противоположен чувственно-эмоциональному, ощущающий – интуитивному. Наше время как бы навязывает преимущественный интерес к внешним, вещным, материальным сторонам бытия, но это давление по-разному сказывается на людях в зависимости от их основных психологических характеристик. В каждом школьном классе, в каждой студенческой группе мы встречаемся с представителями разных психологических типов. Интересное для одних будет неинтересным, непривлекательным или неубедительным для других.

Вместе с тем молодежь как социальный слой имеет и некоторые общие проблемы, для обсуждения которых в данной среде вырабатываются соответствующие языковые средства. Барьеры на пути освоения материалов философии связаны у молодых людей отчасти именно с разрывом между языком их общения и мировосприятия, с одной стороны, и языком философских текстов – с другой. Способы преодоления или хотя бы ослабления данных барьеров могут быть разными. Во-первых, можно опереться на то, что уже в какой-то степени усвоено учащимися, понято ими. Прежде всего, это материалы всеобщей истории, включающей и историю культуры. Скажем, школьники изучали историю Древней Греции и в основном уяснили те ее духовные достижения, которые оказали самое большое влияние на последующее развитие культуры человечества и наиболее значимы для современности. Соответственно этому, при построении курса философии можно особо выделить именно те учения древнегре-

ческих философов, которые подкрепляются в данном отношении межпредметными связями.

Во-вторых, очень важно избежать обезличенности философских концепций и идей. Она возникает как в результате опарашивания учащих целыми списками незнакомых им имен мыслителей, о творчестве которых в силу нехватки времени не сообщается ничего вразумительного, так и вследствие выдергивания из работ этих мыслителей отдельных положений и цитат и жонглирования ими вне связи с целостным замыслом их учений. Как бы мало времени ни отводилось на изучение курса философии, содержание его необходимо все же представить именно в виде последовательности учений, а не как набор случайных фрагментов. Если убрать из учебного курса философии рассуждения и обоснования выводов, имеющих мировоззренческий характер, то мы получим нечто среднее между цитатником и сборником анекдотов, а это уже не философия.

В-третьих, основное содержание философских учений, отобранных для рассмотрения, нужно излагать в форме, максимально доступной современной учащейся молодежи. Понятийный аппарат, оформляющий эти учения, тоже нужно адаптировать к современным социокультурным обстоятельствам. Если этого не удастся достичь, значит, изучение соответствующих вопросов лучше отложить до лучших времен, когда будут найдены адекватные способы изложения. Цена ошибки здесь – это отторжение учащихся и либо бесполезная трата времени, либо результат, противоположный добрым намерениям неумелых преподавателей, а речь ведь идет о мировоззренческом развитии молодого поколения, которому принадлежит будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Юнг, К.Г.** Феномен духа в искусстве и науке / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 320 с.
2. **Франкл, В.** Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
3. **Рассел, Б.** История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. – Новосибирск : Сиб. Унив. изд-во ; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
4. **Юнг, К.-Г.** Психологические типы / К.-Г. Юнг. – М. : Университетская книга, АСТ, 1996. – 716 с.

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

УДК 1 (476) (091)

В.В. СТАРОСТЕНКО

ИСТОКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В БЕЛАРУСИ

В статье анализируется генезис идеи религиозной толерантности в Беларуси. Показаны коллизии законодательного закрепления веротерпимости в истории ВКЛ XIV–XVI вв. Концепция веротерпимости и свободы религиозного самоопределения рассматривается как необходимое условие сохранения гражданского мира и согласия в поликонфессиональном обществе.

Введение

Религиозная терпимость (толерантность), или терпимое отношение к иному самоопределению человека в отношении религии – одно из важнейших цивилизационных достижений и характеристик общества, свидетельств уровня развития его духовности, самосознания. Наибольшую актуальность толерантность имеет для конфессионально многоплановых, или поликонфессиональных социумов. Мирное сосуществование в современной Беларуси различных конфессий – продолжение “исторической традиции толерантности, характерной для белорусских земель еще со средневековых времен” [1, с. 7]. Развитие белорусского этноса протекало в условиях интенсивного взаимодействия представителей разных религиозных традиций, и в целом феномен религиозной терпимости может рассматриваться как “динамическое образование, несущее внутри себя как ситуацию конфликта, так и методы его преодоления”, причем “тенденции к обострению межконфессиональной и межрелигиозной напряженности постоянно гармонизировались через непрерывное накопление положительного опыта поддержания веротерпимости как на уровне “высокой”, так и народной культуры” [2, с. 288].

Основная часть

Толерантность формируется столетиями жизни белорусского народа в составе многоэтнических и поликонфессиональных государственных образований, на ее возникновение и становление оказали особенности этногенеза, исторической, социально-политической и религиозной жизни. Проявления толерантности обнаруживаются в общественной жизни и сознании с эпохи Киевской Руси. В период язычества веротерпимость являлась естественным следствием политизма, фактически исключавшего из сферы общественной жизни практику религиозного эксклюзивизма. Имела свою специфику христианизация белорусов. В то время, как население Киева в конце X в. было принуждено к крещению князем Владимиром (“Аще не обрящеться кто заутра на реце, богатъ ли, убогъ, или нищъ, ли работникъ, противень мне да будетъ” [3, с. 80]), а о крещении новгородцев сохранилась пословица, что “Путьята крестил их мечом, а Добрыня огнём», приобщение населения белорусских земель к новой религии шло в основном мирным, эволюционным путем. Во всяком случае, источники умалчивают о фактах насильственного введения христианства на землях Западной Руси. Возможно, на это повлияла особенность Приднепровского региона, являвшегося зоной активного культурного обмена и взаимовлияния на пути “из варяг в греки”. На территории Беларуси в течение многих столетий сравнительно мирно уживалось язычество и христианство. Воплощением языческо-христианского синтеза являлся созданный в “Слове о полку Игореве” образ Всеслава Полоцкого-Чародяя: “Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше” [4, с. 45].

Принцип религиозно-этнической толерантности сыграл исключительно важную роль в процессе политического и культурного славяно-балтского синтеза, создания Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (ВКЛ). Геополитический фактор обусловил интенсивное взаимодействие в условиях ВКЛ этносов разных религиозных и духовно-культурных ориентаций, сосуществование которых возможно было только на основе терпимости.

При включении восточнославянских земель в состав ВКЛ в сфере религиозной политики чаще всего использовался принцип “старины не нарушать”. Подтвер-

ждались традиционные права православной церкви, основанные на княжеских уставах Древней Руси. Церковь (как православная, так и католическая) надзидала над нравственностью, соблюдением паствой норм религиозно-церковной жизни, и получала в этом правовую поддержку со стороны верховной государственной власти. При развитии правовой системы ВКЛ в различных актах всех ее основных уровней получали отражение вопросы государственно-конфессиональных отношений. Тема вероисповедных прав так или иначе затрагивалась в привилегиях (жалованных грамотах) великих князей литовских. Издавались привилегии общеземские (преимущественно для шляхты, действовали на территории всего княжества), региональные (для населения определенной земли), местные (чаще всего в ответ на ходатайства и жалобы духовных лиц в связи с нарушениями древних обычаев или обязательств со стороны местных властей), городам на магдебургское право (для жителей городов с правом самоуправления), нехристианским этно-конфессиональным сообществам (для евреев-иудеев и татар-мусульман). С XVI в. действовали Статуты ВКЛ. Великие князья литовские обладали правами высшего патроната над церковной жизнью, и особое место занимали привилегии религиозным объединениям, представителям церковной иерархии, конкретным церквям, монастырям, братствам. На процессы межконфессионального взаимодействия и религиозную терпимость на местах значительное влияние оказывала конфессиональная позиция крупных земельных собственников, которые имели право патроната над монастырями и церквями на своих землях.

Уже в дореволюционной российской историографии отмечалось, что в начальный период истории княжества, несмотря на конфессиональные различия, отсутствовала нетерпимость. Данное суждение не лишено идеализации общественной жизни того времени, однако распространенным явлением были межэтнические и межрелигиозные браки, принятие литовскими князьями и магнатами православия, патронат литовских феодалов над «русскими» церквями и монастырями. Веротерпимость и даже религиозная индифферентность, чаще в угоду политической конъюнктуре, были свойственны первым литовским великим князьям. Миндовг, принявший православие, через пять лет переходит в католицизм, но продолжает приносить жертвы старым языческим богам. В то же время он не препятствовал даже родственникам исповедовать православие [5, с. 1]. Сын Миндовга Войшелк не только принял «русскую веру», но и монашество [6, с. 93]. Веротерпимость Гедимина выражена в следующих его словах: «Пускай христиане почитают бога своего по-своему, русские по-своему, поляки по-своему, а мы почитаем бога по нашему обычаю» [7, с. 28]. Оставаясь язычником, он позволял принимать христианство детям и родне. Христианками были две его последние жены, из семи сыновей четверо крещены в православие. Четыре дочери приняли православную веру, одна – католическую [8, с. 20]. Преемник Гедимина Ольгерд, как полагают, принял православие, был два раза женат на «русских» княжнах – витебской Марии и тверской Ульяне, и «мел сынов шести, в рускую веру покрещеных» [9, с. 63]. Витовт Великий в одной из инструкций писал: «А который русин будет, а захочет по своей воле креститься, тот пускай крестится; а который не захочет, он будет в своей вере» [10, с. 26]. Строились как католические костелы, так и православные храмы.

Религиозная терпимость в ВКЛ утверждалась постепенно и неоднократно подвергалась историческим испытаниям. Так, по решению Кривской унии 1385 г. господствующей религией был провозглашен католицизм. В 1387 г. была креще-

на в католицизм Литва (Аукштайтія), а во втором десятилетии XV в. – Жемайтія. Ягайло, король Польский и великий князь литовский, издал ряд постановлений, дискриминирующих православных верующих, составляющих подавляющее большинство населения княжества. Запрещались смешанные браки, строительство новых православных церквей и др. В привилее от 20 февраля 1387 г. подчеркивалось, что лишь католицизм является “правой” верой, и поэтому только феодалы католического вероисповедания получают неограниченные права по распоряжению и владению своей собственностью [11, с. 101–102]. Грамота Ягайлы от 22 февраля 1387 г. гласила, что народы “Литвы и Руси, будучи приведены к католической вере... в какой бы вере они не состояли” [12, с. 17]. Противопоставление феодалов католиков православным было закреплено положениями договора между ВКЛ и Польшей 1401 г. Постановлением Городельского сейма 1413 г. право занимать должности в центральном и провинциальном управлении, участвовать в избрании великого князя получили только католики, “римской церкви подвластные, не схизматики (здесь – православные. – В.С.) или другие неверующие”. Мотивировалось это тем, что “различие в верах приводит к различию в умах”. Согласно девятой статье этого постановления, только католики допускались в господарскую раду [13, с. 26–28].

Результатом подобного рода дискриминационной политики стало нарушение гражданского мира и единства страны. В ходе гражданской войны 30-х гг. XV в. страна раскололась на княжества “Литовское” и “Русское” [14, с. 34, 57, 76]. Конфликт был улажен лишь возвратом к политике политического компромисса и веротерпимости, распространением на православных феодалов большей части прав, дарованных католикам (привилеи 1432 и 1434 гг.). Привилеем Владислава III 1443 г. провозглашалось равенство прав православного и католического духовенства [15, с. 56]. Привилей 1447 (?1457) г. Казимира Ягеллончика устанавливал права шляхты независимо от вероисповедания [11, с. 124–127]. Эти нормы провозглашались и последующим законодательством, грамотами 1492, 1506, 1529, 1547 и 1551 гг. Последняя ограничительная статья (п. 9) постановления 1413 г., не всегда соблюдавшаяся и ранее, была отменена грамотой 1563 г. Сигизмунда II Августа. Она распространяла привилегии “подданных костела Римского” на “все иные стану рыцарского и шляхетского, яко Литовского так и Руского народу, одно бы были веры хрестиянской” (т. е. на православных и протестантов) [16, с. 120], что было подтверждено затем на Гродненском сейме 1568 г. Религиозная толерантность в качестве стабильной правовой нормы фиксируется в высших законодательных актах ВКЛ. Статут 1529 г. подтвердил все права и церковные привилеи “так латинского закону, яко и греческого” [17, с. 31]. Равноправие подчеркивалось и во втором Статуте (1566), подготовленном специальной комиссией из пяти особ “веры греческой” и пяти – “римской”.

Религиозная толерантность в стране обеспечивалась также жалованными грамотами конкретным землям, церквям, монастырям, братствам. В начале XVI в., несмотря на запрет строительства православных храмов по указу 1480 г. Казимира IV, права “Руской веры” (“Греческого закону”) в Витебске, Полоцке, Смоленске подтверждались привилеями 1503, 1505 и 1511 гг. [18, с. 253, 255, 276]. Данная в 1503 г. Витебской земле грамота Александра предписывала: “Который будут, литвин або лях, крещены были у Витебску в русскую веру, а хто из того роду и тепере живет, того нам не рушити, права их хрестьянского ни в чом не ломити” [19, с. 96]. Стремление к установлению конфессионального баланса прослеживается в великокняжеских привилеях на магдебургское право. Так,

жалованная грамота 1498 г. городу Полоцку предписывала, чтобы радцами избирали “половину закону римского, а половину другую грецкого”, бурмиистрами “одного закону римского, а другого грецкого” [11, с. 265].

Провозглашаемая во многих правовых актах толерантность не являлась абсолютной и безграничной. Так, отношение к инаковерующим нехристианским сообществам нередко испытывало воздействие средневековых стереотипов и предрассудков, определялось конкретно-историческими условиями [20, с. 512–514]. Евреям-иудеям и татарам-мусульманам законодательно гарантировалась свобода вероисповедания, разрешалось строить мечети и синагоги, но их гражданские права в условиях государственного статуса христианства были ограничены. Возможность занятия государственных должностей евреями и татарами зависела от их принадлежности к христианскому вероисповеданию. Кроме того, под страхом смертной казни мусульманам и иудеям запрещалось склонять к своей религии местное христианское население и др.

“Буква закона” относительной веротерпимости в ВКЛ не всегда соблюдалась, но существовала возможность на правовых основаниях отстаивать свои вероисповедные и национально-культурные права.

Идея свободы религии получает значительное развитие в отечественной ренессансно-гуманистической мысли раннего Возрождения. Философия толерантности, уважения к иному являлась атрибутом социальной этики Франциска Скорины. В целом конфессионально-мировоззренческая ориентация Скорины находилась в общехристианском контексте его религиозной и культурно-просветительской деятельности, лишенной узкого конфессионального догматизма и строгой церковности, выдержанной в духе веротерпимости. Об этом свидетельствует отсутствие в скорининских текстах конфессиональной полемики, апелляция ко “всякому человеку”, “ко всем верующим во Христа”, “людем всем”; типичность формул “нам, хрестияном”, “нас всех хрестиян” и т. п. [21, с. 22, 32, 105–117]. Поэтизируя в поэме “О зубре” миролюбивый характер белорусов, Николай Гусовский выступал против таких порядков, когда другой народ “топит в крови иноверцев, сжигает селенья”, когда “вера велит ненавидеть другого”. Не приемля религиозного фанатизма, он протестует и против существующих в народном сознании религиозных предрассудков и средневековых суеверий. Веротерпимостью отличались взгляды Михалона Литвина, автора трактата “О нравах татар, литовцев и москвитян”. Он стремился без конфессиональной предвзятости оценить все то позитивное, что есть в культуре и традициях разных народов, даже тех, которые нередко выступали военными противниками “Литвы”.

Осознание значимости веротерпимости усиливается в ренессансно-гуманистической и реформационной мысли в период подготовки Люблинской унии между Польшей и ВКЛ. Так, в 1567 г. в Бресте сторонниками реформационных кругов была издана на польском языке “История о жестоком гонении Церкви Божьей в Немцах, Франции, Англии, Италии, Испании и других землях...”. Книга стала первым белорусским изданием, в каком были резко осуждены религиозные гонения в странах Западной Европы – казни и преследования неугодных церковных, общественных и политических деятелей, книгоиздателей, писателей, студентов. По сути дела, берестейское издание предупреждало накануне Люблинской унии общества ВКЛ и Польши об угрозе нетолерантности, опасности решения религиозных противоречий насильственным путем [22, с. 125–127].

Заклучение

Практика рэлігійнай тэрпымасці в отечественной истории имеет истоки в эпохе Средневековья, периоде Древней Руси. В дальнейшем принцип религиозно-этнической терпимости сыграл важную роль не только в процессе создания Великого княжества Литовского с его богатой, основанной на этноконфессиональном синтезе культуры, но и в формулировании идеи свободы религии как предпосылки концепции свободы совести. Важное место проблема веротерпимости занимала в ренессансно-гуманистической и реформационной мысли развитого Возрождения (вторая половина XVI в.). Значимым фактором конфессиональной жизни ВКЛ с середины XVI в. становится реформационное движение, сыгравшее роль катализатора разработки идеологии религиозной свободы. В последующем благотворность ситуации конфессионального плюрализма была высоко оценена белорусской мыслью XVII в. “Золотой век” стал метафорой второй половины XVI в., времени относительной веротерпимости и гражданского согласия в ВКЛ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Этноконфессиональные процессы в Беларуси и формирование патриотизма / А.С. Майхрович [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Право и экономика, 2004. – 160 с.
2. **Еворовский, В.Б.** У истоков религиозной веротерпимости / В.Б. Еворовский // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь : сборник документов и материалов. – Минск : Четыре четверти, 2005. – С. 286–291.
3. Повесть временных лет. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Ч. 1 : Текст и перевод. – 406 с.
4. Слово о полку Игореве / сост. и коммент. Л. Дмитриева. – М. : Худ. лит., 1985. – 222 с.
5. **Пятницкий, И.** Очерк истории Киевской митрополии в период времени отдельного ее существования от митрополии Московской (1459–1686). / И. Пятницкий. – Могилев : Скоропечатня и Литография Ш. Фридланда, 1891. – 72 с.
6. **Коялович, М.** Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1884. – XII, 341 с.
7. **Ермаловіч, М.** Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск : Бацькаўшчына, 1994. – 91 с.
8. **Мальшевский, И.В.** Западная Русь в борьбе за веру и народность / И.В. Мальшевский. – СПб. : Синод. тип., 1895. – Ч. 1. – 212 с.
9. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
10. **Грицкевич, А.П.** Из истории идейной борьбы в Белоруссии XV – XVI вв. / А.П. Грицкевич // Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. – Минск : Выш. шк., 1989. – С. 23–28.
11. Белоруссия в эпоху феодализма : сборник документов и материалов : в 3 т. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1. – 516 с.
12. Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: конец XIV в. – 1648 г. : сб. документов и материалов : в 3 т. / сост. З.Ю. Копыцкий [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1988. – Т. 1. – 303 с.
13. Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г. / сост.: А.П. Игнатенко, В.Н. Сидорцов. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 472 с.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1848. – Т. 3. – 342 с.
15. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. 35. – 308 с.
16. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб. : Тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1846. – Т. 1. – 419 с.

17. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
18. **Ластоўскі, В.Ю.** Гісторыя Беларускай (Крыўскай) кнігі / В.Ю. Ластоўскі. – Коўна : Друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926. – 773 с.
19. **Макарий.** История Русской церкви / Макарий – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – 560 с.
20. **Старасценка, В.У.** Ідэі вальнадумства і свабоды рэлігіі ў айчынай рэнесансна-гуманістычнай думцы XVI ст. / В.У. Старасценка // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. – Т. 2 : Протарэнесанс і Адраджэнне / С.І. Санько [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – С. 497–519.
21. **Скарына, Ф.** Творы / Ф.Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
22. **Галенчанка, Г.Я.** Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII ст. / Г.Я. Галенчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 458 с.

Поступила в редакцию 24.03.2014 г.

UDC 811.112.2'373

IRINA FADZEYEVA

ÜBER DIE INNERSPRACHLICHEN BEMÜHUNGEN DER SPRACHFORSCHER UM DIE REINIGUNG DER DEUTSCHEN SPRACHE VON FREMDWÖRTERN IM KULTURHISTORISCHEN UND LINGUISTISCHEN KONTEXT

Die vielseitige Tätigkeit der Sprachforscher um die Reinigung der deutschen Sprache verlief in Deutschland in einigen kulturhistorischen Etappen, die in der deutschen Linguistik ausführlich beschrieben sind.

Zu den wichtigsten innersprachlichen Folgen der Bemühungen um das richtige und schöne Deutsch im linguistischen Kontext zählt das Entstehen von zahlreichen synonymischen Reihen vom Typ „deutsches Wort“ („puristisches Ersatzwort“, „verdeutsches Fremdwort“, „Verdeutschung“) – „Fremdwort“. Die Analyse der Entwicklungswege der Wortpaare, die durch die Tätigkeit der deutschen Sprachregler entstanden sind, in der Geschichte und Gegenwart ist somit die Aufgabe unserer Forschung. Dieses Anliegen ist um so wichtiger, als dass das Funktionieren der Fremdwörter parallel mit den deutschen Wörtern wegen der transkulturellen Kontakte zwischen den Völkern in der globalisierten Welt unvermeidlich ist.

Kulturhistorische Etappen

Die vielseitige Tätigkeit der Sprachforscher um die Reinigung der deutschen Sprache verlief in Deutschland im kulturhistorischen Kontext etappenweise [1, S. 13–19, 25–35].

Im 17.–18. Jh. zeichnete sich diese Tätigkeit durch besondere Intensität und großes Interesse für das Thema aus. Diesem Prozess wurde eine sehr große Bedeutung beigemessen. Es ging damals um die Stärkung der deutschen Nationalsprache, die von lateinischen und französischen Fremdwörtern überfrachtet war. Die Bewegung der

Sprachregler jener Zeit nannte man deshalb nicht zufällig den Purismus und die Sprachregler selbst Puristen (vom lateinischen Wort „purus“ – „rein“). Sie versuchten alle Fremd – und Lehnwörter durch selbst konstruierte zu ersetzen. Dabei benutzten die Sprachwissenschaftler die Bauelemente der eigenen Sprache. In den zahlreichen Sprachgesellschaften, die damals gegründet wurden, wirkten die bekannten Puristen Martin Opitz, Philipp von Zesen, Georg Philipp von Harsdörffer, Justus Georg Schottel, Joachim Heinrich Campe u.a.

Die sprachpflegerischen Bewegungen im 19. – Anfang des 20. Jh. kann man auch puristische Bewegungen nennen, obwohl sie mehr nationalistischen Interessen dienten („Allgemeiner Deutscher Sprachverein“ und die sprachpflegerischen Leistungen von E. Engel, H. von Stephan, G. Wustmann, W.E. Süskind, O. Sarazin, L. Reiners u.a.). In der Hitlerzeit und nach dem 2. Weltkrieg waren in Deutschland und den beiden deutschen Staaten die sprachpflegerischen Forschungen der deutschen Linguisten auch ideologisch bestimmt [2, S. 8–11]. Im Dritten Reich zeichnete sich der Purismus durch rassistische (antisemitische) Grundzüge aus. In Berlin wurde das „Deutsche Sprachpflegeamt“ gegründet. Daneben bestanden „Die Deutsche Akademie“ in München und der „Deutsche Sprachverein“. Das „Deutsche Sprachpflegeamt“ erfüllte die Aufgaben der behördlichen Sprachpflege, der Sprachrichtigkeit in Grammatik und Lexik, der Rechtschreibung, der Modewörter, der Spracherziehung und Sprachbeobachtung.

Nach der Gründung der DDR und der BRD wurden die sprachpflegerischen Bemühungen bedeutend größer. In den 70-er Jahren begann man in der DDR mit der Einbürgerung der sozialistischen Sprachkultur. Neben der Nachfolgeorganisation des „Deutschen Sprachvereins“ spielte die Dudenredaktion der DDR eine besondere Rolle in der Sprachpflege. Im Jahre 1958 wurde auch die Dudenredaktion zu einer wichtigen sprachpflegerischen Institution in der Bundesrepublik Deutschland. Die Dudenredaktionsabteilung wirkte in diesen Jahren beim Deutschen Bundestag in Bonn.

Heute handelt es sich nicht mehr um aggressive puristische Tendenzen, sondern mehr um sprachpflegerische Bestrebungen der deutschen Sprachforscher, Sprachvereine und Sprachintessenten, auch um die Besserung der Sprache in Schulen und anderen Lehranstalten, in Massenmedien und in der Werbung, d.h. Bemühungen um das richtige und schöne Deutsch in Rechtschreibung, Grammatik und Wortschatz, um die Erhaltung der Dialekte, sowie die gegen die Fremdwörter.

Der deutsche Purismus im 17. Jh. war aufs engste mit dem gesellschaftlich-politischen Leben der damaligen Zeit, das unter dem Zeichen des 30 – jährigen Krieges verlief, verbunden [3, S. 64]. Drei Jahrzehnte lang plünderten die zahllosen fremdländischen Söldner deutsche Städte und Dörfer. Nach dem Westfälischen Frieden führte das zur Zersplitterung Deutschlands in eine beträchtliche Anzahl von einzelnen Staaten. Diese Umstände erschwerten die Entwicklung der einheitlichen deutschen Nationalkultur, Nationalsprache und schufen günstige Voraussetzungen für den Einfluss von anderen Sprachen. Da die Söldner, die eine lange Zeit das Land überfluteten, verschiedene Sprachen und Dialekte benutzten, war das Sprachgemisch sehr groß. Die Existenz der deutschen Nationalsprache war in Gefahr.

Viele deutsche Dichter jener Zeit (M. Opitz, A. Gryphius, F. von Logau, Ch. Wolf, A. Buchner) riefen dazu auf, die lateinische Sprache aufzugeben und in der Muttersprache zu schreiben. Sie forderten auf, zahlreiche, meist französische Entlehnungen, zu beseitigen. Es entstand somit die Notwendigkeit, die deutsche Sprache von den fremden, regional ungewöhnlichen Wörtern zu befreien, was in vielen Sprachgesellschaften der Barockzeit verwirklicht wurde (die „Aufrichtige

Gesellschaft von Tannen“ in Straßburg, die „Deutschgesinnte Genossenschaft“ in Hamburg, der „Hirten – und Blumenorden“ in Nürnberg, der „Elbschwanenorden“ in Wedel, die „Deutschliebende Poetische Gesellschaft“ in Leipzig). Die bekannteste Sprachgesellschaft war die „Fruchtbringende Gesellschaft“ (später „Palmenorden“), die 1617 in Weimar gegründet wurde [4, S. 65–66]. Die sprachlichen Leistungen der Sprachforscher und der Sprachvereine im 17. Jh. waren nicht besonders bedeutend, aber sie hatten eine bestimmte Rolle im Kampf für die Säuberung des Deutschen gespielt. Sie bereiteten den Boden für die Sprachpolitik des 18. Jh, der Epoche der Aufklärung vor.

Unter den Puristen des 17. Jh. muss man besonders die sprachlichen Bestrebungen folgender Sprachregler wie Philipp von Zesen, Georg Philipp von Harsdörffer und Justus Georg Schottel hervorheben. Ihre Arbeit an der Reinigung der deutschen Sprache von fremden Entlehnungen und deren Verdeutschung ist ziemlich vielseitig in der deutschen und ausländischen einschlägigen Literatur behandelt worden (einschließlich die elektronischen Medien). Von Bedeutung ist für die Sprachforschung aber nicht die genaue Zahl der von den deutschen Puristen geschaffenen neuen Wörtern, sondern die linguistischen Ergebnisse, die aus dieser sprachlichen Arbeit folgen.

Die puristische Tätigkeit von Ph. von Zesen ist besonders bemerkenswert, weil von ihm viele Ersatzwörter geschaffen wurden [5, S. 116]. Ph.von Zesen gründete 1643 „Deutschgesinnte Genossenschaft“ in Hamburg und nahm somit an den reformatorischen Bestrebungen teil, die mit den Fragen der deutschen Rechtschreibung, Metrik und Verdeutschung der Fremdwörter verbunden waren. Sie gingen später in den Wortbestand der deutschen Sprache ein. Ph.von Zesen entwickelte eine ganze Reihe von gelungenen deutschen Wörtern, wie beispielsweise Ableitung (Derivation), Abstand (Distanz), Augenblick (Moment), Angelpunkt (Pol), Anschrift (Adresse), Autor (Verfasser), Besprechung (Rezension), Beistrich (Komma). Da er jedoch, wie die anderen Puristen jener Zeit, alle Lehnwörter im Deutschen ersetzen wollte, die von den Sprachträgern als echt deutsch empfunden wurden, klangen sie für das deutsche Ohr sogar zu seinen Lebzeiten ungewöhnlich und wurden meist als Wortspiel wahrgenommen: Spitzgebäude statt Pyramide, Weiberhof statt Harem, Jungfernzwingler statt Kloster, Tageleuchter statt Fenster, Zeugemutter aller Dinge statt Natur.

G.Ph. Harsdörffer war Sprachwissenschaftler, Schriftsteller und Übersetzer [6, S. 57]. Er wurde Mitglied der „Fruchtbringenden Gesellschaft“, dann wechselte er an den 1644 gegründeten „Pegnesischen Blumenorden“, einen großen Dichterverein der Barockzeit. Diese Vereinigung hatte sich zum Ziel gesetzt, die deutsche Sprache zu bewahren und Einflüsse durch Fremdwörter zu vermeiden. Sein bekanntes Werk „Poetischer Trichter“ gibt Aufschlüsse über Fremdwortprobleme.

Harsdörffer schuf auch für viele Fremdwörter Verdeutschungen, die sich in der deutschen Sprache eingebürgert haben. Darunter sind Aufzug (Akt), beobachten (observieren), Briefwechsel (Korrespondenz), Prismenfernglas (Teleskop).

Der führende deutsche Sprachregler im Bereich der Grammatik war J.G. Schottelius (latinisierte Form von Schottel [7, S. 163–192]. Schottel schuf die Grundlagen für die Normierung der gesamtdeutschen Sprache, formulierte eine Reihe theoretischer Grundsätze, aus denen eine Serie von grammatischen Regeln entstand. Schottel ging vom abstrakten Begriff der Sprachrichtigkeit aus. Er strebte danach, die Gebrauchsregeln für alle Streitfragen festzustellen, um sie dann durch die Schule zum Gemeingut des Volkes zu machen. Schottel leistete einen bedeutenden Beitrag zur Schaffung der deutschen grammatischen Terminologie [8]. Dieser Sprachforscher wurde ein aktives Mitglied der bekannten „Fruchtbringenden Gesellschaft“, in die er 1642

eingetreten war. 1645 trat Schottel in den „Pegnesischen Blumenorden“ ein, dessen Leiter G.H. Harsdörffer war. Sein philologisches Programm legte er in seinem Hauptwerk „Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haupt-Sprache“ nieder. Darin waren alle Kenntnisse seiner Zeit im Bereich der Sprachforschung zu einem System zusammengefasst, um die allgemeinen Gesetzmäßigkeiten der Sprache aufzudecken und sie von den fremdartigen Elementen zu reinigen.

Eine große Leistung von Schottel war obendrein seine Tätigkeit in der Wortschöpfung, die mit dem Ersatz der fremden (meist lateinischen) Fachwörter in der grammatischen Theorie zusammenhing. Er erwarb sich große Verdienste bei der Bildung von etwa 120 Fachwörtern, die aus dem Lateinischen als Lehnübersetzungen wiedergegeben wurden: Fragezeichen (signum interrogationis), Sprachlehre (Grammatik), Wortforschung, Wortlehre (Semantik, Semaseologie, Lexikologie), Geschlechtswort (Artikel), Einzahl (Singular), Mehrzahl (Plural), Zeitwort (Verb), Hauptwort (Substantiv), Doppelpunkt (Kolon), Strichpunkt (Semikolon), Doppellaut (Diphthong). Schottel schuf außer den grammatischen Termini auch neue Wörter nichtgrammatischen Charakters: Wörterbuch (Lexikon), Lustspiel (Komödie), Trauerspiel (Tragödie), Tunke (Soße).

Den deutschen Purismus des 18. Jh.verknüpft man mit den sprachlichen Bemühungen des Dichters, Pädagogen,Verlegers und Sprachforschers J.H. Campe [9, S. 246]. Campe entwickelte für etwa 11500 Fremdwörter deutsche Ersatzwörter, aus denen ungefähr 300 Wörter in den Wortbestand der deutschen Sprache eingegangen sind. Darunter kann man solche Wörter nennen wie altertümlich (antik), Erdgeschoss (Parterre), Esslust (Appetit), Feingefühl (Takt), fortschrittlich (progressiv), herkömmlich (konventionell), Hochschule (Universität), Lehrgang (Kursus), Randbemerkung (Glosse), Stelldichein (Rendezvous), Streitgespräch (Debatte), tatsächlich (faktisch), Voraussage (Prophezeiung), Zerrbild (Karikatur). Ungelungen blieben folgende Neubildungen wie Zwangsgläubiger (Katholik), Freigläubiger (Protestent), Heiltümelei (Reliquie), Menschenschlachter (Soldat), Gesichtserker (Nase).

Campes Sprachpurismus stand mit den aufklärerischen Ideen des 18. Jh. in Verbindung. Er versuchte die Fremdwörter, die man damals im Übermaß in der deutschen Sprache antraf, durch einfache, auch für Ungebildete verständliche Wörter zu ersetzen. Die Volksmassen sollten auf solche Weise aktiver an den Begebenheiten der Zeit teilnehmen. Das bedeutendste Werk von J.H. Campe ist in dieser Hinsicht „Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Wörter“.

Der deutsche Sprachpurismus Ende des 19. – Anfang des 20. Jh. war mit dem drohenden Anwachsen der chauvinistischen Ansichten in der Zeit vor und nach dem ersten Weltkrieg verbunden. 1885 wurde in Braunschweig „Der Allgemeine Deutsche Sprachverein“ (ADSV) gegründet, geleitet vom Kunsttheoretiker Herman Riegel [10, S. 153–165]. Im Jahre 1886 entstand eine Zweigstelle dieses Vereins in Wien. Die Puristen dieses Vereins kämpften intensiv gegen die Vorherrschaft der Fremdwörter im Deutschen (hauptsächlich gegen die französischen Wörter). Das löste eine immense Welle der Kritik von Seiten der prominenten Germanisten aus. Der Verein benutzte dabei seine Zeitschrift und offene Aufrufe an Behörden, Zeitungen und Vereinigungen. Damit bezweckte der Verein die offizielle Einbürgerung der Verdeutschungen in die Sprache der Presse, Eisenbahn, Post, des Sports, der Schule, des Militärwesens, der Kunst und des Theaters.

Die Bestrebungen der Mitglieder dieses Sprachvereins wurden von den staatlichen Einrichtungen unterstützt. Infolgedessen wurden in die deutsche Sprache auf amtlichem

Wege unter anderem folgende Ersatzwörter eingeführt: bei der Post: eingeschrieben (rekommendiert), Briefumschlag (Kuvert), drahten (telegrafieren); bei der Eisenbahn: Fahrkarte (Billett), Schaffner (Kondukteur), Fahrgast (Passagier); beim Militär: Hauptmann (Kapitän), Dienstgrad (Charge); in den Bereichen der Schule, des Sports, der Kunst, der Presse und des Theaters: Abgangsschüler (Abiturient), Lehrer, Schulmann (Pädagoge), Hörer, Hochschüler (Student), Schüler (Scholar), Leiter (Rektor), Uraufführung (Premiere), Hauptleiter (Chefredakteur), Ringkämpfer (Athlet), Turnen (Gymnastik), Mannschaft, Gruppe, Spieler (Team). Diese Verdeutschungen wurden in einer ganzen Reihe von Verdeutschungswörterbüchern und Verdeutschungslisten veröffentlicht.

In der Hitlerzeit war die puristische Tätigkeit des ADSV nicht verboten, aber bedeutend begrenzt. Der übermäßige Kampf gegen die Fremdwörter entsprach nicht den wirklichen Plänen der Nationalsozialisten, die Fremdwörter zu euphemistischen Zwecken zu gebrauchen, um die nationalsozialistischen Ideen zu verschleiern. Die Nachfolgevereine des ADSV sind zur Zeit die „Gesellschaft für deutsche Sprache“ (GfdS) in Wiesbaden und der größte Sprachpflegeverein Österreichs, der Verein „Muttersprache“. Der größte deutsche Sprachverein ist dennoch der Verein „Deutsche Sprache“ (VDS) in Dortmund, der die Zeitschrift „Sprachnachrichten“ herausgibt. Der Vorsitzende des Vereins ist Prof. Dr. Walter Krämer. In der Zeitung verweist man mit besonderem Nachdruck auf den allzu großen Gebrauch von Anglizismen, die nach dem zweiten Weltkrieg im Übermaß im Umlauf sind. Das alles löst eine gerechte Empörung sprachinteressierter Bundesbürger aus. Hier eine Äußerung zu diesem Thema aus der Zeitung „Sprachnachrichten“: „Wenn Politiker verstanden werden wollen, sind deutsche Begriffe statt aufgesetzter Anglizismen die richtige Wahl. Schon aus Respekt vor der eigenen Muttersprache“ [11, S. 7]. In den „Sprachnachrichten“ werden Artikel veröffentlicht, bei denen der Gebrauch der englischen Wörter in offiziellen Unterlagen, in wissenschaftlichen Texten, in der Werbung, auf Stadtschildern, in Filmtiteln und bei der Eisenbahn (z. B. Service-Point statt Information) kritisiert wird. Laut Umfragen können sie durchschnittlich nur wenige Deutsche verstehen. Die sprachpflegerischen Bemühungen der Mitglieder des VDS und einer großen Anzahl der Sprachinteressenten gegen die englische Fremdwörterei erfordern verschiedenes Vorgehen. Jedes Jahr erscheinen in den „Sprachnachrichten“ Kandidaten für den Titel des Sprachpanschers des Jahres für grobe sprachliche Fehlleistungen (meistens bezüglich der Anglizismen). Bekannt ist auch in dieser Hinsicht die Aktion „Schlagzeile des Jahres“. Jährlich wird daneben ein Anglizismen-INDEX als das umfangreichste Zeugnis der Einflüsse des Englischen auf die deutsche Sprache vom INDEX-Arbeitskreis des VDS veröffentlicht.

Linguistische Ergebnisse

Zu den wichtigsten Folgen der jahrhundertlangen Bemühungen der deutschen Philologen um das richtige und schöne Deutsch zählt das Entstehen von zahlreichen synonymischen Reihen, Wortpaaren oder Dubletten vom Typ „deutsches Wort“ („puristisches Ersatzwort“, „verdeutschtes Fremdwort“, „Verdeutschung“) – „Fremdwort“ [12, S. 58–60]. Das bedeutet, dass viele Fremdwörter aus der Sprache nicht verdrängt wurden. Sie blieben im Deutschen erhalten und entwickeln sich nach ihren eigenen Gesetzen, wobei sie mit den Ersatzwörtern in ständiger Wechselbeziehung stehen. In Folge dieser Wechselwirkung entsteht eine eigenartige Divergenz (ein Aufeinandergehen) zwischen den ursprünglich gleichbedeutenden Wortpaaren: Das Fremdwort versucht in der Sprache erhalten zu bleiben und das neue deutsche Wort

sich darin zu behaupten. Es kann dabei zu verschiedenen Ergebnissen kommen: Entweder erhalten solche synonymischen Dubletten einige Bedeutungs- oder stilistische Unterschiede, oder ein Wort in diesem Wortpaar bürgert sich in der Sprache nicht ein (das von G.P. Harsdörffer entwickelte Wort „Bleistift“ hat das französische Wort „crayon“ völlig verdrängt; das von J.G. Schottel neu gebildete Wort „Fragezeichen“ ersetzte das lateinische Wort „signum interrogationis“).

Die Analyse der Entwicklungswege solcher Wortpaare, die durch die sprachschöpferische Arbeit der deutschen Sprachforscher entstanden sind, ist von großer Bedeutung für die Erforschung des lexikalisch-semantischen Systems der deutschen Sprache. In den synonymischen Dubletten, die als Ergebnis der puristischen Tätigkeit der obengenannten Sprachregler in der Sprache funktionieren, kann man folgende Gesetzmäßigkeiten verfolgen:

1. Sehr wenige synonymische Wortpaare zeichnen sich durch semantische Identität aus, d.h. sie sind absolute (vollständige) Synonyme [13], vgl. bei Zesen: Augenblick (Moment), Mundart (Dialekt), Rechtschreibung (Orthographie); bei Schottel: Einzahl (Singular), Mehrzahl (Plural), Zeitwort (Verb); bei Campe: herkömmlich (konventionell), Lehrgang (Kursus).

Solche synonymischen Dubletten stellen in der Regel Fachwörter dar, die wegen ihrer sprachlichen Aufgabe, Begriffe genau zu bezeichnen, eindeutig sein müssen. Das ist aber nicht immer der Fall. Einige Sprachforscher finden auch hier Bedeutungsunterschiede. Das Wort „Dialekt“ soll, so Olšanski, eine allgemeinere Bedeutung als das Wort „Mundart“ haben [14, S. 170–171]. Das Althochdeutsche und Altenglische werden als altwestgermanische Dialekte, aber nicht als altwestgermanische Mundarten bezeichnet.

2. Die anderen synonymischen Dubletten zeigen semantische Unterschiede, d.h. sie sind nicht gleichbedeutend. Die Wortpaare „Abstand“ – „Distanz“ (Zesen) fallen in einer Bedeutung zusammen, aber das Ersatzwort „Abstand“ hat noch zusätzliche Bedeutungen: (übertragen) Wirklichkeit: zwischen ihnen ist ein gewaltiger Abstand; umg. Entschädigungssumme; einige technische Bedeutungen: lichter Abstand [15]. In den synonymischen Dubletten „Kreislauf“ – „Zirkulation“ (Zesen) fallen viele Bedeutungen zusammen. Das Wort „Kreislauf“ wird jedoch als medizinisches Fachwort und „Zirkulation“ als ökonomisches Fachwort verwendet. Beim Vergleich der synonymischen Wortpaare „Bücherei“ (Zesen) – „Bibliothek“ kann man auch Unterschiede finden, die sowohl semantischen und als auch stilistischen Charakter haben. Dabei gebraucht man das Wort „Bibliothek“ als eine öffentliche (wissenschaftliche) Einrichtung für eine geordnete Bücher, Medien – und Informationensammlung. „Bibliothek“ nennt man auch einen Raum, der zum Aufbewahren und Lesen der Bücher bestimmt ist. Der Buchbestand dort heißt dann „Privatbibliothek“. Das Wort „Bücherei“ wird meist bei öffentlichen Bibliotheken, besonders in den Schulen, wo man sich Bücher ausleihen kann, verwendet. Außerdem ist „Bücherei“ eine kleine Büchersammlung, „Bibliothek“ mehr eine große Büchersammlung mit vorwiegend fachlichen Beständen. In manchen Sprachräumen kann das Wort „Bücherei“ auch einen Buchladen bezeichnen. Im Allgemeinen ist die Bezeichnung „Bibliothek“ der umfassendere Begriff, der alle Arten von Büchersammlungen betrifft. Das Wort „Bücherei“ ist mehr eine Volksbibliothek [16, S. 33–41]. Das deutsche Wort „Ausflug“ (Zesen) fällt in seiner ersten Bedeutung mit dem Fremdwort „Exkursion“ zusammen, aber das deutsche Wort weist noch eine eng professionelle Bedeutung auf: „Ausflug“ (eines Nestlings aus dem Nest) und „Ausflug“ (im Bienenstock).

Einige Wortpaare bei Zesen unterscheiden sich auch durch bestimmte konnotative Momente: im Wortpaar „Blutzeuge“ – „Märtyrer“ hat das Wort „Blutzeuge“ eine übertragene und das Wort „Märtyrer“ eine direkte Bedeutung (als Religionsbegriff). In den synonymischen Wortreihen von G.H. Harsdörffer kann man dieselben Entwicklungstendenzen feststellen. In den synonymischen Dubletten „Aufzug“ – „Akt“ ist die zusammenfallende Bedeutung ein Theaterfachwort. Die Verdeutschung „Aufzug“ entwickelte noch zehn andere Bedeutungen, darunter Demonstration, Kleidung, Lift, Aufzug der Uhr usw. und das Fremdwort „Akt“ sechs neue Bedeutungen: Handlung, ein akrobatischer Aufzug, Zeremonie, Wissensakt, euphemistisch Geschlechtsverkehr. Die Bedeutungen der Verben „beobachten“ – „observieren“ sind auch nicht gleich. Der Gebrauchsbereich des Verbs „observieren“ ist sehr beschränkt, das ist ein buchsprachliches Wort und bedeutet „lang und sorgfältig etwas, j-n beobachten“. Das Wort „Fernglas“ als Ersatz des Fremdwortes „Teleskop“ ist von dem zweiten in der Bedeutung auseinander gegangen: Die beiden Substantive bezeichnen ein optisches Gerät, aber „Fernglas“ ist ein Gerät für das Betrachten von entfernten Gegenständen auf dem Gelände und „Teleskop“ ist ein astronomisches Gerät für die Observation der Himmelskörper.

Die puristische Tätigkeit J.G. Schottels auf dem Gebiet der Grammatik führte ebenfalls nicht zum Verschwinden der lateinischen Termini, die mit den entsprechenden Verdeutschungen zahlreiche Wortreihen vom Typ „deutsches Ersatzwort“ – „lateinisches Fremdwort“ bilden. Ihr Vorhandensein ist mit ihrer Divergenz nach der Gebrauchssphäre verbunden. In den deutschen Schulbüchern der Grundschule werden meist deutsche und auf der Schuloberstufe und in der Hochschulbildung lateinische Fachwörter benutzt. Die verdeutschten Termini sind nach ihrer Struktur und Bedeutung klar und durchsichtig. Sie stellen im Allgemeinen Zusammensetzungen dar, deren Komponenten für das Anfangserlernen der deutschen Sprache sowie für jeden in der Sprachwissenschaft unkundigen Menschen verständlich sind, vgl. Geschlechtswort – Artikel, Zeitwort – Verb, Doppellaut – Diphtong. Die entlehnten lateinischen Fachwörter werden folglich viel häufiger gebraucht, als deutsche Ersatztermini. Die deutschen Fachwörter spielen ungeachtet dessen eine bestimmte Rolle auf der Anfangsstufe der Beherrschung der linguistischen Theorie.

Obwohl die Mehrheit der genannten grammatischen Dubletten traditionell den vollständigen Synonymen zugerechnet werden, unterscheiden sich dennoch viele davon durch ihren Bedeutungsumfang. So kann das Fachwort „Wortlehre“ als „Lehre über das Wort“, „Semantik“, „Semaseologie“, „Lexikologie“ definiert werden. In diesem Fall haben wir mit der Determinalisierung des Terminus „Wortlehre“ zu tun. Im synonymischen Wortpaar „Sprachlehre“ – „Grammatik“ wird das Wort „Sprachlehre“ als „Grammatik“ (einschließlich der Abschnitte „Phonetik“ und „Wortbildung“) definiert, d.h. die Bedeutung des ersten Synonyms ist breiter als die Bedeutung des Fachwortes „Grammatik“. Andererseits hat auch das Wort „Grammatik“ eine zusätzliche Bedeutung bekommen, nämlich Grammatik nicht nur als Abschnitt der Sprachwissenschaft, sondern auch das Lehrbuch für Grammatik. Im Wortpaar „Hauptwort“ – „Substantiv“ hat das deutsche Ersatzwort außer der Bedeutung „Substantiv“ auch die Bedeutung „autosemantisches Wort“, „Begriffswort“, die der Bedeutung „Hilfswort“ entgegengestellt wird.

J.G. Schottel ersetzte, wie es schon erwähnt wurde, neben den grammatischen Termini auch eine Reihe von Wörtern nichtterminologischen Charakters. Sie zeigen dieselben Tendenzen beim Vergleich der Wortpaare „deutsches Ersatzwort“ – „Fremdwort“: Divergenz ihrer Bedeutungen, Differenzen in der stilistischen Färbung und im Gebrauchsbereich Wörterbuch (Lexikon), Lustspiel (Komödie), Trauerspiel

(Tragödie), Tunke (Soße). In den synonymischen Wortpaaren „Wörterbuch“ – „Lexikon“ ist „Wörterbuch“ eine Sammlung von Wörtern mit Übersetzungen. „Lexikon“ ist ein Nachschlagewerk für alle oder einzelne Wissenszweige in Form eines Wörterbuches.

Ähnliche Entwicklungswege demonstrieren auch die synonymischen Dubletten von J. Campe, die sich in der deutschen Sprache behauptet haben: Hochschule – Universität, Erdgeschoss (Parterre) usw.

Die deutschen Ersatzwörter, die in Folge der puristischen Tätigkeit der Mitglieder des ADSV Ende des 19.-Anfang des 20. Jh. zwangsläufig in die Sprache eingeführt wurden, haben die meisten fremden Wörter zurückgedrängt, sogar verschwinden lassen. Das französische Wort „Kapitan“ als Dienstgrad in der Armee wurde z. B. durch das deutsche Wort „Hauptmann“ völlig ersetzt. Andererseits wird dieses Wort in der Bedeutung „Mannschaftsführer“ oder „Schiffsführer“, auch als „Käpitän zur See“ gebraucht. Das deutsche Wort „Hauptmann“ hat außer der professionellen Bedeutung noch seine ursprüngliche Bedeutung beibehalten: „Anführer“. Kaum kann man heute solche Fremdwörter wie „rekommandiert“, „Kuvert“, „Billett“, „Kondukteur“, „Charge“ hören. Sehr viele Wörter dieser Art bilden dennoch synonymische Dubletten, wo die eingeführten Ersatzwörter mit den entsprechenden Fremdwörtern konkurrieren. Die Wortpaare „Schüler“ – „Scholar“, „Lehrer“ – „Schulmann“, „Pädagoge“, „Hörer“, „Hochschüler“ – „Student“, „Uraufführung“ – „Premiere“, „Ringkämpfer“ – „Athlet“ demonstrieren verschiedene Bedeutungsnuancen, stilistische und andere Besonderheiten.

Dieselbe Erscheinung kann man zur Zeit bei der Wechselbeziehung zwischen den deutschen Wörtern und Anglizismen feststellen. In der Sprache verankern sich fest nur die Anglizismen, die ganz neue Begriffe bezeichnen oder solche, die sich von den entsprechenden deutschen Wörtern durch ihre Semantstruktur oder Konnotation unterscheiden (Computer, Management einerseits, und Ausflug (Party), Tagung (Meeting), elegant, modisch (sexy) andererseits). Der übermäßige Gebrauch von anderen englischen Wörtern ist oft das Ergebnis der Mode, der Werbung, des Strebens nach etwas Neuem und Ungewöhnlichem: Flughafen (airport), Kampfrichter (referee).

Zum Abschluss des Beitrages kann man folgende Konsequenzen ziehen:

1. Mit der Schaffung der deutschen Nationalsprache im 17. Jh. begann auch ihre sprachliche Regelung, die bis heute fortgesetzt wird. Die deutschen Sprachforscher haben den Fremdwörtern, die die Sprache verunreinigten, den Kampf angesagt.

2. In Folge der puristischen Tätigkeit entwickeln sich bei der Wechselwirkung zwischen den Fremdwörtern und deren Verdeutschungen synonymische Reihen vom Typ „puristisches Ersatzwort“ – „Fremdwort“.

3. Zwischen den ursprünglich gleichbedeutenden Wortpaaren entsteht ein Auseinandergehen (eine Divergenz) in ihrer Semantik, Konnotation, in der Gebrauchssphäre oder auf der sozialberuflichen Ebene. Nur in diesem Fall können sich die beiden synonymischen Wortpaare in der Sprache einbürgern und in die deutschen Wörterbücher aufgenommen werden.

4. Diese Entwicklungstendenzen lassen sich bei allen synonymischen Dubletten, die im Laufe der sprachpflegerischen Bemühungen der deutschen Sprachforscher entstanden, verfolgen.

5. Die deutsche Sprache strebt somit, wie auch andere Sprachen, nach der bestmöglichen Differenzierung der Form und des Inhalts, nach dem sprachlichen Pragmatismus und der Sprachökonomie. Das Vorhandensein von zahlreichen synonymischen Wortpaaren dieser Art zeugt von der reichen Synonymik der Sprache und ist eines der Mittel ihrer Bereicherung.

6. Die Erforschung der Wechselbeziehungen zwischen Wortpaaren solchen Typs ist um so wichtiger, als das Funktionieren der Fremdwörter parallel mit ihren Verdeutschungen wegen der transkulturellen Kontakte zwischen den Völkern in der globalisierten Welt unvermeidlich ist.

7. Die Untersuchung der synonymischen Wortpaare hat nicht nur eine theoretische, sondern auch eine praktische Bedeutung. Im praktischen Fremdsprachenunterricht (besonders im Bereich Deutsch als Fremdsprache) kann die Analyse der synonymischen Dubletten helfen, ihre Unterschiede zu bestimmen und sie dann richtig im Kommunikationsprozess zu gebrauchen.

LITERATUR

1. **Schiewe Jürgen, Lipszuk Ryszard, Nerlicki Krzysztof, Westphal Werner** (Hrsg.). Kommunikation für Europa 11: Sprache und Identität. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011.
2. **Horn Jessika**. Formen der Sprachkritik und Sprachpflege. Geschichte der Sprachkritik und Sprachpflege sowie heutige Ansätze zur Sprachberatung außerhalb der Schule. Studienarbeit. – Norderstedt : Books an Demand GmbH, 2007.
3. **Grabert Willy, Mulot Arno, Nürnberger Helmuth**. Geschichte der deutschen Literatur. – München : Bayerischer Schulbuch-Verlag, 1985. – 448 S.
4. **Stössel, Michail**. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis Mitte des 19. Jh. Lehrbuch für Studenten der Fremdsprachenfakultäten. – Moskau : Verlag Hochschule, 1974. – 343 S.
5. **Iskos Asja, Lenkowa Ada**. Deutsche Lexikologie für pädagogische Hochschulen und Fremdsprachenfakultäten, 3.vermehrte und verbesserte Auflage. – Leningrad : Verlag Proswestschenie, 1970.
6. **Hundt Markus**. "Spracharbeit" im 17. Jh. : Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Queintz. – Berlin ; New York : de Gruyter (studia linguistica germanica). Bd.57. 2000.
7. **Jones William Jervis**. Sprachhelden und Sprachverderber : Dokumente zur Erforschung des Fremdwortpurismus im Deutschen (1478–1750). (ausgew. und kommentiert von William Jervis Jones. – Berlin ; New York : de Gruyter (studia linguistica germanica). Bd. 38. 1995.
8. **Vensky Hellmuth**. Der Ritter und Liebhaber der deutschen Sprache. URL: www.zeit.de/wissen/geschichte/2012-06/schottelius.html. [15.12.2013].
9. **Moskalskaja Olga**. Deutsche Sprachgeschichte. – Moskau : Verlagszentrum Akademia, 2003.
10. **Polenz Peter**. Geschichte der deutschen Sprache. Studienbuch. 10. Auflage. – Berlin : de Gruyter, 2009.S.153-165.
11. **Genscher Hans Dietrich**. Sprüche. – Richtige Wahl : Sprachnachrichten № 56(1V).
12. **Stepanova Maria / Černyševa Irina**. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau : Verlagszentrum Akademia, 2005.
13. Deutsch-Russisches Synonymwörterbuch. Hrsg. Rachmanov u.a. – Moskau : Verlag Russkij Jazik, 1983.
14. **Olšanski Igor/ Guseva Alla**. Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache. – Moskau : Verlagszentrum Akademia, 2005.
15. Das Große Deutsch-Russische Wörterbuch: in 3 Bd. Hrsg.Moskalskaja Olga. 6. unveränderte Auflage. – Moskau : Verlag Russkij Jazik, 2000.
16. **Hackemeyer Uta**. Zum Wortgebrauch „Bücherei“ und „Bibliothek“. In: Mitteilungen Arbeitsgemeinschaft der Parlaments-und Behördenbibliotheken. Bd. 66. 1989.

Поступила в редакцию 20.05.2014 г.

УДК 070.431:004.738.5(476)

А.А. ГРАДЮШКО

СТРАТЕГИИ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ БЕЛАРУСИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Рассматриваются важнейшие тенденции развития интернет-журналистики. Анализируется влияние интернет-технологий на творческую деятельность журналиста. Исследуются новые методы продвижения интернет-СМИ в аспекте развития социальных сетей и медиаконвергенции. Выявляется феномен “публичных страниц” в социальных медиа. Показывается, что новые функции социальных медиа меняют как медиaprостранство, так и роль и задачи журналистики в целом. Проводится оценка социальных сетей с точки зрения их воздействия на сферу печатной прессы. Делается вывод о возрастании роли социальных медиа в современной медиасфере, намечаются дальнейшие исследовательские перспективы.

Введение

Последние годы продемонстрировали тенденцию стремительного роста популярности социальных сетей, блог-платформ и сервисов, предоставляющих услуги видеохостинга. Первоначальным их предназначением было общение. Однако информация, публикуемая пользователями в социальных сетях, в достаточно короткие сроки вышла за рамки лично-ориентированной. Сегодня практически каждое общественно значимое событие находит отклик в публикациях, размещаемых в сетевых сообществах. Актуализируется новостное потребление “в обход” традиционных средств массовой информации, что, на наш взгляд, может привести к структурным трансформациям медиасферы Беларуси.

Пользователи, в первую очередь молодежь, меняют информационные и развлекательные сайты на социальные сети, которые выступают для них главными источниками информации. Кто-то вообще не читает СМИ, удовлетворяясь просмотром своей социальной ленты. Многие функции, присущие журналистике, выполняют и социальные медиа. Технологизация коммуникации на базе интернета и социальных медиа оказывает значительное влияние на творческие методы и приемы современной веб-журналистики. Многие белорусские интернет-издания заводят собственные страницы в социальных сетях “ВКонтакте”, “Одноклассники”, Twitter, Facebook и др., пытаются найти новые эффективные каналы коммуникации с аудиторией.

Цель исследования заключается в выявлении наиболее оптимальной модели для распространения новостей в социальных сетях и определении показателей успешности присутствия в них средств массовой информации. Эмпирическую базу составили журналистские материалы, размещенные в интернете на сайтах белорусских информационных порталов, в онлайн-версиях традиционных газет, а также на сайтах интернет-изданий в период с 2013 по 2014 г.

Основная часть

В настоящее время учеными предложено множество определений понятия “социальные медиа”. Все они сводятся к такой важнейшей характеристике, как интерактивность. В социальных сетях контент производится самими пользова-

телями. По нашему мнению, социальные медиа можно определить как новую платформу для СМИ, где любой пользователь может участвовать в создании и распространении социально значимой информации [1, с. 115]. Сегодня есть все основания утверждать, что социальные сети становятся основной коммуникационной средой и источником информации для молодежи. По данным опроса, проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь среди студентов столичных вузов, соцсети являются для них основным способом виртуального общения с друзьями и знакомыми – его используют почти 84% респондентов [2].

Потенциал социальных медиа используется в различных сферах жизни общества. Показательно, что сразу после избрания Барака Обамы на пост президента США в ноябре 2008 г. СМИ окрестили его “президентом социальных медиа” и “фейсбук-президентом”. Впервые в истории электоральных кампаний интернет-технологии сыграли значительную роль в повышении популярности кандидата. Всего на момент окончания кампании у Обамы было 5 млн. последователей в различных социальных сетях, которые стали “чем-то вроде клея для связей между людьми” [3]. Социальные формы коммуникации успешно применяются и в современной веб-журналистике, когда каждый читатель может выполнять функции автора, комментатора, фотокорреспондента и редактора того или иного сервиса.

Продвижение в социальных сетях или SMM (от англ. Social Media Marketing) подразумевает под собой активность СМИ в социальных медиа, создание и развитие сообществ. После 2010 г. многие белорусские газеты, журналы, интернет-издания, радио- и телеканалы начали открывать в социальных сетях свои представительства. По нашим наблюдениям, лишь немногие белорусские СМИ, заведя аккаунты в различных социальных сетях, действительно понимают, что, сделав это, они вовлекаются в совершенно иные массовые информационные потоки. Важно не количество платформ, на которых присутствует СМИ, а умение соответствовать требованиям, которые они предъявляют.

Первоначально интернет-издания использовали социальные сети для публикации ссылок на свои сайты и простой ретрансляции новостей. Как только на сайте появлялась новая публикация, она автоматически анонсировалась в “ВКонтакте”, Twitter или Facebook. Сообщение обычно состояло из заголовка материала или части заголовка и ссылки на него. Позже некоторые СМИ превратили свои аккаунты во вполне самостоятельные интерактивные площадки, на которых новости иногда появлялись раньше, чем на сайтах интернет-изданий. В наиболее крупных редакциях были созданы отделы новых медиа, приравненные по значимости и рангу ко всем остальным подразделениям редакции. Все эти трансформации хорошо известны и описаны в большом перечне исследований [4–6].

Проиллюстрируем специфику присутствия в социальных сетях ведущих белорусских интернет-СМИ, обращая внимание как на частоту и стиль подачи сообщений, так и на уровень взаимодействия с читателями. Наиболее успешная стратегия, на наш взгляд, реализована порталом Onliner.by. В социальной сети “ВКонтакте” официальная страница “Онлайнера” имеет 130.000 подписчиков. На Facebook у него около 7500 последователей. В Twitter у издания более 45.000 читателей. Кроме того, портал имеет официальный канал на YouTube, на который подписано более 52.000 пользователей. Таким образом, “Онлайнер” имеет около 235.000 друзей по всему интернету (данные на май 2014 г.).

В социальной сети “ВКонтакте” в группе “Онлайнера” (<http://vk.com/onliner>) ежедневно публикуется от пяти до десяти сообщений (постов). Их может быть и больше, если в этот день происходит какое-нибудь важное событие. В группе размещаются, как правило, самостоятельные сообщения со ссылками на материалы портала, а также зрительные образы (интернет-мемы). Все анонсы сопровождаются привлекающим текстом и изображением. Причем, как показал наш анализ, текст должен быть также и на самой картинке, потому что пользователи в первую очередь обращают внимание на изображение и текст на нем. Здесь открыта возможность комментирования новостей, где пользователи отражают мнения к записи. В среднем одна запись собирает 20-30 комментариев, хотя наиболее резонансные материалы получают 150-200 откликов.

По нашим наблюдениям, “Онлайнер” ведет аккаунт “ВКонтакте” в неформальном стиле, тем самым стирая границы между частным разговором и публичным обсуждением, умело балансируя между массовой коммуникацией и межличностным общением [7, с. 36]. Довольно часто встречаются, например, такие речевые обороты, как “а почитайте большой и крутящийся текст о том, как...”, “а почитайте и посмотрите, как...”, “а помните слухи о том, что...”, “вот держите свежак...”, “сделали крутящую подборку...”, “держите большой и грустный текст об...”, “такая инфа, котики”, “так, коты, внимание на экран!” и т. п. Все эти приемы позволяют завязать связи с людьми, “начать отношения”. Журналисты вторгаются в частное пространство, они становятся нашими “друзьями” в социальной сети.

Портал “Онлайнер” активно наращивает свое присутствие и в Twitter. Это самостоятельная информационная площадка, новости на которой появляются раньше, чем на сайте. Преимущество сервиса – возможность показа событий в процессе их развития, поэтому в Twitter редакция часто проводит онлайн-репортажи. Сами сообщения отличаются лаконичностью. Размещение новостей сочетается с элементами редакционного блога. Часто можно встретить шутки, ретвиты, ответы подписчикам. Что касается страницы “Онлайнера” в Facebook <https://www.facebook.com/onlinerby>, то она в чем-то напоминает аккаунт “ВКонтакте”. В целом же портал набирает популярность в Facebook значительно медленнее, чем в других соцсетях.

Другой крупнейший белорусский портал – Tut.by – по количественным показателям присутствия в социальных медиа несколько опережает Onliner.by, однако имеет гораздо менее популярный канал на YouTube. В целом Tut.by реализует схожую стратегию, хотя сохраняет более-менее формальный стиль ведения аккаунтов. В частности, на странице “ВКонтакте” <http://vk.com/tutby> непосредственное обращение к читателям можно встретить реже. Редакция сайта, по нашим наблюдениям, ведет разговор с аудиторией в комментариях. К наиболее популярному типу контента можно отнести текст, далее следуют ссылки, фото, видео и короткие статус-сообщения. Полезным дополнением к portalу служит твиттер-аккаунт <https://twitter.com/tutby>.

При анализе стратегий присутствия новостных интернет-изданий Беларуси в социальных сетях считаем уместным обратить внимание также на спортивное издание Tribina.com, имеющее аккаунты в “ВКонтакте” (33.000 подписчиков), в Twitter (6300 участников), в Facebook (4500 отметок “мне нравится”) и в Google+ (100 подписчиков). Наиболее активная и молодая аудитория, разумеется, присутствует в “ВКонтакте”. Количество лайков, репостов и коммента-

риев зависит от дня и происходящих событий. В среднем группа “собирает” около 800 лайков, 150 комментариев и 70 репостов в день. Все посты со ссылками на материалы, как и в группе “Онлайнера”, сопровождаются привлекающим текстом и картинкой. В анонсе материала редакция старается подать пост так, чтобы пользователь перешел по ссылке. Зрительный образ должен быть ярким, запоминающимся, с “цепляющим” текстом и юмором. Важно вызвать у человека эмоции. Например, если сборная Беларуси по футболу проводит отличный матч с Францией, то обязательно нужны посты с хэштегом #RESPECT на картинке и т. п.

Почти все материалы сайта Tribina.com в социальных сетях сопровождаются интернет-мемами. Некоторые редакция делает сама с помощью графических редакторов, в отдельных случаях пользуется готовыми и узнаваемыми (“упоротый лис”, “узбагойся” и др.). Отдельно мемы собирают, как правило, больше лайков, репостов и комментариев, чем в связке со ссылкой и анонсом материала. Но многое зависит не от подачи, а и от самого материала. Есть темы, которые всегда наберут много комментариев (фанаты против милиции, например), лайков и репостов (победы белорусов). Аналитика и большие интервью с неизвестными широкой общественности людьми особой популярностью не пользуются. Если, конечно, не содержат интересных мнений.

Распространенным творческим приемом привлечения новой аудитории в социальных сетях является проведение конкурсов. За один конкурс можно увеличить аудиторию на сотни и тысячи человек, все зависит от формата и приза. Но встает вопрос о качестве такой аудитории. В ходе исследования установлено, что многие пользователи будут подписываться на сообщество только ради того, чтобы поучаствовать в розыгрыше. Это некачественная аудитория, пользы от нее никакой. Значительная часть подписчиков страницы сайта Tribina.com в “ВКонтакте” пришла именно после тематических конкурсов, в которых редакция разыгрывала билеты на футбольные матчи и футбольную экипировку. Через подобные розыгрыши (а не после розыгрышей iPhone или iPad) в группу вступает наиболее лояльная аудитория.

Печатные СМИ, равно как интернет-порталы и веб-издания, также используют социальные медиа как эффективную площадку для продвижения контента, адаптированного к интерактивной платформе. Таким образом, границы традиционной журналистики несколько размываются [8, с. 14]. Например, “Советская Белоруссия” с недавних пор серьезно усилила свой интернет-отдел и бросила силы на развитие аккаунтов в социальных сетях. Издание представлено в шести социальных сетях, где у него в общей сложности чуть больше 7000 подписчиков. Самая большая аудитория у газеты в “ВКонтакте”. В общей сложности на стене публичной страницы редакция разместила более 5300 записей. Каждое сообщение представляет собой первый абзац новости с хэштегами, ссылкой на саму новость и картинку. В отличие от Onliner.by и Tut.by, активность читателей в группе “Советской Белоруссии” гораздо ниже. Стиль ведения группы весьма формальный. Комментарии к анонсам новостей очень мало. Зато в сообществе имеется 30 фотоальбомов и столько же видеозаписей.

Следует отметить, что в Facebook у “СБ” 837 подписчиков, однако общение с пользователями здесь практически отсутствует. Более 2000 подписчиков насчитывается у “СБ” в “Одноклассниках”. Контент идентичен размещаемому в “ВКонтакте”. В Twitter редакция просто копирует ссылки на статьи с сайта. Хэштеги используются редко, нет и обратной связи с читателями. Таким обра-

зом, “СБ” не использует возможности Twitter в полной мере. Возможно, по этой причине на аккаунт редакции в Twitter подписано всего около 900 пользователей. Развивает газета и свой канал на YouTube, куда добавляются материалы длительностью 2-3 минуты, снятые журналистами сайта sb.by. Однако авторских сюжетов на канале немного, чаще всего “Советская Белоруссия” размещает собственные дайджесты мировых новостей.

Газета “Звязда” представлена в пяти социальных сетях: “ВКонтакте”, “Одноклассники”, Twitter, Facebook, YouTube. Публичная страница в “ВКонтакте” была создана в июле 2013 г. С тех пор на стене сообщества появилось более 2800 записей. Однако только 100 человек считают страничку интересной. На странице не создано ни одной темы для обсуждения, нет ни одного фотоальбома. Публикации представляют собой копирование первого абзаца статьи, ссылку и картинку. В ходе анализа обнаружено, что посты размещаются в большом количестве (15-20 записей) то каждый день, то раз в несколько недель. Среди исследуемых нами СМИ у “Звязды” в “ВКонтакте” наблюдается самый низкий уровень отклика от читателей. Аккаунт @zviazda в Twitter обновляется регулярно, однако на него в мае 2013 г. было подписано всего 105 читателей. Все записи представляют собой репост заголовков сайта. На Facebook издание имело 255 подписчиков, однако какой-либо активности пользователей в аккаунте не замечено. Канал “Звязды” на YouTube обновляется крайне редко. Все это говорит о том, что газета не заинтересована в расширении аудитории в социальных сетях.

В качестве удачного примера использования потенциала социальных медиа можно привести информационное агентство БелТА. Несколько лет назад оно завело аккаунты в семи социальных сетях, в том числе в Instagram и Google+. Наибольшее число подписчиков (более 8600) собрал аккаунт “ВКонтакте”. Значительное внимание в нем уделяется визуальной информации, все сообщения сопровождаются фото, но стиль подачи более официальный. Прямое общение с пользователями отсутствует, нет мемов, демотиваторов. Такой стиль ведения страницы объясняется официальным статусом этого ведущего информационного агентства страны. Видеосюжеты, снятые корреспондентами БелТА, размещаются на YouTube, где агентство в августе 2010 г. создало собственный канал. За четыре года на него было добавлено более 2000 сюжетов, общее количество просмотров видео превысило 6 млн. Эффективным инструментом распространения фотографий служит также аккаунт БелТА в Instagram (свыше 1500 подписчиков).

Представлены в социальных сетях и некоторые региональные белорусские СМИ. Установлено, что среди областных газет наиболее удачная стратегия продвижения у “Гомельской праўды”. Издание имеет аккаунты в шести социальных сетях с числом аудитории более 3000 подписчиков. Впрочем, мы полностью согласны с мнением российского ученого А.В. Пустовалова, определившего, что успешность присутствия СМИ в социальных сетях зависит не столько от числа подписчиков страницы, сколько от количества активного ядра пользователей [5, с. 238]. Именно они являются наиболее лояльной аудиторией и готовы читать новости, повторно возвращаясь к ресурсу, участвовать в диалоге с редакцией и другими читателями. В этом плане аккаунты “Гомельской праўды” соответствуют указанным требованиям. Например, на странице газеты в “ВКонтакте” (более 2300 участников) часто можно встретить обсуждения.

Проведенный анализ показал, что брестская областная газета «Заря» также успешно экспериментирует с соцсетями. Она представлена в трех наиболее популярных сетях с общим числом подписчиков более 650 человек. В отличие от «Гомельской праўды», которая делает акцент на продвижение в «ВКонтакте», «Заря» активно использует Twitter. В аккаунте @Zarya_brest оставлено более 3000 записей, на него подписано свыше 500 читателей. Другие областные издания не столь успешны в соцсетях. Например, «Витебские вести» имеют аккаунт только в «ВКонтакте» (504 участника), а «Гродзенская праўда» привлекает аудиторию в «Одноклассниках» (354 подписчика). Отметки «мне нравится» и комментарии к записям встречаются гораздо реже. Страницы характеризуются низкой вовлеченностью пользователей, что проявляется в недостаточной скорости обновления информации и низком уровне обратной связи. Областные издания «Минская праўда», «Могилевская правда», «Могилевские ведомости», «Народная трибуна» в социальных сетях представительств не имеют.

Заключение

Таким образом, технологическая гибридизация медиасистем на цифровой основе, трансформация поведения аудитории, изменение стандартов журналистики приводят к тому, что социальные сети становятся для средств массовой информации Беларуси новыми эффективными каналами коммуникации с пользователями. Использование потенциала социальных медиа поможет сформировать влиятельное интернет-сообщество, увеличить трафик на сайтах, повысить узнаваемость изданий. В ходе исследования установлено, что, с одной стороны, социальные сети можно отнести к средствам массовой коммуникации нового поколения, так как они выполняют все соответствующие функции, с другой же, они остаются средством межличностного общения.

В качестве одного из современных трендов развития информационных процессов отмечено использование новых творческих приемов распространения новостей в социальных сетях. Диверсификация способов доставки оперативного разноформатного контента проявляется в том, что интернет-издания вырабатывают инновационные формы взаимодействия с читателями. Присутствуя в социальных сетях, журналисты обращаются к различным сегментам населения, причем продвижение в каждой из них имеет свою специфику. Установлено, что успешность присутствия СМИ в социальных сетях зависит в первую очередь от качественных характеристик аудитории, в частности, от степени активности пользователей.

В ходе исследования выявлено, что представительства интернет-изданий Беларуси в популярных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Facebook и др. активно развиваются. В то же время некоторые издания игнорируют возможности социальных сетей, лишь формально занимаясь продвижением. Публичные страницы не всегда отличаются оригинальностью и новизной, а лишь копируют давно известные творческие приемы. Более того, активное развитие аккаунтов печатных изданий только началось, а значит, им есть куда стремиться, и в будущем социальные медиа должны стать интегрированной частью стратегии продвижения конвергентного контента. Наличие реальных подписчиков и пусть невысокой, но все-таки активности свидетельствует о том, что такая деятельность востребована и имеет потенциал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Градюшко, А.А.** Современная веб-журналистика Беларуси / А.А. Градюшко. – Минск : БГУ, 2013. – 179 с.
2. **Мацевило, А.Е.** Социальные сети и эффект Нарцисса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.belta.by/?p=1197/>. – Дата доступа : 05.05.2014.
3. **Aaker, J., Chang, V.** Obama and the power of social media and technology // The European Business Review. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.europeanbusinessreview.com/?p=1627э/>. – Дата доступа : 05.05.2014.
4. **Градюшко, А.А.** Социальные медиа как инструмент современной интернет-журналистики / А.А. Градюшко // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2012. – № 2. – С. 69–73.
5. **Пустовалов, А.В.** Новости СМИ в социальных сетях: перспективы успешного распространения / А.В. Пустовалов, М.Ш. Ишматов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 227–239. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rfp.psu.ru/archive/4.2013/pustovalov_ishmatov.pdf/. – Дата доступа : 05.05.2014.
6. **Чабаненко, М.В.** Зближення з аудиторією та інші сучасні напрями розвитку українських інтернет-ЗМІ / М.В. Чабаненко // Держава та регіони : науково-виробничий журнал. Серія “Соціальні комунікації”. – Запоріжжя : КПУ, 2012. – № 2(10). – С. 108–112.
7. **Битков, Л.А.** Социальные сети: между массовой коммуникацией и межличностным общением / Л.А. Битков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 28(282). – С. 36–38.
8. **Потятиник, Б.В.** Интернет-журналистика : навч. посіб. / Б. В. Потятиник. – Львів : ПАІС, 2010. – 244 с.

Поступила в редакцию 19.05.2014 г.

УДК 392.17:316.324

О.П. КОСТЮК

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАЦИЯ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНДИВИДА В СОЦИУМЕ

Статья посвящена проблеме инициации, включающей в себя миф. В статье предоставляется анализ мифологических инициаций в современной культуре в условиях глобализации, как способа идентификации индивида в социуме.

В современной культуре в условиях глобализации, в связи с проблемой внутренней мотивации человека, его самоопределением в новых условиях, актуализируется вопрос о влиянии социума на процессы идентификации индивида. Параллельно происходит глубокая модификация нормативно-ценностной системы и моделей социального, экономического и других видов поведения. Эти и другие факторы обуславливают нестабильность и аморфность социокультурной среды, к которой индивид вынужден адаптироваться. Инициация, как один из наиболее эффективных способов воздействия на индивида в процессе идентификации, привычно рассматривается именно с точки зрения личности и социума. В традиционном смысле инициация (от лат. *initiatio* — вводить, посвящать в таинство) — общее название системы ритуалов и обрядов, относящееся к какой-

либо определенной стадии культуры и имеющее своей целью преодоление конфликта между Эго и социальным контекстом путем приобщения индивида к какому-либо сообществу (возрастному, профессиональному, религиозному и т. д.). Наиболее распространенными формами обрядов инициации являются: очистительные обряды; физические и моральные испытания иницируемого, в т. ч. временная изоляция его от привычного социального окружения; получение нового имени, особых знаков отличия, подчеркивающих социальную грань между иницированными и неиницированными, и др.

По мнению автора, наиболее адекватно можно решить эту проблему с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга. По К.Г. Юнгу и его школы в соответствии с инициацией находится процесс индивидуации. В этом случае вероятным есть наличие конфликта между Эго и идентичностью, причиной чего обычно является или неправильная социализация героя, или тотальный кризис контекста. Привычный социальный контекст в данном случае является помехой для индивидуации личности, в результате чего личность становится инвариантной к любому социальному контексту. З. Фрейд рассматривает личность как единое целое иррациональных бессознательных влечений, а ее содержание и динамика это – единоборство между Оно (бессознательными влечениями) и Сверх-Я (представленными в сознании требованиями общества). С точки зрения А. Адлера, в процессе инициации индивидуумом движет врожденный социальный интерес, заставляющий подчинять частные выгоды общему благу, а мотивация представлена социальными побуждениями. В психологическом смысле инициация, по выражению М. Элиаде, «внеисторическое архетипическое поведение психики». Инициация, как показал мифолог, воспроизводит ситуацию возникновения хаоса и нового творения из него упорядоченного космоса. Проблемой инициации, включающей в себя миф, занимался Клод Леви-Стросс. Изучая соотношение биологического (природного) и социального в человеческом поведении, ученый пришел к выводу, что первичным и основным в нем является наличие формальных структур взаимоотношений между людьми, а мифологическое сознание противостоит индивидуальному как бессознательное – сознательному.

В сакрально-духовной жизни Греции мистерии, в ходе которых происходило инициационное посвящение, восходят к аграрным обрядам, связанным со смертью и воскрешением божества, обеспечивающего плодородие полей. Неофит принимал посвящения, чтобы выйти за рамки человеческих возможностей и получить качества высшего, сверхчеловеческого существа, получить онтологический статус сверхчеловека. Таким образом, инициация выделяла его из массы непосвященных, и включала в сообщество избранных, духовно перерождала и делая равным богам.

Античное мировоззрение базируется на двух главных культах: культе Аполлона и культе Диониса. Аполлон и Дионис символизируют противоположность небесного и земного начал. Аполлон воплощает принцип индивидуализма, он – великолепный божественный образ этого принципа, «...в жестах и взорах которого с нами говорит вся великая радость и мудрость “иллюзии”, вместе со всей ее красотой” [1, с. 61]. Дионис символизирует ужас и восторг: “чудовищный ужас”, охватывающий человека, усомнившегося в формах познания явлений, и “...блаженный восторг, поднимающийся из недр человека и даже природы” [1, с. 61]. Когда нарушен принцип индивидуализма, “разбиты все неподвижные и враждебные границы, установленные между людьми нуждой, произволом и “дерзкой

модой”, ...каждый чувствует себя не только соединенным, примиренным, сплоченным со своим ближним, но единым с ним” [1, с. 62].

В античные времена названные символы были исключительно тотемическими и основывались на вере в сверхъестественную кровную связь представлений общины с каким-либо видом животных, поведение которых определяется как биологическая форма активности, реализующаяся во взаимодействии особи с природным окружением. Гребенникова, изучая биологические корни маски, обращается к миру животных, где рассматривает их поведение в конфликтных ситуациях. В ритуалах угрозы и ритуалах умиротворения животные используют механизмы регуляции агрессии, к которым относятся: устрашающий внешний вид, наличие рогов, клыков, копыт и др., либо напротив – “демонстративное подставление агрессору наиболее уязвимой части тела, сигнализирующее, что животное сдается на милость сильнейшему” [2, с. 23]. Тотемические символы в древнегреческом театре, где театрализованные действия имели форму религиозных мистерий и были адресованы божествам, наследовались жрецами, которые принимали атрибуты этих божеств (маски, элементы прически и костюма), и таким образом, выступали в роли своих небесных покровителей. Исследования, связанные с культом богов, позволяют наглядно охарактеризовать их: Аполлон златокудрый, сребролукий бог, Диониса часто изображали как человека с рогами и, таким образом, он принимал облик козла или быка. Ф. Ницше сравнивал его с бородатым сатиром “заимствовавший от козла свое имя и атрибуты”. Поэтому, представленные символы соответствуют тотемическим животным: Аполлон это – “баран”, Дионис – “козел”. Внешний вид барана, по нашей версии, можно соотнести с волновым паттерном (спираль, локон, завиток); козлу, напротив, соответствует прямолинейность.

“Аполлоновское и дионисийское – философско-эстетические понятия, использованные Шеллингом для описания формы и порядка как олицетворения сущности бога Аполлона в отличие от разрушающих все формы творческих порывов бога Диониса. Согласно Шеллингу, “в человеке... мы находим слепую по своей природе неограниченную производительную силу, которой в том же самом субъекте противостоит осмысленная, себя ограничивающая и формирующая, таким образом, собственно управляющая сила... Быть в одно и то же время опьяненным и трезвым – в этом заключается тайна истинной поэзии. Этим и отличается аполлоновское воодушевление от просто дионисийского” [3, с. 54]. Данное понятие использовали также Гегель, Ницше, Вагнер. В работе “Рождение трагедии из духа музыки” (1871) Ницше рассматривает аттическую трагедию и музыкальную драму Вагнера как отдельные моменты аполлоновского и дионисийского начал. В связи с этим необходимо обращение внимания к проблеме аполлоновского и дионисийского, как к типам начала культур.

В определении данного термина в современном словаре по культурологии сказано: “Аполлоновское и дионисийское – этико-философский-эстетический термин, который ввел знаменитый немецкий философ Ф. Ницше... для модальности-идееноминации двух типов-матриц культур и интродуктивно-эволюционных феноменов экзистенции; по мнению создателя Заратустры” [4, с. 58]. С этой позиции Ницше утверждал, что “поступательное движение в искусстве связано с двойственностью аполлоновского и дионисийского начал” [1, с. 59]. В концепциях Ницше Дионис выражает естественное начало с его чрезмерно-

стью, нарушением пропорцій, гармонії. Аполлон, навпроти, являється олицетворенням искусственного и он, как воплощение принципа индивидуации, не может дать познание сущности вселенной в отличии от Диониса, что является губительно для человека. Человек, погруженный в стихию первобытного, испытывает дионисийское состояние, которое, возникает тогда, когда он наталкивается на “исключение из каких-то положений закона основания, теряет доверие ко всяким формам познания явления”. Мифологические инициации, относящиеся к культуре Диониса, были связаны с изменением состояния сознания, что позволяло выйти в бессознательное и на уровне неконтролируемых разумом эмоций соединиться со своим богом, со всем миром и природой, с “божественным космосом”. В этом контексте Ницше, примеряя с жизнью безобразное и безгармоничное, которое составляет содержание трагического мифа, характеризовал этот процесс с помощью таинственной силы, которая жизненный ужас претворяет в красоту и делает его предметом эстетического наслаждения. С этой позиции можно утверждать, что, будучи носителем двух противоположных стихий, грек в самом себе открывает трагическую бездну, осознав всю трагичность органического человеческого существования, и для преодоления состояния ужаса по отношению к окружающему миру, для того, чтобы существовать, он был вынужден применять инициационные практики, в которых прикрывал свой страшный мир действительности маской аполлонической иллюзии.

Итак, культуру Древней Греции порождают два двойственных начала аполлоническое и дионисийское, ослабление или исчезновение которых ведет к разрушению трагической культуры: аполлонического – впадение в варварство, дионисийского – разложение трагической культуры и формирование нового типа культуры, основанного на господстве разума. При помощи аполлонических импульсов красоты греки постепенно превратили ужасное устройство титанического мира, постигаемое в дионисийском экстазе, в радостный и светлый мир олимпийских богов – посредством мифа и искусства. Именно поэтому, трагическое мировоззрение позволило древним грекам достичь огромных успехов в своем развитии, но рационализация культуры, связанная с эпохой Просвещения, уничтожила истоки ее процветания. Примером дионисийского состояния, согласно Ницше, могут служить толпы плясунов Св. Иоанна и Св. Витта, носившиеся с места на место с песнями и плясками (немецкое средневековье). Христианство усугубило разрыв аполлонического и дионисийского, вознесло его на ступень крайней обостренности, реализовав культ антижизненного бога в противовес жизненному богу, который был и всегда оставался для Ницше Дионис. Но для большинства людей этот разрыв жизни и культуры никакой трагедией не был. Навпроти, он переживался скорее, считает Ницше, как моральный прогресс. Точнее, он даже и не воспринимался как разрыв, а, наоборот, в морали добра и разума, в рационалистической этике, в идеалах платонизма и христианства (христианство, по Ницше, это “платонизм для народа”) жизнь переживалась как стихия, долженствующая подчиняться нормам высших ценностей, конечным источником которых в христианстве считался трансцендентный Бог. Эпоху Возрождения в Италии Ницше характеризовал как глубоко культурную, в отличие от эпохи реформации и революции, она возродила предания античной культуры и на них воздвигла свой небывалый творческий подъем. По Ницше, духовный тип Возрождения есть культурный и творческий тип, а духовный тип реформации означает разрушение церковных и культурных преданий, начало

революционное, а не творческое. В современном для Ницше обществе аполлоническое подчинило дионисийское. И это – трагедия не только в искусстве, но и в духовной жизни общества. Трагическое мировоззрение позволило древним грекам достичь огромных успехов в своем развитии. Но теоретический разум уничтожил древнегреческую культуру, и современное общество обязано восстановить трагическое мировоззрение, чтобы дать новый толчок к развитию искусства и творчества.

В проанализированном исследовании замечено, что для различных культурных эпох было характерно превалирование одного из начал культур: либо аполлоническое – дионисийское, либо дионисийское – аполлоническое, что характеризовало развитие культуры в целом. В глобализованном обществе, в связи с расцветом массовой культуры, что неизбежно приводит к уничтожению культуры в элитарном смысле по Хосе Ортега-и-Гассет, происходит возврат к примитивным обрядам, которые можно рассмотреть на примере самостоятельных культурных сфер (субкультур), как специфически характерных только для единой социальной группы: по способу поведения, общения, проведения досуга, представления о мире, и др. В современной культуре миф уже не является священным повествованием о жизни богов и героев в буквальном смысле слова, а существует в форме проявления упрощенных мифологических инициаций в виде символических и реальных действиях в различных субкультурах, где индивиды объединены, и при этом осознают свою сопричастность к группе, идентифицируют себя с ней. Формирующиеся на национальной, демографической, профессиональной, географической и других основах, современные субкультуры трансформируют миф, который является превращенной формой сознания, лежащей в основе любой культуры и любого общества, по средствам общего имиджа и мировоззрения, что визуально демонстрируется, в частности, на примере прически. Современные субкультуры являются формальным продолжением культур примитивных народов, которые были отвергнуты цивилизацией и возврат которых, фактически является возвратом к истокам. С точки зрения травматического периода, цивилизация – это наша большая травма, и мы благодаря инициации возвращаемся к своим истокам, возвращаемся к примитивным народам. Доказательством племенной сущности имиджа многих субкультур служит то, что их символика имеет глубоко архаическую природу. К такого рода символам можно отнести, например, татуировки, макияж, прически или использование соответствующих аксессуаров и др. Такая система символов хранит в себе информацию о самой субкультуре, ее ритуалах, ценностях, идеалах и т. д., т. е. обо всех параметрах субкультурных совокупных признаков. Рассмотрим некоторые из них.

Для молодежной субкультуры панков, распространенными воззрениями которых является стремление к личной свободе и полной независимости (принцип индивидуализма), характерна прическа “ирокез”, внешний вид которой напоминает прямолинейно оформленные вверх длинные волосы по сагиттальному пробору (до 30 см) шириной у основания 2–4 см. В исследовании можно провести аналогии в происхождении слова с названием группы племен Ирокезы, проживающих в США и Канаде, и в переводе обозначающее – “люди длинного дома”. У ирокезов имелась сложная космогония и развитая календарная обрядность, при этом им присущи традиционные верования, это – культ плодородия, культ “длинного дома”. Характерный облик ирокеза в прошлом создавала прическа, и

в большинстве своем, ирокезские мужчины носили собранный на макушке пучок волос, известный под названием “скальповая прядь”. Головные уборы также были архаичны, выполнялись с использованием перьев, пуха и других дополнений [5].

Одной из психологических основ готической субкультуры (от англ. *Gothic* – в значении варварский, грубый) был “пассивный”, эстетический протест против господствующих культурных стереотипов. Одной из особенностей готического восприятия мира является повышенный интерес к сверхъестественному, к магии и оккультизму: от примитивного использования магических символов как элементов украшения, до изучения традиций, возрождение кельтских магических ритуалов. Готическая эстетика подразумевает все, что характерно для Средневековой Европы: внешний облик (в аналогии с архитектурой) – все узкое, тянущееся ввысь, к небу; таинственная бледность в макияже; внутреннее состояние – интерес ко всему мистическому, мрачность, грусть, близость к природе, отстранение от реальности и простых людей. Прически в готической моде используются в двух вариантах: либо – длинные волосы обычно выпрямляются и выкрашиваются в черный или, напротив, ярко-белый цвет или же оформляются в виде шипов (в этом случае по бокам волосы выбриваются или очень коротко состригаются, а сверху поднимаются и фиксируются) [6].

Растаманы (растафари, растафарианцы) – представители субкультуры, которая зародилась в среде афро-американцев, потомков чернокожих рабов, включающая в себя систему определенных религиозных взглядов: трансформация мифа и Библии в единой вере. Африканские легенды рассказывают о боге Джа – борце за свободу и мир, воине-льве, великом и могучем повелителе и защитнике всех животных. Для идентификации представители данной субкультуры используют специфическую прическу дреды (дредлоки, локи – от англ. *dreadlocks*; устрашающие локоны) – наиболее известное наименование спутанных в локоны волос, которые образуются естественным (если отказаться от ухода за волосами длительное время) или искусственным путем (благодаря определенным методам спутывания волос в локоны). Для растаманов дреды служат напоминанием об африканских корнях, гриве льва-воина, а так же являются частью идеологии, которая звучит так: “Когда наступит Конец Света, бог Джа узнает растаманов по дредам и, зацепив за них, вытащит их”.

На основании приведенных исследований можно заключить, что в современной культуре общество возвращается в чувственную культуру, дионисийскую культуру, и современные субкультуры имеют место при разрушении или недостаточной значимости общекультурного мифологического пласта и, если при этом существует миф, инициация, символ, то образуется особый тип мифологизации культурного сознания, при котором сознание индивида мыслит себя как часть целого, где индивидуальное заключается в оболочку коллективного. Мифологические инициации в субкультурах – это системы символов культуры, которые обеспечивают выполнение людьми программы, направленной на воспроизводство структуры общественных отношений и обеспечение материальной (энергетической) базы существования общества. Миф онтологически связывает субкультуру с господствующей культурой, с идеалами материнской культуры и определяет особенности субкультуры. Таким образом, мифологические инициации представляют собой определенные культурные формы, посредством которых происходит моделирование символической реальности,

оформление внутренней мотивации человека, его самоопределение и идентификации в социуме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ницше, Ф.** Сочинения : в 2 т. – Т. 1 : Литературные памятники / сост., редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1990. – 829, [2] с., 1 л. портр.
2. **Гребенникова, О.М.** Маска в социокультурном пространстве: генезис, функции, сущность : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / О.М. Гребенникова. – Омск, 2006. – 148 с.
3. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий).
4. Современный словарь по культурологии / авт.-сост. В.В. Юрчук. – Минск : Современное слово, 1999. – 736 с.
5. Субкультуры. Неформальные движения молодежи [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://www.subcult.ru>
6. **Хазок, В.К.** Символика молодежной субкультуры готов. “Грани духовного мира”; Гуманитарные исследования [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://www.gothculture.org/kto_2.php

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 82-95: 821.161.1

Т.В. ДАНИЛОВИЧ

ИДЕЯ АВТОНОМИИ ИСКУССТВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Н.И. УЛЬЯНОВА

В статье рассматривается своеобразие литературно-эстетических взглядов Н.И. Ульянова. Утверждаются мысли о его приверженности концепции чистого искусства, стремлении к укоренению ее принципов в литературной жизни второй волны русского зарубежья, где приобретает большую популярность утилитарный подход к литературе, что и вызывает обеспокоенность критика как противника прагматического взгляда на искусство.

Введение

“Имя этого яркого деятеля “второй волны” русской эмиграции мало о чем говорит даже специалистам” [1, с. 281], – отмечалось более двадцати лет назад во вступительной заметке к публикации литературных эссе Н.И. Ульянова. С тех пор ситуация почти не изменилась. Талантливый историк, писатель, литературный критик, Н.И. Ульянов по-прежнему известен немногим¹. Между тем, каждая из его творческих ипостасей заслуживает внимания не только узкого круга специалистов.

Заметным явлением в культурной жизни второй волны русской эмиграции стала литературная критика Н.И. Ульянова, получившая высокую оценку многих выдающихся современников писателя.

¹ Работы Н.И. Ульянова-историка чаще оказываются в поле зрения исследователей и на настоящее время более основательно изучены, а его художественный мир и литературная критика пока осмыслены только на уровне отдельных наблюдений в заметках и статьях о литературе второй волны русского зарубежья и собственно о творчестве писателя ([1–5] и др.).

Основная часть

Суждения Н.И. Ульянова-критика свидетельствуют о нем как о защитнике чистого искусства, который отстаивает важнейшие положения этой концепции, направленные на утверждение автономии литературы: недопустимость видения в искусстве фотографического отображения действительности, подчинения творчества решению внехудожественных задач, эстетического критерия оценки, созданного писателем.

Приверженность мысли о разнородности законов художественного мира и жизни обуславливает негативное отношение критика к творческой установке на подражание реальности, которое он расценивает как “вызов литературной грамотности, всему, воспитанному на понимании “точь-в-точь” не является задачей искусства и не служит его признаком” [6, с. 281]. Восприятию литературы в качестве зеркала действительности Н. И. Ульянов противопоставляет уайльдовскую идею творчества как искусства лжи, усвоенную критиком через посредничество русских писателей: “Федор Сологуб, по словам Г.В. Иванова, считал искусство одной из форм лжи. Многие ли подпишутся под таким определением, – трудно сказать, но одно несомненно: правда в жизни и правда в искусстве – не одно и то же” [6, с. 290–291].

Опора на идею независимости литературы от действительности предопределяет и критическое восприятие Н.И. Ульяновым суждений о связи художественного мастерства с событийно-эмоциональной насыщенностью биографии писателя. Критик иронизирует: “Выходит, что оно (*художественное мастерство*. – Т.Д.) дается не природным талантом, не упорной, мучительной работой над словом, а пятью-десятью годами концлагеря” [6, с. 281].

Первостепенное внимание Н.И. Ульянов уделяет осмыслению последствий замены идеи автономии литературы утилитарным подходом. Свидетельством традиционности для сторонников чистого искусства ульяновской интерпретации этой идеологии является негативная оценка воздействия прагматического отношения к литературе и на творческую психологию писателя, и на читательские вкусы.

Объектом внимания критика становятся прежде всего такие разновидности утилитаризма, как политизация литературы и литературной критики. Н.И. Ульянов проявляет более гибкое понимание взаимоотношений искусства и политики, чем те защитники автономии литературы, которые выступают за изоляцию художника от вопросов общественно-политического звучания. Критик не только не видит в социальной проблематике ущерб для независимости искусства, но и более того, утверждает, что “политический тонус дается произведению без всяких усилий со стороны автора, просто в силу того, что редкий автор не является по природе существом общественным” [6, с. 283]. С точки зрения Н.И. Ульянова, ущемление самостоятельности искусства возникает только в ситуации, когда целью творчества становится не литература как таковая, а обслуживание идеологии, когда не соблюдается требование, “чтобы политика, как и прочие элементы, входила в него (*художественное произведение*. – Т.Д.) на основе подчиненности принципам искусства” [6, с. 283].

Следование Н.И. Ульянова идее автономии искусства отражается и в суждениях о критериях оценки литературы. По мысли критика, значимость произведения в литературном ряду определяется исключительно его эстетическими качествами: “Литература имеет дело только с драгоценными камнями, ценившимися всегда за красоту, а не за бомбардировочные качества” [6, с. 295].

Подобно В.В. Набокову, критиковавшему поклонников “общих” идей в искусстве, Н.И. Ульянов противопоставит распространенной установке причислять к

разряду “больших” художников тех, “что ставят “проблемы”, разрешают “вопросы”, отвечают каким-то нелитературным “потребностям”, у которых писатель затерт бывает религиозным философом, моралистом или общественником, и вокруг которых происходят шумы, ничего общего с литературой не имеющие” [7, с. 73].

Отстаивая эстетический критерий, критик выступает против попыток предъявлять к искусству требование актуальности тематики – главный оценочный принцип, выдвигаемый политизированной критикой. Н.И. Ульянов приводит целый ряд аргументов против навязывания художнику установки на современность звучания темы произведения. Доводы критика оказываются подчинены как доказательству вреда этого требования для искусства, так и утверждению его бесполезности для общественной жизни: отсутствие взаимосвязи между современностью темы и художественностью произведения; необходимость временной дистанции писателя от воплощаемых событий для более глубокого их осмысления; угроза превращения литературы в “беллетризованную публицистику, поставленную на службу какому-нибудь политическому лагерю или направлению” [6, с. 282]; агитационная неэффективность художественно неубедительных произведений; неспособность искусства давать своевременный отклик на горячие события общественной жизни; большая общественная полезность публицистики, чем идеологизированной литературы и др. Доказывая ошибочность подхода к искусству с меркой актуальности, Н.И. Ульянов сам при этом иногда искажает суть художественных явлений (например, утверждая о том, что “героический” характер русской литературы “в значительной степени – легенда, созданная публицистикой 60–70-х годов” [8, с. 315–316]).

Большинство рассуждений критика об утилитаризме и идее автономии искусства являются составной частью или даже определяющим вектором размышлений писателя о судьбе и перспективах развития русской литературы. Такой ракурс ее рассмотрения объясняется тем, что Н.И. Ульянов считает прагматический подход угрозой номер один для русской литературы: “Из всех Сцилл и Харибд, подстерегающих российскую словесность, – это самое страшное” [8, с. 300]. Критик приходит к такому выводу, оценивая место, которое занимает утилитарная эстетика в истории национальной культуры.

Н.И. Ульянов обращает внимание на то, что в отличие от западноевропейских стран, переживших кратковременное увлечение идеологией утилитаризма, в России она основательно прижилась и породила огромное количество “фанатических последователей” [6, с. 282]².

Эстетика шестидесятников, по мысли критика, нанесла колоссальный ущерб русской культуре, спровоцировав появление “не только писателей, старательно вытраивавших и заглашавших в себе художника, но и соответствующего читателя, равнодушного к культуре слова, к сделанности литературного произведения и чуждого какого бы то ни было понимания символичности слова” [8, с. 311]. В оценке деятельности шестидесятников Н.И. Ульянов перекликается с символистской критикой. И это не случайно. О русских декадентах, провозгласивших

² Ср.: А.В. Дружинин в статье “Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения” пишет: “До сих пор новая сентиментальная дидактика в ее применении к литературным вопросам – дидактика, вконец разрушенная во Франции и в Германии, еще гнездится в некоторых частностях нашей критики. До сих пор еще иные русские писатели высокого таланта не разорвали всех связей с нею и, признавая свои личные симпатии за верность каким-то воображаемым теориям, не решаются дать себе полной воли на бескорыстное служение искусству чистому” [9, с. 282].

идею автономии искусства, критик отзывается с явной симпатией, выделяя фигуру В. Брюсова как активного защитника творческой свободы, решительно выступившего против ленинского понимания классовой сути искусства в классовом обществе.

Высокая оценка роли декадентов в процессе формирования в русском обществе нового взгляда на искусство, констатирует с отношением Н.И. Ульянова к советской официальной эстетике, приведшей к подмене “литературного творчества особым видом агитационно-политической словесности, в которой сохранилась только оболочка искусства” [8, с. 299].

К перспективам развития литературы метрополии Н.И. Ульянов относится скептически. В отличие от тех критиков русского зарубежья, которые дифференцированно подходят к оценке советской литературы, замечая и лишённые эстетической ценности конъюнктурные произведения, и заслуживающие внимания художественные явления, Н.И. Ульянов сужает палитру литературной жизни метрополии до тенденциозной литературы. Критик игнорирует факт существования в СССР писателей, цель творчества которых – литература как таковая. По этой причине Н.И. Ульянов оказывается в числе тех литераторов эмиграции, кто придерживается мифа о гибели искусства в советской России. Критик убежден: “Что бы ни писали журналисты, – в СССР ее (русской литературы. – Т.Д.) не существует” [8, с. 299].

Ульяновская характеристика творческих поисков писателей русского зарубежья в оптике вопроса об утилитарной эстетике и идее автономии искусства отличается большей объективностью, чем осмысление литературы метрополии, так как в данном случае критик не выдает господствующую тенденцию за единственную, учитывая реальную многоликость литературной жизни. Считая писателей первой волны приверженцами идеи автономии искусства, Н.И. Ульянов делает оговорки о том, что прагматическое отношение к литературе тоже имело своих сторонников в послереволюционной эмиграции: “Людей с шестидесятилетним складом немало и среди старых” [8, с. 310]. И констатируя преобладание утилитарного взгляда на искусство в писательской среде эмигрантов второй волны, критик отмечает, что и среди них есть художники слова, цель которых – собственно искусство.

Рассматривая утилитарную идеологию как факт литературной жизни русского зарубежья, Н.И. Ульянов уходит от присущего многим эмигрантским критикам одностороннего отождествления прагматической линии в русской литературе XX в. только с советским искусством. Обнажая типологическое сходство политизированных произведений, созданных писателями метрополии и эмиграции, Н.И. Ульянов противостоит росту популярности утилитаризма среди литераторов второй волны. Важность для критика противодействия этой тенденции обусловлена ролью, которую он отводит эмигрантской литературе в истории русского искусства. Сбрасывая со счетов советское искусство, критик видит в писателях русского зарубежья единственных хранителей и продолжателей традиций национальной литературы: “Все, что сохранилось от исторического древа российской словесности, о чем еще можно пещись и что можно спасти – находится здесь, за границей” [8, с. 300]. Поэтому для Н.И. Ульянова перспективы развития литературы в эмиграции – это вопрос о будущем отечественной литературы в целом.

Как и многие писатели русского зарубежья, Н.И. Ульянов хочет, чтобы эмигрантское искусство по своим художественным поискам было альтернативой советскому. При этом в отличие от большинства он не считает, что ее суть

заключается в обращении к антисоветской тематике. Отрицая этот путь, Н.И. Ульянов стоит на защите интересов литературы как таковой, выступая против ее использования в служебной роли. Критик полемизирует с теми, кто утверждает, что в эмиграции второй волны “для чистой литературы нет ни времени, ни пространства, ни денег” [7, с. 309], кто устраивает террор против “объективной”, т. е. неполитизированной критики, кто проводит идею регламентации тематики, кто намерен пресекать доступ в печать «неактуальной» литературы.

Сопоставляя социокультурные условия, в которых прагматизм укореняется в России 1860-х гг., советскую эпоху, русской эмиграции второй волны, Н.И. Ульянов не задается целью разработать типологию разновидностей утилитарного подхода к искусству. Но на основании наблюдений критика можно выделить разные типы реализации утилитарного подхода в конкретных историко-культурных ситуациях. Курс шестидесятников на политизацию литературы – оппозиционная идеология, продиктованная отсутствием свободы печати. Утилитарная эстетика в СССР – навязываемая властями литературная политика, призванная средствами искусства обслуживать интересы правящей партии. Приверженность утилитарному подходу русских писателей за рубежом – добровольный выбор в обществе, где отсутствует государственный пресс, существует свобода слова и печати.

Если социально-политическую атмосферу в России 1860-х гг. и советского времени Н.И. Ульянов воспринимает как естественные условия для процветания прагматизма во взгляде на литературу, то рост его популярности у литераторов второй волны критик считает аномальным.

Политизированность второй волны Н.И. Ульянов объясняет литературным воспитанием, полученным будущими эмигрантами в СССР, ставшими жертвами “советских компрачиков” [6, с. 285]. Это поколение писателей русского зарубежья, по убеждению критика, – потомки шестидесятников, “Писарева, может быть, в руках не державшие, ругающие, вероятно, его как предтечу большевизма, но воспринявшие его учение через советскую школу, через советское искусствоведение, через самую советскую литературу” [7, с. 309]. Однако вряд ли привнесенность из несвободного мира, “власть инерции, школы, воспитания” [6, с. 296] – общая для всех и единственная причина политизированности литературы второй волны. Нельзя исключать и самостоятельное, непосредственное влияние советской эстетики, формирование у ряда писателей-эмигрантов убеждения любыми средствами противодействовать политике СССР, в том числе и с помощью литературы, и публицистичность как результат обретения свободы, когда отсутствие цензурных ограничений вызывает у художника внутренний порыв высказать все то, что было запрещено, что наболело и рвется наружу.

Очевидно, что, с точки зрения Н.И. Ульянова, характерной чертой литературной жизни свободного общества является ее неутилитарный характер, а вовсе не возможность свободы выбора: поклоняться чистому искусству или ориентироваться на социальный заказ. И в данном случае критик более радикален в сопротивлении утилитаризму, чем, например, В.П. Боткин, который, отстаивая идею чистого искусства, пишет: “Никто не думает оспаривать у поэтов права заниматься дидактическими целями...” [10, с. 208]. Н.И. Ульянов именно оспаривает это право, призывая писателей русского зарубежья сосредоточиться на решении собственно художественных задач, так как, по мысли критика, речь идет о будущем национальной литературы.

Заключение

Отстаивая идею автономии искусства, Н.И. Ульянов не стремится разработать новую эстетическую концепцию. Для критика важна актуализация творческих установок и принципов рецепции литературы, подзабытых его современниками. С целью противостояния утилитарной тенденции в художественной культуре второй волны эмиграции Н.И. Ульянов использует традиционные аргументы сторонников чистого искусства. Большинство наблюдений и умозаключений критика о принципах жизнедеятельности искусства, развитии русской литературы сохраняют свою ценность и в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кошелев, В.А.** Н.И. Ульянов. Литературные эссе [Вступительная заметка] / В.А. Кошелев, А.В. Чернов // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 68–71.
2. **Муравьев, П.А.** С болью за Россию / П.А. Муравьев // Бежин луг. – 1994. – № 1. – С. 127–133.
3. **Бондаренко, В.** Возвращение невозвращенцев / В. Бондаренко // Слово. – 1992. – № 1 – 6. – С. 51–55.
4. **Багдасарян, В.Э.** Эссеист и ученый (Н.И. Ульянов) / В. Э. Багдасарян // Библиография. – 1995. – № 2 – С. 77–89.
5. **Прозоров, В.В.** Николай Иванович Ульянов – литературовед Русского Зарубежья / В.В. Прозоров // Литературоведение на пороге XXI века : материалы Международной научной конференции. – М., 1998. – С. 325–330.
6. **Ульянов, Н.И.** Внуки Лескова / Н.И. Ульянов // Критика русского зарубежья : в 2 ч. – Ч. 2. – М., 2002. – С. 279–298.
7. **Ульянов, Н.И.** Б.К. Зайцев (К 80-летию юбилею) // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 73–77.
8. **Ульянов, Н.И.** После Бунина / Н.И. Ульянов // Критика русского зарубежья : в 2 ч. – Ч. 2. – М., 2002. – С. 298–325.
9. **Дружинин, А.В.** Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения / А.В. Дружинин // Дружинин А.В. Литературная критика. – М., 1983. – С. 122–175.
10. **Боткин, В.П.** Стихотворения А.А. Фета... / В.П. Боткин // Боткин В.П. Литературная критика; Публицистика; Письма. – М., 1984. – С. 192–234.

Поступила в редакцию 25.03.2014 г.

УДК 81'276

Е.В. РУБАНОВА

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПОДЪЯЗЫК: НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Статья посвящена освещению основных ракурсов и результатов исследований компьютерного сленга в свете изучения компьютерного подъязыка и компьютерного дискурса. Автор доказывает необходимость создания единой типологии компьютерного подъязыка с учетом ряда факторов, а также дифференциации понятий компьютерного термина, профессионализма, жаргонизма, сленгизма, жаргонного термина, терминологического сленгизма, используемых в современных исследованиях указанной проблематики.

Введение

В конце XX в. внимание лингвистов привлекла активно развивающаяся подсистема языка, возникшая в результате появления и распространения компьютеров и Интернета. В результате сегодня на страницах научных публикаций можно встретить ряд терминов, которые отражают языковые явления, наблюдаемые в сфере коммуникации лиц, связанных, так или иначе, с миром компьютерных технологий. Помимо компьютерной терминологии (“терминология компьютерной информатики” Т.В. Акулинина, “компьютерная терминология” И.Л. Комлева, М.А. Лобанова, “терминология Интернет” М.С. Шумайлова, “компьютерные термины” Е.А. Юхмина) в фокус внимания исследователей попал и разговорный пласт лексики, используемый компьютерщиками в сфере неформального общения. Данная статья направлена на освещение основных ракурсов и результатов исследований компьютерного сленга в свете изучения компьютерного подязыка и компьютерного дискурса.

Термин “подязык” используется лингвистами не случайно, так как, на наш взгляд, на сегодняшний день отсутствует единый подход к типологии компьютерного подязыка, существуют различные терминологические обозначения этого подязыка и его подсистем, предлагаются разнообразные определения идентичных терминов. Среди формулировок объектов исследований, интересующей нас тематики, встречаются: «подязык» (“подязык общения программистов” О.В. Ворон, “компьютерный подязык” Н.Н. Кошкарлова, Н.К. Ерёмкина, “подязык компьютерной техники” И.А. Беликова, “подязык информационных технологий” Е.Н. Руденко), “социолект” (“компьютерный социолект” Е.Б. Русакова), “компьютерная лексика” (О.А. Кармызова), “компьютерный жаргон” (Е.В. Лушникова, Е.Н. Руденко, М.В. Барт), “компьютерно-интернетовский жаргон” (В.М. Лейчик, В.Ю. Павлов), “компьютерный сленг” (А.В. Чубарова, Н.В. Виноградова). В литературе на английском языке и словарях компьютерной лексики находим термины: *slang, jargon, techspeak, cyberspeak, lingo*.

Перечень работ, посвященных изучению языка компьютерного сообщества, довольно полно представлен в диссертации М.В. Барт, которая указывает на активное изучение в современном зарубежном языкознании дискурса в сети Интернет, чему посвящены труды лингвистов L.-J. Calvet [1973], D. Crystal [2001], R. Geers [1998], M. Naase [1997], S.C. Levinson [1990]. Представители отечественного языкознания концентрируют свое внимание преимущественно на узусе компьютерной лексики: терминосистеме и ее отдельных предметных областях и подобластях: Орлова [2008], Комлева [2006], Шумайлова [2005], Виноградова [2003], Беликова [2004]. Компьютерная терминология становится объектом активного лингвистического изучения на материале английского [Акулинина, 2003; Князев, 2006], немецкого [Палкова, 2005], испанского [Лобанова, 2009], болгарского [Благодеева, 2005], арабского [Синькова, 2007] языков. В плане сопоставления проводятся исследования специфики компьютерного дискурса на английском и русском языках, особое внимание при этом уделяют жанру компьютерных конференций [Галичкина, 2001], функционально-игровому аспекту [Антонова, 2004], а также функционированию языка на Web-страницах [Атабекова, 2004]. Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона анализируются в английском, французском и русском языках [Лушникова, 2003]. Русский компьютерный жаргон рассматривается как лингвокультурный феномен [Шейгал, 1996]; изучаются его лексический, семантический и коммуникативный аспекты [Ворон, 1999]; исследуются его структура и развитие [Кармызо-

ва, 2003]; работы посвящаются его статистическому и лексикографическому моделированию и выполняются в рамках прикладной и математической лингвистики [Кутузов, 2006]; компьютерный жаргон рассматривается с позиции лексико-фразеологической системы [Русакова, 2007]; исследователей интересуют психолингвистические особенности взаимодействия пользователя и компьютера [Занадворова, 2008] [1]. К данному перечню следует добавить работы, направленные на изучение теории компьютерного дискурса (Н.А. Ахренова, Е.Н. Галичкина, Е.И. Горошко, Л.Ю. Иванов, В.И. Карасик, П.Е. Кондрашов, О.Е. Котова, М.Л. Макаров, Г.Н. Трофимова, Н.Б. Рогачева), в которых рассматриваются понятия “компьютерное общение”, “компьютерная коммуникация”, “язык интернет”, “компьютерный дискурс”, “виртуальный дискурс”, “Интернет-коммуникация”. Подобные исследования сосредоточены на определении конститутивных признаков компьютерного дискурса, языковых особенностях в электронных средствах коммуникации, речевых жанрах Интернет-коммуникации [2].

Основная часть

С одной стороны, очевидно, что компьютерный подъязык вызывает активный интерес исследователей. Возникшие изменения в языке происходят на наших глазах, провоцируя возросший интерес исследователей к этой языковой подсистеме. С другой стороны, следует констатировать, что неоднородность компьютерного подъязыка обуславливает необходимость более четкого определения его подсистем, их отличительных черт, функций и статуса. Безусловно, следует согласиться, что “люди, чья деятельность связана с компьютерами, представляют собой своеобразную социальную группу. Они объединены не только общей профессией, но и общими корнями, опытом, отношением к жизни и являются выразителями определенной субкультуры, которая имеет свои особенности” [3, с. 246]. Однако необходимо также принимать во внимание и мнение представителей этого сообщества, в том числе Э. Реймонда, который представляя языковой материал, включенный в словарь “The New Hacker’s Dictionary”, говорит о существовании в упомянутом сообществе различных субкультур (“various subcultures of computer hackers”, “the ‘hacker culture’ is actually a loosely networked collection of subcultures that is nevertheless conscious of some important shared experiences, shared roots, and shared values”) [4]. Слово ‘hacker’ в данном случае имеет значение ‘компьютерщик’ и не является эквивалентом слова ‘хакер’ в русском языке.

С начала компьютерной революции все больше увеличивается количество людей, которые имеют отношение к компьютерам. Среди них и профессионалы, люди, чья профессия связана с компьютерами и компьютерными технологиями, и непрофессионалы, люди, использующие компьютеры для других целей. В связи с таким делением А.Б. Кутузов говорит о существовании двух пересекающихся групп – компьютерных специалистов (профессионалов) и компьютерного сообщества (“компьютерщиков”), подъязыки которых существенно отличаются [5, с. 8]. Эти группы неоднородны по своему составу. В среде профессионалов работают программисты, хакеры, Web-дизайнеры, системщики и другие специалисты, которые используют различный лексический инструментарий.

Ю.А. Хуснуллина указывает на деление пользователей информационных сетей на профессиональных и ординарных. Для обозначения пользователя ПК в английском языке существуют следующие лексические единицы: user – пользо-

ватель, net-user – пользователь информационных сетей, newbie, neophyte – новичок, loser<loser+user, luzer, luzzer – неумелый пользователь, lamer – ламер, guru – гуру интернета, властелин сети, advanced user – профессионал, опытный/уверенный/ продвинутый/ активный пользователь интернетом и др. “Перечисленные номинации переводят компьютерное сообщество на качественно новый уровень. Представляется возможным констатировать появление новой разновидности социума с отличными от общепринятых статусами и стратами, а также способами их изъяснения” [2].

Дифференциация языка профессионалов и пользователей обусловлена не только уровнем компетентности, но и их возрастными характеристиками, интересами. Любители компьютерных игр, например, используют различный набор языковых средств в зависимости от предпочтений в выборе компьютерных игр. В настоящий момент создаются словари компьютерных игр (например, словарь пользователя “Lineage 2”). Учитывая язык Интернет-пользователей, следует принимать во внимание различные средства обмена информацией: электронную почту, чаты, блоги, форумы, мессенджеры, социальные сети, гостевые книги, телеконференции или группы новостей и их языковую специфику. Н.А. Ахренова утверждает, что за пять лет своего существования Твиттер как один из наиболее ярких примеров микроблогов развил свой собственный язык twitspeak, живет по своим законам или этикету – твититкету, имеет свою уникальную структуру [6].

В связи с вышесказанным вполне правомерно говорить о неоднородности компьютерного подъязыка и наличии различных подсистем внутри него. Поэтому дальнейшие шаги в изучении языка компьютерного сообщества должны быть направлены на создание типологии подсистем компьютерного языка. При создании такой типологии следует, на наш взгляд, учитывать в первую очередь:

- 1) общенациональные различия;
- 2) территориальные различия;
- 3) профессиональную принадлежность и характер деятельности;
- 4) уровень профессионализма, компетентности;
- 5) личные интересы и пристрастия;
- 6) средство обмена информацией;
- 7) цель и сферу общения.

Как известно, использование компьютерной терминологии обусловлено рамками официальной сферы общения. Однако очевидно, что общение компьютерщиков может происходить и в рамках неофициальных ситуаций. Так что же представляет собой неформальный разговорный вариант компьютерного подъязыка?

Э. Реймонд в предисловии к словарю “The New Hacker’s Dictionary”, предпринимая попытку разграничения понятий “slang”, “jargon”, “techspeak”, не дает четкого разграничения этих понятий и утверждает, что “however, the ancestor of this collection was called the ‘Jargon File’, hacker slang is traditionally ‘the jargon’” (здесь и далее перевод наш – “хотя предыдущий словарь получил название “Собрание жаргона”, сленг компьютерщиков традиционно называется жаргоном”) [4]. Сравните предложенные автором определения:

- slang: informal language from mainstream English or non-technical subcultures (bikers, rock fans, surfers, etc);
- jargon: without qualifier, denotes informal ‘slangy’ language peculiar to or predominantly found among hackers;

• techspeak: the formal technical vocabulary of programming, computer science, electronics, and other fields connected to hacking [4].

Таким образом, используя термин “jargon” в отношении разговорного языка компьютерщиков, Э. Реймонд имеет в виду сленг. Разграничение терминов “jargon” и “slang” базируется на дифференциации носителей данных подсистем: ‘non-technical subcultures’ – hackers. Разграничение терминов “jargon” и “techspeak” основывается на сфере употребления: formal – informal. Вместе с тем, Э. Реймонд отмечает, что грань между ними очень тонкая, так как “a lot of techspeak originated as jargon, and there is a steady continuing uptake of jargon into techspeak. On the other hand, a lot of jargon arises from overgeneralization of techspeak terms” [4]. Чтобы внести ясность, автор словаря относит к понятию “techspeak” единицы, представленные в учебниках, технических словарях, документах. Другими словами, по-видимому, Э. Реймонд подразумевает в данном случае устоявшуюся компьютерную терминологию или профессионализмы. Таким образом, даже данный краткий обзор вновь подтверждает необходимость упорядочения терминологии в отношении американского компьютерного подязыка. Тем не менее, на наш взгляд, термин “сленг” более употребителен при описании и лексикографической фиксации английского языка неформального общения компьютерщиков.

В исследованиях русского компьютерного языка также встречаются различные термины для обозначения рассматриваемого понятия. Так, компьютерный сленг в понимании А.Б. Кутузова, исследователя дискурса русских сетевых форумов – это специальный социолект неформального сообщества любителей компьютеров, которые явно осознают себя, как выделенную социальную группу. Таким образом, А.Б. Кутузов вводит такой критерий для дифференциации компьютерного сленга как социально-профессиональную характеристику. Компьютерный сленг противопоставлен как литературному языку, так и профессиональному языку компьютерных специалистов. Он включает специфические слова и фразеологизмы, непонятные профанам, но более экспрессивные, полисемичные и широкоупотребительные, чем профессионализмы. Примеры русскоязычных компьютерных сленгизмов: комп, моник, разгонять [5, с. 8].

А.Б. Кутузов разграничивает понятия “сленгизм”, “жаргонизм” и “профессионализм” по функциям и по социальным характеристикам использующих эти лексические единицы. По мнению А.Б. Кутузова, функционально профессионализмы – это единицы, способствующие обмену специфической профессиональной информацией при помощи субстандартных средств языка. Функция жаргонизмов – обособить изолированную группу от общества, и “здесь компьютерные специалисты, предстают уже не столько как профессионалы, сколько как социальное явление, некая группа со своим менталитетом” [5, с. 9]. А.Б. Кутузов утверждает, что в соответствии со сферой общения компьютерные профессионализмы употребляются в условиях рабочей или учебной ситуации, связанной с деятельностью компьютерных специалистов. Жаргонизмы используются в устном общении компьютерных специалистов в ситуациях, не связанных с их профессиональной деятельностью. Субстандартные образные слова и фразеологизмы, обозначающие объекты компьютерной концептосферы и получившие широкое распространение, становятся компьютерными сленгизмами. Их понимают “компьютерщики” всего русскоязычного пространства [5, с. 9–10]. Однако, несмотря на такую дифференциацию сам А.Б. Кутузов отмечает, что жаргонизмы несколько похожи на сленгизмы.

М.В. Барт трактует русский компьютерный жаргон как средство языкового обособления общности людей, чьи профессиональная деятельность и интересы связаны со сферой информатики и вычислительной техники, компьютерной индустрии, высоких технологий [1]. Таким образом, исследователь не разграничивает профессионалов и любителей, как это делает А.Б. Кутузов. “Профессиональный компьютерный жаргон, то есть тот слой лексики, который используется в общении на профессиональную тему специалистами и пользователями компьютеров, предстает как живой и подвижный пласт языка, имеющий свою структуру, законы формирования и развития” [1].

А.В. Чубарова использует термин “компьютерный сленг” в том же значении, что М.В. Барт – термин “компьютерный жаргон”: “компьютерный сленг служит для общения людей одной профессии – программистов или просто людей, использующих компьютер для какой-то цели”, “компьютерный сленг ... слова, употребляющиеся только людьми, имеющими непосредственное отношение к компьютерам в повседневной жизни, заменяющие профессиональную лексику и отличающиеся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской” [7, с. 126]. Н.В. Виноградова использует термины “компьютерный жаргон” и “компьютерный сленг” как синонимы [8].

Вышесказанное позволяет утверждать, что проблема неоднозначности трактовки терминов “жаргон”, “сленг” в современной лингвистике актуальна и в отношении языка компьютерного сообщества. Кроме того, возникает вопрос разграничения компьютерных терминов и профессионализмов, с одной стороны, и сленгизмов / жаргонизмов, с другой стороны. Их очевидное различие (сфера употребления) осложняется тем фактом, что для образования компьютерных жаргонизмов часто используются термины и профессионализмы, “которые преобразуют форму и/или содержание в процессе их рецепции компьютерным подязыком; морфологическая, лексико-семантическая или синтаксическая трансформация терминов или профессионализмов способствуют изменению лингвистического статуса данных единиц, способствуют их изменению и переосмыслению, ведут к их стилистической сниженности” [9]. А.Б. Кутузов указывает на сходство функций компьютерных терминов и компьютерных сленгизмов, обозначающих специальные понятия, “терминологические сленгизмы служат источником новых терминов в рамках процесса ретерминологизации, а термины, в свою очередь, пополняют лексический запас компьютерного сленга в процессе жаргонизации)” [5, с. 11]. Такие наблюдения дают А.Б. Кутузову основание называть компьютерные сленгизмы терминологическими. Напомним, что в монографии Т.М. Беязовой, В.А. Хомякова “Нестандартная лексика английского языка” находим понятие “жаргонный термин”. По мнению авторов, каждый жаргонный термин требует описательного толкования, а не синонимического определения, что характерно обычно для жаргонизмов [10]. Таким образом, в соответствии с вышеизложенным констатируем, что исследователи компьютерного языка и составители словарей компьютерной лексики сталкиваются с проблемой дифференциации компьютерного термина, профессионализма, жаргонизма, сленгизма, жаргонного термина, терминологического сленгизма.

Далее остановимся кратко на характеристике языка неформального общения представителей компьютерного сообщества. Для этого привлечем данные исследований компьютерного сленга / жаргона.

Характеризуя черты компьютерного сленга / жаргона, исследователи практически единодушно отмечают:

1) графический канал передачи информации, наличие доминирующей письменной формы;

2) высокие темпы развития, динамичность;

3) “заикленность” на реалиях компьютерного мира;

4) непрерывную пополняемость (“Подвижность, текучесть и неустойчивость лексического состава проявляются в широких синонимических рядах и в высокой степени детализации наименований, специализации языковых средств” [1]);

5) проникновение во все слои общества, широкую распространенность по сравнению с другими профессиональными подъязыками;

6) тенденцию к полифункциональности лексических единиц [8] (“...каждая ... единица должна служить собственно “сленговой” функции, узко понимаемой как неформальное общение носителей данного жаргона, но с другой стороны, она обслуживает также их профессиональные нужды, то есть выступает как профессионализм. Кроме того, во многих случаях она претендует в перспективе своего употребления на то, чтобы стать элементом лексической системы общелитературного языка” [8]);

7) эмоциональность, юмор.

Среди черт, сближающих компьютерный сленг / жаргон с другими жаргонами, указывают на: искаженность, вульгарность, неправильность речи; переосмысление, метафоризацию, звуковое искажение, усечение лексических единиц литературного языка; деление лексики на “производственное ядро” и специфический “общецытовой словарь” (экспрессивного характера); возможность обмена словами с другими жаргонами и проникновения в литературный язык; нарушения словообразовательных норм, фонетическую неустойчивость и вариативность [11, с. 94].

Как отмечает Н.В. Виноградова, характерной для ряда жаргонов принято считать функцию “засекречивания”. Что же касается компьютерного подъязыка, то, с одной стороны, тексты на данном жаргоне непонятны для лиц, с ним незнакомых. “В этом смысле компьютерный подъязык как будто бы частично реализует задачи “секретности”. Однако вряд ли правомерно утверждать, что он “создавался” именно для этой цели. Во всяком случае мы не можем привести в качестве подходящего примера ни одной лексемы” [8]. По мнению, Н.В. Виноградовой сам подъязык совершенно “открыт” для усвоения. Это проявляется в том числе в стремлении его носителей к созданию большого количества словарей, разъясняющих единицы данного подъязыка достаточно подробно [8]. Подтверждение данной мысли находим у других исследователей. Сообщество компьютерщиков – достаточно закрытая социальная группа, но замкнутость не носит конспиративный характер, а является своего рода “коллективной игрой”, знаком принадлежности к группе [3, с. 247]. “Переосмысление стандарта происходит с установкой на экспрессию и высокую выразительность, благодаря чему модели характеризуются экспансивным характером. При этом программисты и пользователи компьютера не пытаются эзотеризироваться от ‘непосвященных’. Ими движет желание самовыразиться и передать свое отношение и оценку” [1]. “As usual with slang, the special vocabulary of hackers helps hold their culture together – it helps hackers recognize each other’s places in the community and expresses shared values and experiences. Also as usual, **not** knowing the slang (or using it inappropriately) defines one as an outsider” [4].

В.Н. Виноградова приходит к выводу, что компьютерный сленг выполняет те же наиболее важные функции, что и человеческий язык: 1) коммуникатив-

ную (функция средства общения); 2) когнитивную; 3) консервирующую (функция сбора и хранения информации); 4) эстетическую; 5) эмоционально-экспрессивную; 6) фатическую (контакто-устанавливающая); 7) метаязыковую. В качестве особой разновидности фатической функции упоминается “сигнальная” функция. Она проявляется в создании оппозиции “свой” – “чужой” и в опознании и индикации “своих”. “Использование уже хотя бы нескольких лексем данного подязыка в процессе общения служит паролем, после которого собеседник обнаруживает готовность, либо неготовность к коммуникации” [8]. Еще одной важной функцией компьютерного подязыка, которая может рассматриваться как особая разновидность эмоционально-экспрессивной, является “карнавальная” функция. Она заключается в обязательном привнесении иронического и/или юмористического коннотативного элемента в семантику единиц [8].

Заключение

Таким образом, несмотря на возросший интерес исследователей к компьютерному подязыку, остается ряд вопросов, требующих уточнения. Неоднородность компьютерного подязыка обуславливает необходимость более четкого определения его подсистем, их отличительных черт, функций и статуса. При создании типологии компьютерного подязыка следует учитывать общенациональные различия, территориальные различия, профессиональную принадлежность и характер деятельности, уровень профессионализма, компетентности, личные интересы и пристрастия, средство обмена информацией, цель и сферу общения. Исследователи компьютерного языка и составители словарей компьютерной лексики сталкиваются с проблемой дифференциации компьютерного термина, профессионализма, жаргонизма, сленгизма, жаргонного термина, терминологического сленгизма. Проблема неоднозначности трактовки терминов “жаргон”, “сленг” в современной лингвистике актуальна и в отношении языка компьютерного сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Барт, М.В.** Словообразовательные модели современного русского компьютерного жаргона : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.В. Барт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kzdocs.docdat.com/docs/index-5888.html>
2. **Хуснуллина, Ю.А.** Структурно-семантическая и функциональная специфика аббревиатур компьютерного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю.А. Хуснуллина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/strukturno-semanticheskaya-i-funktsionalnaya-spetsifika-abbreviatur-kompyuternogo-diskursa>
3. **Ермакова, О.И.** Этика в компьютерном жаргоне / О.И. Ермакова // Логический анализ языка : Языки этики ; отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 246–253.
4. The New Hacker’s Dictionary [Electronic resource] / ed. Eric S. Raymond. – The MIT Press, 1996. – Mode of access : http://www.outpost9.com/reference/jargon/jargon_toc.html
5. **Кутузов, А.Б.** Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / А.Б. Кутузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tc.utmn.ru/files/autoreferat.pdf>
6. **Ахренова, Н.А.** Лингвистические особенности микроблогов / Н.А. Ахренова // Альманах современной науки и образования. – № 9(52). – 2011. – С. 119–121.

7. **Чубарова, А.В.** Компьютерный сленг / А.В.Чубарова // Социальные варианты языка : тез. докл. Междунар. науч. конф., Н. Новгород, 25–26 апреля 2002 г. / НГЛУ ; редкол.: Г.В. Глинских [и др.]. – Н. Новгород, 2002. – С. 126–127.
8. **Виноградова, Н.В.** Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции / Н.В. Виноградова // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 203–216. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradova-01.htm>
9. **Лушникова, Е.В.** Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона (На материале русского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Лушникова. – Саратов, 2003. – 24 с.
10. **Беляева, Т.М.** Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 136 с.
11. **Лейчик, В.М.** Компьютерно-интернетовский жаргон на современном этапе / В.М. Лейчик, В.Ю. Павлов // Социальные варианты языка : тез. докл. Междунар. науч. конф., Н. Новгород, 25–26 апреля 2002 г. / НГЛУ ; редкол.: Г.В. Глинских [и др.]. – Н. Новгород, 2002. – С. 93–96.

Поступила в редакцию 29.01.2014 г.

УДК 821.161.3.09-1

А.В. ГИРИНА

СУЧАСНАЯ ВІЗУАЛЬНАЯ ПАЭЗІЯ: ГРАФІЧНЫЯ ФОРМЫ АДЛЮСТРАВАННЯ ЗМЕСТУ

У артыкуле візуальная паэзія разглядаецца як авангардны накірунак на стыку паэзіі і выяўленчага мастацтва. Выяўлена, што сучасныя візуальныя творы характарызуюцца мнагаслойнасцю, нестандартнасцю і шматграннасцю вырашэння паэтычнай думкі, а найбольш адметнай прыкметай візуальнай паэзіі з'яўляецца наяўнасць вербальных кампанентаў. Зроблены высновы аб тым, што візуальная паэзія яшчэ не аформілася як жанр або літаратурны напрамак; інфармацыйныя тэхналогіі дазваляюць выкарыстоўваць разнастайныя тэхнікі і метадыкі; у сучаснай беларускай візуальнай паэзіі назіраецца пераемнасць наватарскіх падыходаў, пошук новых мастацкіх ідэй і форм.

Уводзіны

Нягледзячы на тое, што візуальная паэзія мае шматвекавую гісторыю, сам тэрмін у сучаснай лінгвістыцы не мае адназначнай трактоўкі, да таго ж, у навуковай літаратуры функцыянуюць дублетныя назвы таго ж самага паняцця (фігурныя вершы, вершаграфіка, відэапаэзія, медыяпаэзія і інш.), што таксама паказвае на неаднастайнасць вызначэння сутнасці візуальнай паэзіі. У навуцы яшчэ не ў поўнай меры выяўлены падыходы да адказу на пытанне аб тым, паводле якіх крытэрыяў той ці іншы твор можна аднесці да візуальнай паэзіі, не выпрацавана агульнапрынятага азначэння, няма згоды адносна візуальнай паэзіі як віду або жанру мастацтва. Найбольш трапнае вызначэнне сутнасці паэзіі, на нашу думку, належыць В.П. Рагойшы. Ён тлумачыць паэзію як “эмацыянальна-вобразную вершаваную творчасць” [1, с. 155] і прапануе карыстацца наступнымі суадносінамі паняццяў (ад агульнага да прыватнага): *род – від – жанр*.

Мэта: даць агульную характарыстыку некаторых тыпалагічных асаблівасцей сучаснай беларускай візуальнай паэзіі.

Задачы: разгледзець падыходы сучасных аўтараў да вызначэння сутнасці візуальнай паэзіі; прааналізаваць некаторыя формы размеркавання графічных слоў на плоскасці; вызначыць спецыфічныя рысы беларускай візуальнай паэзіі.

Асноўная частка

Сучасныя даследчыкі візуальнай паэзіі і самі паэты даюць самыя разнастайныя значэнні візуальнай паэзіі. Як мяркуе Ю. Гік, “пад візуальнай паэзіяй разумеюць размыты культурны феномен, які знаходзіцца ў багатым зазоры паміж літаратурай і візуальнымі мастацтвамі” [2, с. 56]. У такое значэнне ўкладваецца і канкрэтная паэзія, і фігурная паэзія, і многае іншае.

К. Кедрэў сцвярджае, што “мяжы паміж візуальнай паэзіяй і проста ілюстрацыяй да тэксту практычна няма” [3]. Нават паэты-візуалісты часта самі не адрозніваюць візуальную паэзію ад графічных ці іншых выяўленчых твораў. Толькі зыходзячы з вызначэння самога аўтара ці аўтарскага каментарыя, дзякуючы такой зададзенасці ў загаловку або размяшчэнню ў кантэксце іншых вершаў можна сказаць, што гэта візуальная паэзія. Напрыклад, наўрад ці можна лічыць паэтычным наступны візуальны твор:

П. Андруковіч. “Ветер”

Сучасныя паэты і даследчыкі даюць розныя значэнні візуальнай паэзіі. С.Я. Бірукоў лічыць, што “візуальная паэзія – паэзія пад мікраскопам. Гэта перабольшаная паэзія або перабольшанне паэзіяй уласных правоў. Паэзія хоча быць усім, але перш за ўсё яна хоча быць бачнай” [4, с. 12]. Т. Хархур піша, што “дзесяці на звільістай мяжы паміж выяўленчым мастацтвам і літаратурай, у туманых нізінах, дзе жывапіс асабліва блізка падыходзіць да паэзіі, нараджаецца новы жанр у мастацтве – візуальная паэзія” [5, с. 8]. Такім чынам, аўтары падкрэсліваюць значнасць графічных складнікаў гэтага жанру, яго візуалізацыі. С. Сігей так апісвае працэс узнікнення візуальных вершаў: “Як толькі паэты пачынаюць думаць пра тэхніку вырабу верша, пачынаецца ўласна візуальная паэзія. Інакш кажучы – паэты ператвараюцца ў мастакоў, але ствараюць пры гэтым вершы. Візуальны верш пераважна гаворыць глядачу мовай жывапісу” [6].

Аптымістычна гучаць словы Т. Назаранкі аб перспектывах візуальнай паэзіі ў XXI ст.: “Пры ўсёй неадэкватнасці і недакладнасці дадзенага тэрміна – яна нарэшце перастане быць ззатэрычнай формай крэатыву і пасля стагоддзяў мар-

гінальнага вопыту паступова пачне асвойваць перавагі магістральнага становішча ў мастацка-літаратурным працэсе. Можна выказаць здагадку, што ў найбліжэйшай будучыні візуальная паэзія атрымае поўную аўтаномію як асобны і ўнікальны від літаратурна-выяўленчай творчасці, што будзе адпаведным чынам замацавана і ў яго назве” [7].

Больш памяркоўны погляд на сучасную паэзію выказваюць беларускія даследчыкі. Так, А.І. Бельскі адзначае, што творчасць паэтычнай моладзі ў 90-я гг. асабліва красамоўна раскрывае характар пошукаў сучаснай паэзіі. На думку аўтара ў сённяшняй паэзіі ёсць свае выдаткі, пралікі. “Новай”, супермадэрновай, напрыклад, аб’яўляецца версіфікацыя, дзе пануе гульня словам у імя гульні, сапраўды штучная словатворчасць. Нярэдка радок ператвараецца ў шыфроўку-рэбус, алгарытм, гучаць цьмяна-сухія абстракцыі, незразумелае філасофстваванне, дзе на ўзроўні тэксту валадарыць хаос, разбэрсанасць думкі-пачуцця [8, с. 69].

Беларускі паэт і літаратуразнавец В. Жыбуль для абазначэння твораў, якія нараджаюцца ў гэтых пошуках, прапануе карыстацца тэрмінам “візуальная паэзія”. Аўтар падкрэслівае, што значную ролю ў станаўленні беларускай візуальнай паэзіі адыгралі сувязі з літаратурамі суседніх народаў, а таксама прызнае той факт, што параўнальна з іншымі краінамі ў плане стварэння “фігурных вершаў” ды іншых праяў візуальнай паэзіі, то нашы пакуль яшчэ сціплыя набыткі ў гэтай галіне” [9, с. 107].

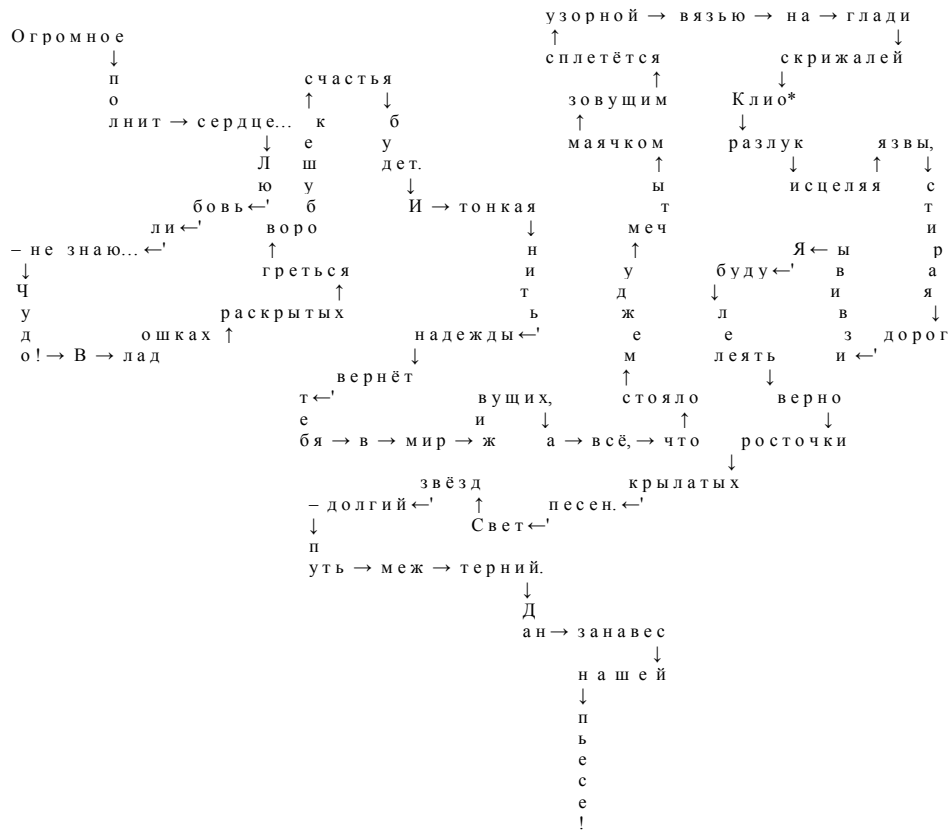
Нягледзячы на розныя падыходы, даследчыкі візуальнай паэзіі не супярэчаць адзін аднаму ў тым, што візуальная паэзія – авангардны накірунак на стыку паэзіі і выяўленчага мастацтва, які аб’ядноўвае слова і зрокавы вобраз; візуалізацыя тэксту графічнымі элементамі пашырае яго вобразнае і сэнсавое значэнне. На нашу думку, найбольш важнай прыкметай візуальнай паэзіі з’яўляецца наяўнасць такіх вербальных кампанентаў, як літары, склады і словы.

Для разумення візуальнай паэзіі важна заўвага К.А. Слуцкай аб тым, што на працягу яшчэ няскончанай эвалюцыі гэтага жанру адно заставалася нязменным: візуальная паэзія заўсёды прадугледжвала гульнявы кампанент у выглядзе запрашэння да сааўтарства, нетрадыцыйнага размяшчэння вербальнага элемента або шрыфтавога вар’іравання ці моўнай гульні [10, с. 53].

Найбольш выразнымі з’явамі, якія ілюструюць візуальную паэзію, з’яўляюцца такія формы, як акраверш, тэлеверш, мезаверш, лабірынт, паліндром і іншыя, яшчэ больш ускладненыя формы размеркавання графічных слоў на плоскасці. М. Багдановіч напісаў надзвычай арыгінальны, першы ва ўсходнеславянскай паэзіі “Четверной акростих”, што аб’ядноўвае прыметы акраверша, тэлеверша і мезаверша:

Ах, как умеете Вы, **А**нна,
Не замечать, что я влюблен.
Но все же шлю я Вам не стон,
А возглас радостный: **осанна!**
 М. Багдановіч. “Четверной акростих”

Яскравым прыкладам лабірынта можа быць верш Т. Манковай “Ариадна”:

Т. Манкова. “Ариадна”

Адной з разнавіднасцяў паэтычнай графікі з’яўляюцца паліндромы. Галоўнай асаблівасцю ўжывання паліндрома ў візуальнай паэзіі з’яўляецца яго спалучальнасць з графікай, у выніку чаго яркі і складаны стылістычны прыём павялічвае сваю экспрэсіўнасць і нарошчвае сэнс за кошт незвычайнага графічнага рашэння. На думку А. Бубнава, “паэзія падобна матэматыцы і нават электроніцы. Дваічная сістэма: ёсць ток і няма току. Гэтак жа і паэтычныя атамы. Асабліва наглядна гэта відаць на прыкладзе паліндромаў. Ва ўсім свеце гэта гульня. Але асабіста я лічу гэта вышэйшай паэзіяй, бо тут кожная літара на сваім месцы” [11]. Яскравым прыкладам творчасці А. Бубнава з’яўляецца твор “Посвящение Гийому (ви- зуопалиндромный перевод каллиграмм)”:

А. Бубнаў. “Посвящение Гийому (визуопалиндромный перевод каллиграмм)”

Як прыклад моўнай гульні можна разгледзець амбіграмы, што ўяўляюць каліграфічны ўзор, які дазваляе сумясціць два розныя прачытання з аднаго і таго ж набору ліній (пры павароце, адлюстраванні, пільным узіранні і г. д.). Напрыклад, амбіграма магілёўскага паэта Д. Дзмітрыева:

Магутны божа

Д. Дзмітрыёў. “МАГУТНЫ БОЖА, ЎЛАДАР СУСВЕТУ”

В. Жыбуль так адзываецца аб творчасці Д. Дзмітрыева: “Калі, маючы на ўвазе традыцыйную паэзію, кажуць, што зь песьні слова ня выкінеш, дык зь вершаў Дзьмітрыя Дзьмітрыева і блізкіх яму аўтараў цяжка выкінуць ня тое што слова, але гук і літару. А калі казаць пра амбіграму, то тут ня выкінеш – ужо ў межах самой літары – нават маленькі кручок, выгін ці завітушку. У гэтым сэнсе працэс стварэння амбіграмы нагадвае працу хірурга альбо фізыка-атамшчыка. Творца, які займаецца амбіграмамі рэгулярна, звычайна выпрацоўвае свой адметны, уласцівы толькі яму, стыль-почырк” [12].

Да нетрадыцыйнага размяшчэння вербальнага элемента адносяць, у першую чаргу, фігурныя вершы, якія атрымалі шырокае распаўсюджванне ў сучаснай паэзіі (іншыя назвы: графічныя вершы, вершаграфіка, каліграма), у якіх графічны малюнак радкоў або выдзеленых у радках літар складаецца ў малюнак якой-

небудзь фігуры або прадмета, а цэнтральны вобраз звычайна апрадмечваецца формай, дзякуючы чаму ўзрастае значнасць і выразнасць тэксту.

У творчасці сучасных беларускіх паэтаў фігурныя вершы набываюць самую розную форму: напрыклад, верш “Спаленая вёска” Ю. Пацопы мае форму трохкутніка, “Трансфіліпуцыя” В. Жыбуля – ромба, “пад’езныя норы...” С. Мінскевіча – квадрата, “Трохвугольныя нерэальнасці” А. Кавалеўскага – трапецыі і інш. Верш А. Глобуса “Жах” мае форму крыжа:

```

жах
жах
жах
увесь сьвет у крыжах, увесь сьвет
жах
жах
увесь сьвет у крыжах, увесь сьвет
жах
жах
жах
жах

```

А. Глобус. “Жах”

Сучасная візуальная паэзія вызначаецца наступнымі характэрнымі рысамі: візуальны верш можа складацца нават з аднаго слова ці словазлучэння, аднаго або некалькіх сказаў, некалькіх марфем або службовых слоў, гука-літарных спалучэнняў; магчыма ўкараненне ў тэкст геаметрычных фігур, матэматычных элементаў, сінтэз вербальных і нотных знакаў і г. д.; гульні са святлом і ценем, разнастайныя невербальныя і вербальныя тэхнікі і прыёмы. Дзякуючы мультымедыйнаму інструментарыю паэты-візуалісты маюць вялікі выбар шрыфтоў, выкарыстоўваюць розныя фонавыя і каляровыя рашэнні, эфекты руху і з’яўлення, альтэрнатыўныя фонавыя і каляровыя рашэнні, эфект тэкстуры, маляванне і анімацыя, метамарфозы шрыфтоў, знакаў (ад моўных да графічных) і як вынік – трансфармацыі сэнсу на розных узроўнях візуальнага паэтычнага тэксту і многае іншае [13, с. 44–46]. Такім чынам, стварэнне візуальнай паэзіі з дапамогай сучасных камп’ютарных сродкаў з’яўляецца той нішай, якая яшчэ толькі пачала запаўняцца і на сённяшні дзень робяцца толькі першыя спробы ў гэтай творчай вобласці.

Заклучэнне

Нягледзячы на сваё актыўнае распаўсюджанне ў сучасным мастацтве, візуальная паэзія, узнікшы з сінтэзу графікі і паэзіі, носіць дастаткова традыцыйны характар, застаючыся на працягу доўгага часу вельмі актуальнай з’явай як у паэзіі, так і ў літаратурнай крытыцы. Увагу даследчыкаў у візуальнай паэзіі прыцягвае нестандартнасць вырашэння паэтычнай думкі, шматпланавая вобразнасць тэксту за кошт трохмернага малюнка, які выводзіць на новы ўзровень успрыняцця аўтарскай ідэі, прызвае чытача да сааўтарства. Візуальная паэзія знаходзіцца на стыку паэзіі і жывапісу, графікі, пластыкі, фатаграфіі; у сучаснай візуальнай паэзіі назіраецца жанрава-стылёвая разнастайнасць, свабода зместу і формы; візуальная паэзія яшчэ да канца не аформілася як жанр або літаратурны напрамак.

Візуальная паэзія патрабуе пільнай увагі чытача, таму што ў сучасным паэтычным дыскурсе лінейная арганізацыя вершаванага тэксту перастае быць абавязковай, тэкст можа размяшчацца па вертыкалі, дыяганалі, набываць выгляд любой геаметрычнай фігуры або рэчы. У візуальным тэксце сэнсавая і мастацкая нагрузка размяркоўваюцца паміж паэтычным паведамленнем і выяўленчай формай яго адлюстравання, прычым створаны комплексны змест не можа быць выражаны ўзятаямі паасобку выкарыстанымі ў творы мастацкімі сродкамі, што сведчыць аб інтэртэкстуальнасці візуальнай паэзіі.

Імклівае развіццё інфармацыйных тэхналогій адкрывае новыя шляхі для візуальнай паэзіі, а сучасныя сродкі масавай камунікацыі спрыяюць даступнасці і шпаркасці распаўсюджвання новых мастацкіх ідэй, прыёмаў і тэхналогій сярод сусветнай творчай супольнасці, уключэнню эксперыментатараў розных краін у арбіту агульнасусветнага мастацкага пошуку. Большасць сучасных візуальных твораў характарызуюцца мнагаслойнасцю, сінтэзам тэксту і візуальных сродкаў з выкарыстаннем самых разнастайных тэхнік і метадык.

Беларуская візуальная творчасць не так шырока прадстаўлена, як руская і сусветная. Для некаторых сучасных беларускіх паэтаў вынаходніцтва зусім новых (напрыклад, версэты, вершаказы, квантэмы, зномы А. Разанава) і ўвядзенне ў беларускую славеснасць вядомых у сусветнай паэзіі вершаваных формаў (В. Жыбуль, напрыклад, упершыню ў беларускай паэзіі стварыў паліндрамічную паэму “Рогі гор”) з’яўляецца справай першаступеннай важнасці. Аналіз найбольш адметных прыкладаў візуальных твораў як беларускіх, так і замежных аўтараў сведчыць аб існаванні пэўных традыцый, пераемнасці наватарскіх падыходаў. Па сутнасці, беларуская літаратура карыстаецца ўсімі відамі і жанрамі, якія актуалізаваны як рускай, так і сусветнай літаратурай. Гэта заўвага ў поўнай меры адносіцца і да візуальнай паэзіі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Рагойша, В.П.** Уводзіны ў літаратуразнаўства : вучэб. дапам. – Ч. 1 : Літаратуразнаўства як навука. Эстэтыка літаратуры. Паэтыка / В.П. Рагойша, М.П. Кенька, Т.А. Марозава ; пад рэд. В.П. Рагойшы. – Мінск : БДУ, 2011. – 247 с.
2. **Гик, Ю.** Наследие Дада в современной визуальной поэзии / Ю. Гик // Выставка визуальной поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html. – Дата доступа : 01.12.2013.
3. **Кедров, К.** Стихи. / К. Кедров // Интервью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2009/07/15/3952>. – Дата доступа : 01.12.2013.
4. **Бирюков, С.** Визуальная поэзия в России / С. Бирюков // Черновик [Электронный ресурс]. – 1997. – № 12. – Режим доступа : <http://www.vavilon.ru/metatext/chernovik12/visual.html>. – Дата доступа : 01.12.2013.
5. **Товий, Х.** Слияние поэзии и живописи / Х. Товий // ЛИМБ [Электронный ресурс]. – 2002. – № 12. – Режим доступа : <http://limb.dat.ru/No12/essay/harhur2.shtml>. – Дата доступа : 01.12.2013.
6. **Сигей, С.** О природе визуальной поэзии. Интервью с Михаилом Рыклиным / С. Сигей // Черновик [Электронный ресурс]. – 1990. – № 3. – Режим доступа : litfest.ru>news/vizualnaja_poehzija/2011-06-02. – Дата доступа : 01.12.2013. Сигей, С. О природе визуальной поэзии. Интервью с Михаилом Рыклиным // Черновик: альманах. – 1990. – № 3. – С. 22–32.
7. **Назаренко, Т.** Визуальная поэзия / Т. Назаренко // Черновик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=5&leng=ru. – Дата доступа : 01.12.2013.
8. **Бельскі, А.І.** Сучасная беларуская літаратура : вучэбна-метадычны дапаможнік для настаўнікаў / А.І. Бельскі. – Мінск : Народная асвета, 1997. – 223 с.

9. **Жыбуль, В.** Кароткая гісторыя беларускай візуальнай паэзіі / В. Жыбуль // Тэксты. – 2007. – № 3. – С. 107–129.
10. **Слуцкая, К.А.** Языковая гра як сродак рэалізацыі паэтычнай функцыі візуальнай паэзіі / К.А. Слуцкая // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 72. – 2012. – № 36(290). – С. 53–57.
11. **Бубнов, А.** Смотри на меня без очков / А. Бубнов // Параллель [Электронный ресурс]. – № 36. – Режим доступа : http://www.45parallel.net/aleksandr_bubnov/. – Дата доступа : 01.12.2013.
12. **Жыбуль, В.** Мікрахірургія слова, альбо Пачатак беларускай амбіграматыкі / Ж. Віктар // А R С Н Е [Электронный ресурс]. – 2007. – № 11. – Режим доступа : <http://arche.bymedia.net/2007-11/dzmitryjeu711.htm>. – Дата доступа : 01.12.2013.
13. **Минаева, Э.** Современный поэтический дискурс : коды визуальной поэзии современного дискурс-анализ / Э. Минаева, Т. Пономарева / Современный дискурс-анализ [Электронный ресурс]. – 2013. – № 9. – Режим доступа : <http://discourseanalysis.org/ada9/st66.shtml>. – Дата доступа : 01.12.2013.

Поступила в редакцию 20.02.2014 г.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

ЛАЎРЫНОВІЧ <i>Дзмітрый Сяргеевіч</i>	– доктар гістарычных навук, дацэнт, першы прарэктар МДУ імя А.А. Куляшова
ПУШКІН <i>Ігар Аляксандравіч</i>	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання
КРЫВУЦЬ <i>Віталій Іванавіч</i>	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта
КУЗЬМІН <i>Андрэй Дзмітрыевіч</i>	– магістр гістарычных навук, аспірант МДУ імя А.А. Куляшова
ЦУМАРАВА <i>Алена Пятроўна</i>	– аспірант МДУ імя А.А. Куляшова, асістэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларуска-Расійскага ўніверсітэта
САЛАЎЁЎ <i>Раман Вадзімавіч</i>	– магістр гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
КУЛАБУХАВА <i>Алена Уладзіміраўна</i>	– аспірант МДУ імя А.А. Куляшова
ВІШНЕЎСКІ <i>Міхаіл Іванавіч</i>	– доктар філасофскіх навук, прафесар, загадчык кафедры філасофіі МДУ імя А.А. Куляшова
СТАРАСЦЕНКА <i>Віктар Уладзіміравіч</i>	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дэкан факультэта замежных моў МДУ імя А.А. Куляшова
ФАДЗЕЕВА <i>Ірына Уладзіміраўна</i>	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт МДУ імя А.А. Куляшова
ГРАДЗЮШКА <i>Аляксандр Аляксандравіч</i>	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт БДУ
КАСЦЮК <i>Вольга Пятроўна</i>	– аспірант кафедры кіна- і тэлемастацтва Інстытута культуры і мастацтваў Луганскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Т. Шаўчэнкі (Украіна)
ДАНІЛОВІЧ <i>Таццяна Валер’еўна</i>	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт БДПУ імя М. Танка
РУБАНАВА <i>Яўгенія Віктараўна</i>	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры замежных моў МДУ імя А.А. Куляшова
ГІРЫНА <i>Алена Васільеўна</i>	– аспірант МДУ імя А.А. Куляшова

SUMMARIES

Danilovich T.V. IDEA OF ART AUTONOMY IN N.I. ULYANOV'S LITERARY CRITICISM

The originality of N.I. Ulyanov's literary and aesthetic views is highlighted in the article. It proves his commitment to the conception of pure art, his attempt to root its principles in the literature of immigrant Russian writers influenced by the utilitarian approach which aroused the critic's concern as N.I. Ulyanov was an opponent to the pragmatic view of art.

Girina E.V. MODERN VISUAL POETRY: GRAPHICAL MEANS OF VERBALIZATION

The article considers visual poetry as a vanguard direction involving poetry and fine art. It is determined that modern visual works are characterized by a multilayered nature, irregularity and a variety of poetic thought manifestation. The most important feature of visual poetry is the presence of verbal component. The author concludes that visual poetry has not formed as a genre or literature trend; information technology makes it possible to use various techniques and methods; there is a succession of innovatory approaches and a search of new graphic ideas and forms in modern Belarusian visual poetry.

Hradiushka A.A. STRATEGIES OF BELARUSIAN ONLINE NEWS PUBLICATIONS IN SOCIAL NETWORKS

The article considers the main tendencies of Internet-journalism development. It focuses on the influence of digital technologies on journalists' creativity. The author studies new methods for promoting online mass media in the context of the development of social networks and media convergence. The article reveals the phenomenon of «public pages» in social media. It appears that new functions of social media are changing the role and aims of traditional journalism. Social networking technology is evaluated in terms of its impact on the newspaper enterprise. The research leads to the conclusion that social media in modern mediasphere gain an increasing position. The article also outlines further research perspectives.

Kostiuk O.P. MYTHOLOGICAL INITIATION AS A WAY TO IDENTIFY THE INDIVIDUAL IN SOCIETY

The article deals with the initiation which includes a myth. The article provides an analysis of the mythological initiations in contemporary culture in the context of globalization as a way to identify the individual in society.

Krivuts V.I. PERSONALITY CULT OF J. PILSUDSKI AS AN ELEMENT OF STATE YOUTH POLICY IN THE SECOND POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH

The article highlights the formation and development of Marshal Jozef Pilsudski cult as a part of the official youth policy in the interwar Polish state. The author characterizes in detail the approaches of the educational system leaders to the personality of "sanation" leader as well as the formation of his cult in Polish schools including those in Western Belarus. The place occupied by the "legend of the marshal" in the ideology of the leading pro-governmental youth organizations and associations is given special illumination. The article is based on a variety of documentary materials.

Kulabuhova E.V. ACTIVITIES OF BELARUSIAN ORTHODOX CLERICS DURING REVOLUTION OF 1905–1907

The article deals with the issues related to the position of the Belarusian Orthodox clergy on the revolution of 1905–1907. It highlights the involvement of the Orthodox clergy in Preconciliar Commission which opened in 1906 to strengthen autocracy and its ideological influence on the people. In addition, the article examines the role and place of the Belarusian Orthodox clergy in two election campaigns to the First and Second State Duma, reveals some of the reasons for the mass falling away from orthodoxy resulting in the weakened position of the church in the struggle against the revolutionary movement. The reasons were antiquated church ideology, aggravated interchurch crisis, and the spread of social democratic doctrine.

Kuzmin A.D. OUTLINE OF SOCIOCULTURAL TRAITS OF OFFICIALDOM IN BELARUSIAN PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES FEATURED IN BELARUSIAN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article presents the historiographical analysis of the literature focused on the study of sociocultural characteristics of the officials in the Belarusian provinces in the second half of the XIX – early XX centuries. The author summarizes the works of Belarusian and foreign scholars. The material is arranged in the chronological and thematic order.

Lavrinovich D.S. ACTIVITY OF ORTHODOX CHURCH REPRESENTATIVES FROM NORTH-WESTERN PROVINCES IN THE STATE DUMA III OF RUSSIAN EMPIRE

In the article the activity of the Orthodox clergy, elected as the deputies of the State Duma III from Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev provinces is investigated. The author characterizes social, educational, professional and property status of the clergy. The author also highlights their work in committees, draft legislation aimed at improving the conditions of the church and the population. Particular attention is drawn to the political activity of the representatives of the Orthodox Church in the Duma, their participation in the campaign for the expansion of the “Russian” representation in the State Council from provinces of the North-Western region and at congresses of Western Russian brotherhood.

Pushkin I.A. PECULIARITIES OF THE BSSR NATIONAL AND STATE POLICY IN THE 1920s.

The author analyzes the development and directions of the national policy of the BSSR in the 1920s relying on the material from the archives of Belarus, the Republic of Lithuania and the Russian Federation. Peculiarities and main trends in the activities of the state governing bodies regulating social and cultural development of ethnic minorities are outlined. The stages of the Soviet Belarus national policy in the interwar period are characterized.

Soloviev R.V. KOYALOVICH'S VIEWS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY AND RESEARCH OF BELARUSIAN LANDS

The article is devoted to M.O. Koyalovich's activities and his views of the history of Belarus as well as to some features of the development of ideas on the

historical destinies of the Eastern Slavs expressed by scientists, writers and public figures in Eastern Europe of the second half of the XIX century. Particular attention is paid to controversial aspects of the subject, the analysis of which is very significant and gives us insight into the views of the authors, the internal logic of their argument in the reconstruction of historical processes.

Starostenko V.V. ORIGINS OF RELIGIOUS TOLERANCE IN BELARUS

The article analyzes the genesis of the idea of religious tolerance in Belarus. It demonstrates the collisions of legislative consolidation of tolerance in the history of Great Principality of Lithuania in the XIV – XVI centuries. The concept of religious tolerance and freedom of religious self-determination is seen as a necessary condition for the preservation of civil peace and harmony in a multi-confessional society.

Tsumareva E.P. “CENSORSHIP WORK UNBEARABLE”: ACTIVITIES OF THE VILNA INTERIM COMMITTEE FOR THE PRESS (1907–1914).

The research highlights functioning of the Vilna Interim Committee for the Press as a part of censorship system in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The conflict between liberal and conservative views characteristic of the whole society has been traced on the basis of the relations within the Committee. The criticism of the Provisional Rules of the 24th of November in 1905 and liberalization of the legislation by conservative-minded censors has been viewed. The general description of composition and functional responsibilities of inspectors for the press has been given. The contradiction between inspection performed by the Committee and military censorship has been revealed. The legal grounds for criminal proceedings have been studied. The group of mass media persecuted by the Vilna Interim Committee has been singled out.

Vishnevski M.I. PHILOSOPHICAL EDUCATION AS SEARCHING OF MEANING OF LIFE

The article deals with the key aspects of generating pupils' and students' interest in philosophical and ideological knowledge under their consideration. The author suggests taking into account a variety of relevant motivations and adaptation of lecturing to the modern social and cultural circumstances.

Fadzeyeva Irina. ÜBER DIE INNERSPRACHLICHEN BEMÜHUNGEN DER SPRACHFORSCHER UM DIE REINIGUNG DER DEUTSCHEN SPRACHE VON FREMDWÖRTERN IM KULTURHISTORISCHEN UND LINGUISTISCHEN KONTEXT

Die vielseitige Tätigkeit der Sprachforscher um die Reinigung der deutschen Sprache verlief in Deutschland in einigen kulturhistorischen Etappen, die in der deutschen Linguistik ausführlich beschrieben sind.

Zu den wichtigsten innersprachlichen Folgen der Bemühungen um das richtige und schöne Deutsch im linguistischen Kontext zählt das Entstehen von zahlreichen synonymischen Reihen vom Typ „deutsches Wort“ („puristisches Ersatzwort“, „verdeutsches Fremdwort“, „Verdeutschung“) – „Fremdwort“. Die Analyse der Entwicklungswege der Wortpaare, die durch die Tätigkeit der deutschen Sprachregler entstanden sind, in der Geschichte und Gegenwart ist somit die Aufgabe unserer Forschung. Dieses Anliegen ist um so wichtiger, als dass das Funktionieren der Fremdwörter parallel mit den deutschen Wörtern wegen der transkulturellen Kontakte zwischen den Völkern in der globalisierten Welt unvermeidlich ist.

Rubanova Y.V. COMPUTER LEXICON: CURRENT ISSUES.

The article highlights modern approaches to the research of computer slang. The author explains the need for the accurate typology of computer lingo and for the differentiation of the relevant terminology applied to name its formal and informal layers.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *І.І. Талкачова*

Падпісана да друку 21.07.2014 г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура Petersburg.
Ум.-друк. арк. 9,1. Ул.-выд. арк. 8,0. Тыраж 100 экз. Заказ 4630.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў